

3 1761 05646628 7

**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

бр 8450
х 727570

ЗАПОРОЖСКАЯ СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

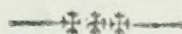
Głucho wszędzie, ciemno wszędzie!

Mickiewicz.

Такъ вѣчной памяни бувало

У насъ въ Гешьманьщій коли-сь.

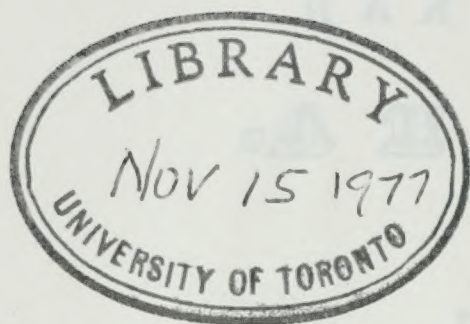
Котляревскій.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1833.

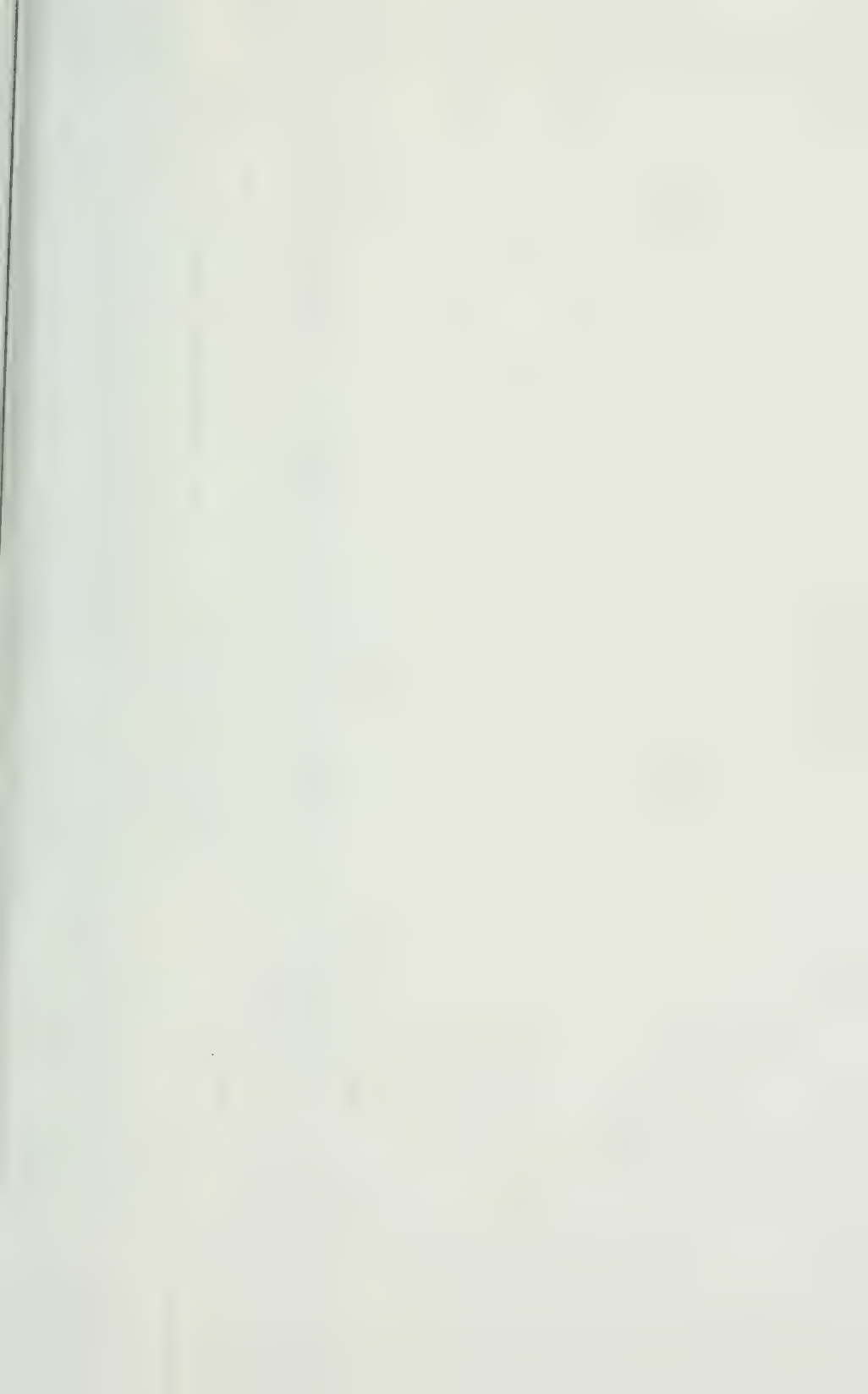

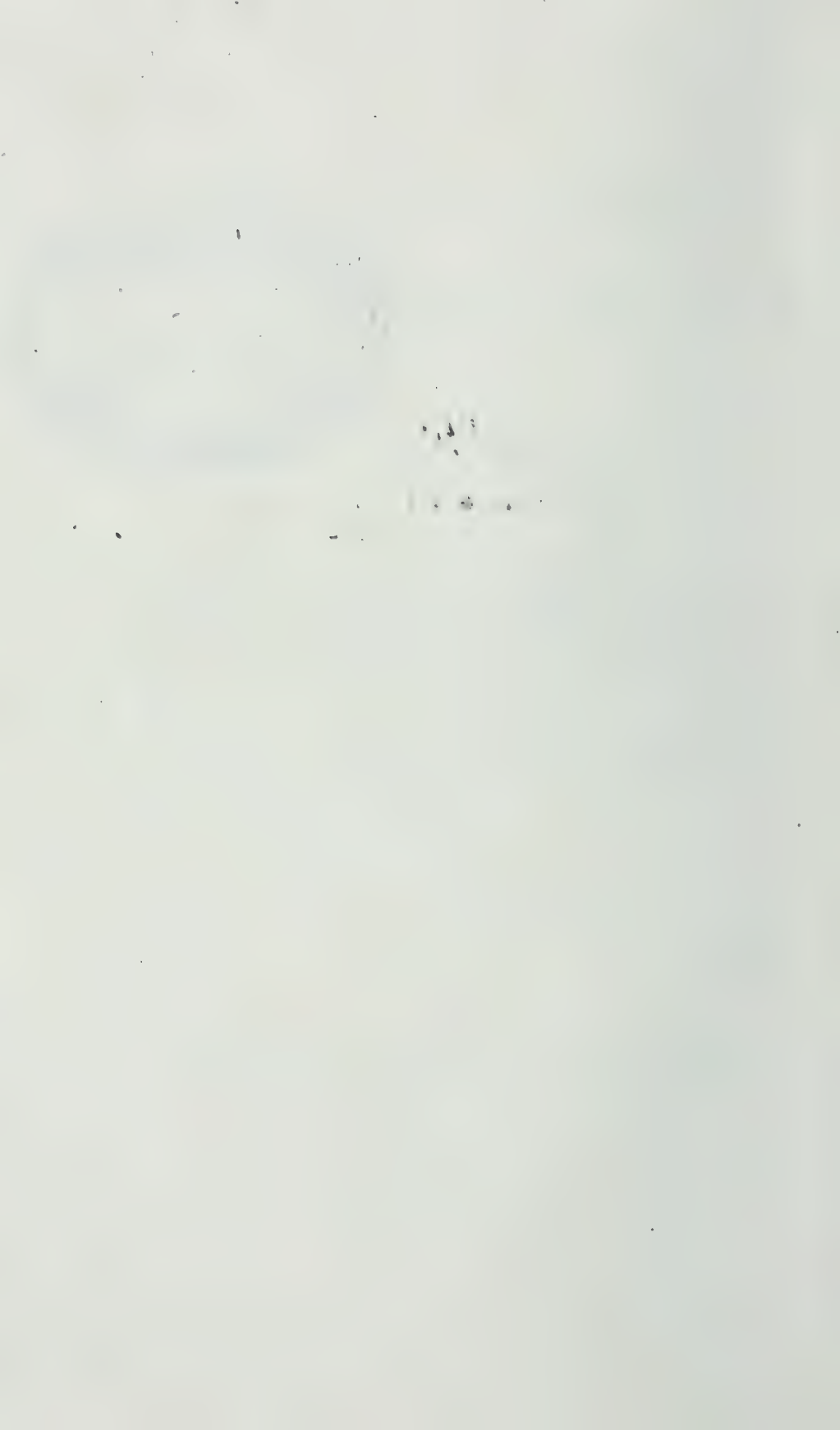
DK
508
.55

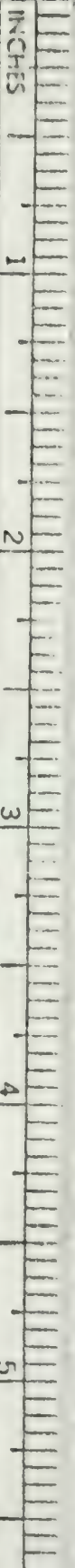
S65

1834a

ch.1

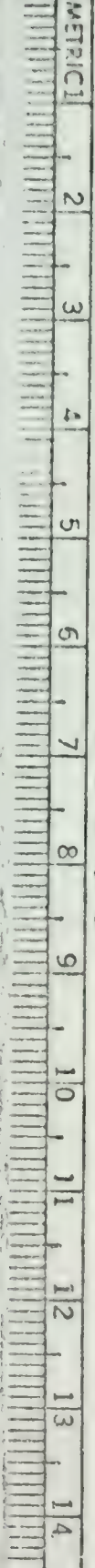

CAT. NO. 73035 STUDENTS RULE

centro

CENTRAL SCIENTIFIC COMPANY

Запорожская Старина.

ПѢСНИ И ДУМЫ

О

ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ ДО БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представ-
лены были съ Цензурный Комитетъ пять
экземпляровъ. Москва. Мая 19 дня 1833.

Цензоръ Девябскій.

Издавая въ свѣтъ мое собраніе Запорожскихъ пѣсень и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую, — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смелостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страшнымъ составомъ, и образомъ жизни, и характеромъ,

будути отличенъ отъ всего, его
окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ
памяти потомства. Лѣтописи
Украинскія повѣствуютъ только
о подвигахъ сего народа, касаясь
очень рѣдко до внутренней жизни
его, и самыя даже подвиги описы-
ваютъ иногда кратко, иногда не-
вѣрно, сбивчиво, часто противорѣ-
ча одна другой. Еще меньше заслу-
живаютъ вниманія лѣтописи Поль-
скія; еще меньше — лѣтописи Мол-
давскія, наконецъ Русскія лѣтопи-
си почти ничего не говорятъ о За-
порожцахъ. Эта бѣдность исто-
ріи Запорожцевъ въ источникахъ
письменныхъ, заставляетъ наблю-
дателя искать другихъ источни-
ковъ, — и онъ находитъ для своихъ

ислѣдованій богатый, неистерпае-
мый рудникъ въ преданіяхъ народ-
ныхъ.

Сии преданія сохраняются въ
памяти бандуристовъ, потомковъ
тѣхъ бандуристовъ, кои подобно
Скальдамъ Скандинавіи сопрого-
дами храбрыхъ вольниковъ Запо-
рожскихъ во все ихъ походы, по-
добно Скальдамъ возбуждали ихъ
къ битвѣ своими пѣснями, подобно
Скальдамъ сохраняли для потом-
ства въ пѣсняхъ и дѣумахъ своихъ
подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

И доселѣ на Украинѣ есть
какъ-бы особенный цѣхъ стари-

ковъ, кои то, подъ названіемъ и ремесломъ циганъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село, и тѣшатъ народъ своей игрою на бандурѣ, (*) своими печальными пѣвками пѣсень и думъ старинныхъ, своими рассказами про бывшее.

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ селѣ отношеніи сіи старики важныя всякихъ лѣтописей. Хотя

(*) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 24 струнахъ. Меласъ упоминаетъ о бандурѣ, похожей на цинну и употребляемой Горцанами. См. Молар. Звѣзду на 1825. стр. 255.

преданія о старинѣ, ими рассказы-
ваемые, и подлежатъ строгой кри-
тикѣ, но тѣмъ не менѣе поэти необ-
ходимы для всякаго, кто желаетъ
знать исторію Запорожцевъ и да-
же остальной Украины. Что ка-
сается до событій, до внѣшней
исторіи народа, какъ называютъ
Ильцы, то въ сихъ преданіяхъ мо-
гутъ быть ошибки въ мелочахъ, —
въ именахъ собственныхъ, въ по-
слѣдовательности происшествій.
Этого рода преданія можно повѣ-
рить льтописями, еще лучше свѣ-
рить ихъ между собою; ибо ни
ложь ни ошибка не можетъ быть
общею, одинъ бандуристъ скажетъ
такъ, другой иначе; критика по-
можетъ отличить истину отъ вы-

мысла. Другой родъ преданій бандуристовъ--о бытїи, правахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоценны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанію, и по обширности.—Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, — старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни зопорнаго слад-

козласія, ни изнѣженности чувствъ,
ни роскоши выраженій. Пѣтъ! въ
нихъ все дико, подобно гурбровамъ
и степямъ, воспринявшимъ ихъ на
лоно свое при рожденіи, — все по-
рывисто подобно полету урагана
степного, подъ глухія завыванья
котораго онъ взлелѣянъ, — все бур-
но, подобно минувшей жизни Запо-
рожья. Пѣжное чувство перилько
пробивается сквозь грубую обо-
лочку оныхъ, но какъ кипучая во-
на Пенасытенецкой пугины Пекла
среди холода зимняго сквозь про-
зрачную кору льда, ее покрываю-
щую, — пробивается, и застыва-
етъ на оной. То пѣсни юноши, ко-
его сердца, погорстѣвши для у-
милнаго чувства любви, суровое,

непреклонное, радуется одною радостію победы и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ, — юноши, который, равнодушно взирая на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмицая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти нѣси дышатъ отвагой, самонадеянностію.--

То думы старца: убіенная лѣтами голова его поκειται на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли будто дымъ снѣгидный; но его души осталась еще одна улада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбужда-

юице; и взоры его, прежде пылав-
шіе буйнымъ пламенемъ воинствен-
ности, теперь померкшіе, испепе-
лившіеся, блистаютъ слезой печа-
ли о минувшемъ; и голосъ его, уже
увядшій, тихій, едва слышимый, ожив-
ляется, мужаетъ, посторая въ
унылыхъ канѣвахъ преданія сво-
его времени, своего поколѣнія: въ
думахъ нѣтъ той непринужденно-
сти, той свободы чувства, кото-
рая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ
смыслила се старческая вялость,
нестройность чувства, хотя и
глубокого, и самообытнаго.— Въ пѣс-
няхъ выразилась лирика и драма-
тика народной поэзіи Запорож-
цевъ; въ думахъ — мрачный, холод-
ный эпизмъ.

Таковъ общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора — беллетристика, важны для историка и этнографа. Подлинныя музыка, будучи вытверждаемы слово въ слово, или поэтичѣски, оныя подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, послѣдія на себѣ отпечатокъ вкуса, мѣстной, наклонностей народа: оныя суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что

доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ дѣлахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Церетелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, т. е. не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайно слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы, собственно историческія, т. е. измѣ-

юція предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія, — думы правовучительныя, религіозныя, и пр. Первый родъ важенъ преимущественно для внешней исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ я и въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы оу историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

Остается лишь сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣ-

сень и думъ Запорожскихъ издано
было очень мало: К. Пиртселевъ
издалъ сень думъ и одну пѣсню,
Максимовичъ — около двадцати
пѣсень; всего неболе 40 пѣсень,
между коими только пятая часть
историческихъ. Эта малоизвѣст-
ность памятниковъ поэзии Запо-
рожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣ-
ренность въ пользу оныхъ для исто-
ріи Запорожцевъ — побудили меня
заняться собираніемъ оныхъ, и на-
концѣ я при помощи многихъ особъ,
погнѣвшихъ занятія мои своимъ
соблѣствіемъ, послѣ семилѣтняго
труда, успѣлъ собрать довольно
значительное количество какъ думъ
и пѣсней, такъ и другаго рода пре-
даній. Не все собрано самимъ мною;

большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны поправить самъ лично все доставленное, исправить ошнѣнки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее, — наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были все пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь и пѣтъ и половины, и того болѣе; покрайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что

внозъ соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсенъ и думъ, и варіанты. Не прилагаю словаря, надѣясь современнымъ издать полный словарь Украинско-Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ, — я употребилъ для пѣсенъ и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія оного.

До сего времени появилось очень много мнѣній и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличалась или любовью къ гугацкой грубости выговора, или запор-

ностію и многообразіємъ своихъ правилъ. Больше другихъ любопытны мнѣнія Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію Малороссійскихъ писемъ. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противоположно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ неполно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общественнаго употребленія, — и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологию. Я нарочно пересматриваю

валъ всѣ мѣтониси, бумаги, письма, — словомъ все, что попадаюся мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюся на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть—а чего не можетъ быть?—Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ да-

же гораздо пріятнѣе будетъ встрѣ-
титьъ противниковъ съ доказатель-
ствами неосновательности и не-
правильности моихъ мнѣній, неже-
ли защитниковъ съ похвалами:
только отъ первыхъ могу ожидать
истиннаго сужденія. II такъ:

1. Согласныя буквы я пишу
всегда слѣдуя выговору народному,
исключая буквѣ ф и хв: Украинцы
выговариваютъ ф какъ хв, а хв
какъ ф.

2. Полугласныя буквы также
пишутся по выговору, исключая
одинъ случай, когда должно пока-
зать корень, напр. въ словѣ вѣйсько
(войско) ѣ не выговаривается, но
его должно писать, ибо не видно бу-
детъ происхожденія слова; ѣ въ селѣ

слозъ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

5. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: а, е, и, ы, о, у.

Мяккія: я, ё, і, ѳ, ѵ. ё, ю.

Твердыя: а, о, у, — выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; е, употребляясь также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское э, или Французское è; и, ы, — употребляются тамъ же едь и по Русски, но выговариваются иначе, объ какъ Польское или Богемское у, т. е. не много мягче Русскаго

ы, имѣя срединный звукъ между Русскимъ ы и э.

Мягкія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная ъ; напр: люди — какъ лѹюди; пхати, по Укр. ѣхати, выговар. ѣхати. Буквы: я, е, ю, — употребляются тамъ-же, гдѣ по Русски; буквы: ё ѣ, — тамъ гдѣ твердыя е, и — выговариваются мягко; і, ѵ, — гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго и.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: е, і, и, ы — выговариваются мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нуж-

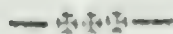
нымъ объяснить предварительно мо-
имъ читателямъ.

*Предаю на судъ благосклонно-
сти трудъ мой, и не премину вос-
пользоваться совѣтами, если толь-
ко буду ими удостоенъ.*

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1833 года Апрѣля 2.

П Ъ С И И.

1.

Надгробная тѣнь Свирговскому.

I.

Ой у городі у Черкасї
Сурьмы засурьмили;
Якъ нїі Ляшєвкї Комиссары
До Гешьмана приходили.

II.

Ой у городі у Черкасї
Бубны заорали,
Якъ нїі Ляшєвкї Комиссары
До Гешьмана прибували.

III.

Ой, Пань пищый, Пань Свирговський,
А ще другий, Пань Зборовський,

IV.

А ще третій, Морозенко,
А четвертий, Пань Горленко.

V.

Що изъ Волохами Турокъ дерешся,
А изъ Татарами Волохъ бьешся.

VI.

Та Волошески земли руйнують,
Плидрують, що й не милують.

VII.

Ой, зайржали кони, кони,
Та пі́дъ гору і́дучи;
Заголосили бусурмани
Та до Киї́н і́дучи.

VIII.

Ось якъ Пань Свирговський
До Киї́н прибувавъ,
Усї́хъ Козакі́въ собиравъ,
Та на Раді́ прохавъ.

IX.

Спизіть орликомъ зіпавъ,
Дворонькомъ гнувся:
Де-сь ще я, мои милі братья,
Та й сподінуся.

X.

Сподінувся Пань Свирговський
У сырій могилі,
Якъ Козаки бїли ёго
Та загомонили.

XI.

Плакала снара баба Грыциха
Мовь перенедиха, мовь перенедиха;

XII.

Молода сестра сонь-праву првала,
Сшарую пышала, сшарую пышала:

XIII.

—Чи мой сонь-права Козацькая сила?
Чи мой сонь-права Козацька могила?

XIV.

—Ой, той сонъ-права, голубонько,
Зроспився у полі,
Та піймала шу праву недоля,
Та дала моїй доні.

XV.

Ой, доця-жъ, доця, моя доця,
Годі сумовати;
Що нашого молодого Івана
У могилі шукаши,

XVI.

У глібокій у могилі,
Біля города, біля Київ.

XVII.

Не то батенько сына прощавъ,
Щаблю на зброю дававъ;

XVIII.

А то мати сына випровожала,
Що слізьми опрощенье давала,

XIX.

Що сльзьми опрощенье давала,
Що на горе собі его выгодовала.

2.

*Вторая надгробная пѣснь Сви-
ровскому.*

I.

Якъ того Пана Йвана,
Що Сви́ровського Гешмана,

II.

Та якъ бусурманы вѣдали,
То голову ёму рубали,

III.

Ой голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вѣшали.

IV.

Та у сурьмы вийгравали,
Зъ ёго глумовали.

V.

А нѣз нѣзу хмара снѣгала,
Що воронѣвъ клѣсча набѣгала,

VI.

По Украинѣ шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой Украина сумовала,
Свого Гешьмана оцлакала.

VIII.

Тодѣ буймы вѣиры завывали.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана сподѣвали?

IX.

Тодѣ кречены наѣинали.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана жалковали?

X.

Тодѣ орлы загомонили.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана зхоропили?

XI.

Тоді жаворонки повиднися.

— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ
просишися.

XII.

— У глѣбокій, умогилѣ,
Бѣля, города бѣля Килѣ,
На Турецкій линѣ.

3.

Убіеніє Серяги.

I.

Ой у городѣ у Львовѣ
Занумѣли вербы.
Козакъ бурмакъ вѣнний лежиль
Серяга на меривый.

II.

Ой у городѣ у Львовѣ
Задавонили давонь.

Козакъ бурлакъ вбитый лежить.
Правляють похорони.

III.

А у городі у Каневі
Та й заголосили,
Що Серпягу у могилу
Тихо положили.

IV.

Ой Серпягу положили,
Та и заховали;
Та поминьша по Украині
Поминь відправляли.

4.

Надгробная пѣснь Серпагѣ.

I.

Ой п сила, сила, сила
Силу подолѣла,

Серіягові та у Львові
Споділа могила.

II.

Споділа могила,
Якь Волохамъ любо.

Припинали на Серіягу
До сухого дуба.

III.

Ой Волохи, ой Волохи!
Зь чёго-жъ ёго звали?

Що Козакамъ Запорожцямъ
Та израду дали.

IV.

Та израду дали
Господарю своему.

Ой Гешьману Серіягові
Добро було й дома.

V.

Поминайте-жъ лихомъ
Господаря свого.

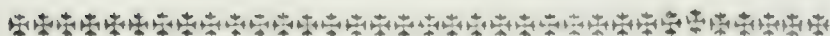
Чи вішь добрый, чи вішь злока,
Ой, що вамъ до того.

VI.

Хочъ вішь добрый, хочъ и злока,
Абы не падлюка.
Припинайше на Серпягу
До сухого сука.

VII.

Що Серпяга то Серпяга
Брашна Жаха має,
Та відь брашна, ша відь Жаха
Щоминь сподіває.

5.

Сожженіе Могилева.

I.

Ой у городі Могилеві
Дымомъ пошыгнуло,

Якъ то вѣйсько Запорожське
Зъ гармани на ревило.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та спалося пусто,
Якъ повѣли Козаки
Зъ самоналѣвъ гусно.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы на гадюки;
Ляшськимъ шніємъ годуються,
Ляшську шніу радуються.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що ни на колоды;
Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшськѣй породѣ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ тая позора,

Що ходишь та по білу свитку
Зъ двора та до двора.

VI.

Не такъ тая позора,
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Ізъ самого рана
Відъ Гетьмана Наливайка;
Шановного Пана.

6.

Убієніє Наливайка.

I.

Славна спала та Кравчина
Якъ на Польщу спала,

Вовкулакамъ Капони́камъ

Мешючи зраду здала.

II.

Тую зраду, тую зраду,

Що въ мурі въ темниці

Зъ Наливайка позавчала

Якъ зъ бідної вдовицы.

III.

Вдовинь сыну, вдовинь сыну!

Е ще въ небѣ братья;

А въ братівъ лвоихъ Козаківъ

Богацько завзяшья.

IV.

Сходилися всѣ Козаки,

Раду положили,

Та на Раді на Подяківъ

Походъ присудили.

V.

Росходилися Козаки

Изъ своєї Рады,

Выбирали съ нѣдъ камѣньѣвъ
Великіи клады.

VI.

Клады продавали;
Самопалы куповали;
Куповали самопалы,
Въ походѣ выступали.

VII.

А по передѣ всѣхъ Голый
Соколомъ лѣшае;
На кошку вороному
Жахомъ выграбае.

VIII.

Привертали Козаченьки
По рану до Слутѣ,
Та зъ гарманы гуштовали
Каполюкѣвъ звучи.

IX.

А Ляхи ѣ почули
Увъ ошвѣиць ревнули.

Бодай-же имъ тяжко й важко

Що вони ревнули.

X.

Що вони ревнули ,

Біду провіщали ;

А Козаки Гайдомаки

Думали й гадали.

XI.

Думали, й гадали ;

Думали й гадали ;

Тяжко, важко за Гетьманомъ

Своимъ шумовали.

XII.

А въ Варшаві та на Раді

Та суди судили ;

Та въ волю спалили

Паливайка присудили.

XIII.

Присудили Паливайка

Та Ляхи спалили ,

Присудили Козаченьки

Ляхамъ вѣдомстити.

7.

Отступникъ Тетеренко.

I:

Ой по горѣ вѣнтеръ вие,

Вие, завывае;

А въ долині храбре вѣйсько

Въ походъ выступае.

II.

Въ походъ выступае

Та на бусурмана;

Копей знаряжае,

Молить Ашамана:

III.

Шане Ашамане,

Хоробрий Тетерю!

Веди-жъ насъ на бусурмана! —

— Не була-бъ потеря.

IV.

— Не такъ мая потеря,

Якъ то, що-бъ подрапъся:

Вже-жъ не вѣчно нѣдъ Каневымъ

Цамъ шунѣ зоснавапъся. —

V.

Ой по горѣ вѣперъ вѣе,

А въ долину жемцѣ жлуть;

А по шляху по Сернягу

Теперю везуть.

VI.

Та й везуть-же ёго,

А вѣтъ ни до чѣго.

Чи-жъ вѣтъ хворый, чи хмельпый,

Теперя спарый!

VII.

Ой везуть-же ёго,

А вѣтъ ни до чѣго:

Везуть изъ Теперею

Сына молодого.

VIII.

— Батько мій старый,

Що-жъ по буде зъ нами?

— Вже-жъ не що, що Тяхи

Везушь до Варшавы.

IX.

А въ Варшавѣ та на Радѣ

Суды собі рядишь;

Привозушь насъ до Варшавы

У яму засадишь.

X.

У яму засадишь;

Хлѣбця не дадуть,

Воды не дадуть,

Винця не дадуть.

XI.

А дадуть намъ сыру землю:

Цѣкъ, хочъ подавней;

Тіцкѣ на свѣтъ Божій

Дивись, не дивися. —

XII.

Ой по горі вѣперъ вѣ;

А все поле — гуць, гуць.

А Теперю на изъ сыномъ

У Варшаву везуть.

XIII.

А на річкѣ на Вислянкѣ

Судань, радань на Поляки:

Чи Теперю вбину,

Чи у яму засадили.

XIV.

Засадил Теперю

Изъ сыномъ у яму;

Та й зрядилсь на продажн

Їго бусурману.

XV.

Ой по горі вѣперъ вѣ,

А въ Бендерахъ дымно;

Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Бѣе Полякѣвъ дивно.

XVI.

Ой по горѣ вѣперъ вѣе,
Вѣе до Керману;
Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Бѣе вже ѣ бусурмана.

XVII.

Ой по горѣ вѣперъ вѣе,
А все поле — чкѣвъ, чкѣвъ:
Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Часпуе Дяхѣвъ.

XVIII.

Часпуе, часпуе,
Та ѣ не начаспуе;
Бо Тешеря вже ѣ безъ сына
Ходишь, ша сумуе.

XIX.

Сумуе, сумуе,
Та ѣ не перестане:

— Прощай сынку, сердце мое,
Серденько кохане. —

XX.

А рыбалка по бережку
Якъ ласниѣвка вѣшься;
А башенько ша по сынку
Тяжко, тяжко рвѣшься.

XXI.

Плать, плать, Тенерю,
По коханѣмъ сынку!
— Вже изъ Польщи, изъ Варшавы,
Не вернешся, сынку!

XXII.

Ой не дай-же, Боже;
У Польщи умерши!
Ничто не посумуе
О твоей смерти.

XXIII.

Тѣнькѣ-жъ воронъ, воронъ
Прилетѣвши до тебе,

Та й сидить на тебе ,
Та поклою тебе.

XXIV.

Ой поклою тебе ,
Та й переспаню.
Прилепнишъ возуленька
Та плакати спаню.

XXV.

Тільки жъ воронъ на возуля
Й будишъ тебе знати;
Тільки жъ одна возуленька
Й буде сумовати.

XXVI.

Жаль, жаль тебе, сынку,
Коханий жовниру,
Що промінявъ свою віру
На чужую віру.

8.

Убієніє Тетеренка.

I.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська-Рада ;
Що всієї України
Далася порада.

II.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська січа ;
Що побито Канюшківъ
Зъ Подолья, зъ Поріччя.

III.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська хмара ;
Що Кравчина Канюшкамъ
Похмільє задала.

IV.

Не такого похмѣля ,
Якъ Козакамъ звесмѣя ;
Не такой порады
Якъ Полякамъ примирѣя.

V.

Тѣльки то й горе, що Тешеренко
Зъ Ляхами здружився ;
Руйновани церкву Божу
Та й не успыдився.

VI.

Спали глумы , спали глумы,
Спали й поговори :
То Козаки та зходились
У Раду по волѣ.

VII.

А у Радѣ присудили
Тешеренка съкати ,
А піймавши Тешеренковѣ
Голову здѣймали.

VIII.

Якъ на тее обѣзався
 Случай ній монорний,
 Каже: — я ёго ніймаю,
 Голову зрубаю.

IX.

Та й усѣхъ васъ, Гайдамакиъ,
 Просишися мушу;
 Подаруйшо Случаеві
 Шельмованьця душу. —

X.

Нійшовъ Случай ша блукати,
 Теперенка шукаши;
 Ось и славъ вѣшь до Варшавы
 Конемъ привершати.

XI.

Опъ якъ славъ вѣшь до Варшавы
 Конемъ привершати,
 Славъ зъ дѣхами Теперенко
 Зъ лѣса вихожати.

XII.

— Здоровъ, здоровъ, Тешеренко !

Якъ чѣи маєшь жиши?

Приказали Гайдомаки

Тебе изловини. —

XIII.

Тодѣ спали на Случая

Ляхи насупунали,

А Случай спавъ Гайдомакѣвъ

Били ша рубани.

XIV.

Усѣхъ побивъ, усѣхъ зрубивъ,

Тешеренка повязавъ,

До коняки привязавъ,

Та ѣ заповолавъ.

XV.

Случай, Случай половусъ ;

А Тешеренко бьеться,

Молить, молить Случасвѣ...

— Лихо — ка — мнѣеться. —

XVI.

Минулося лихо,
Якъ степы минули;
Та до Сѣти до великої
Хулько привернули.

9.

Подвиги Лободы.

I.

Ой у городѣ у Башурипѣ
Дзвоны задзвонили:
То Козаки Гайдомакы
У Радѣ рядили.

II.

Ой у Радѣ ша рядили,
Якъ на Полюцу стапи,
Та на Радѣ присудили
Вкраицу єдиати.

III.

Опъ и вийшли Гайдомаки,
Хочъ тисяча й двісній,
Та богацько на за ними
Зведенься корысти!

IV.

А по переду Панъ Сулима
Ашаманъ Кошовій.
Чёго-жъ жаху завдавали,
Що вѣнь чѣрнобровій?

V.

Панъ Сулима, Панъ Сулима
Козаківъ збирає,
Та й усімъ тїмъ Гайдомакамъ
Опъ такъ промовляє:

VI.

— Товарищи Гайдомаки,
Чинишь мою волю!
Що намъ треба відплашати
Вкраїнську недолу.

VII.

Хочъ насъ, Паны Гайдомакн,
И тысяча й двѣснѣ;
Та богацько на за нами
Зведенься корыснѣ.

VIII.

Ой богацько на корыснѣ
Зведенься за нами,
Коди схочете побинься
Бучно изъ Ляхами. —

IX.

Якъ на тее обѣзався
Лободѣвскій Чура;
До Козакѣвъ укланяе,
Опѣ такъ промовляе:

X.

— Ой Панове Гайдомакн,
Добро себе майне,
Що за мого Пана Йвана
Ляхамъ вѣдомцайтѣ.

XI.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты зобгався,
Що па Ляхівъ снавъ завнерше,
Та й не сподівався.

XII.

Ой мій Пане, Пане Йване;
Наливайківъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, та й байдуже.

XIII.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты сподівся,
Що у мурі у темниці
Ляхамъ знадобився.

XIV.

Ой Папове Гайдомаки
Пана Йвана веномянише,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ відомсишише.

XV.

Коли хочете Украйну
До себе єднати,
То вамъ треба Пана Йвана
Добромъ поминати.

XVI.

Якъ Вкрайну нїи Ляхи
До себе єднали;
Тодї пани зъ Паномъ Йваномъ
Въ походъ выступали.

XVII.

Якъ Вкрайну нїи Ляхи
До себе єднали,
Тодї пани зъ Паномъ Йваномъ
Ляхївъ воєвали.

XVIII.

Ой и Ляхївъ воєвали,
Якъ по Бугу снали;
Та Генсьмана Шенюцького
Двїчи загнали.

XIX.

Ой и Ляхівъ воєвали,
Якъ по Пруну спали;
Того було що й Цоцору
Добре плидровали.

XX.

Добро було, добро було,
Та спалася й зрада.
Що забило Пана Йвана
У педілю зрана. . . .

10.

Походъ Сагайдачного.

I.

Ой на горі та жінці жнуть,
А по нідь горою,
По нідь зеленою
Козаки йдуть.

II.

По переду Дорошенко
Веде своє військо,
Веде Запорожське
Хорошенко.

III.

По середній Пань Хорунжій.
Йдѣ нимъ кониченко,
Йдѣ нимъ вороненкій,
Сильний й дужій.

IV.

А по заду Сагайдачний,
Що промѣнявъ жінку
На шопнюнь на люльку
Необачний.

V.

— Ой вернися, Сагайдачний;
Возьми свій жінку,
Шокни мою люльку,
Необачний. —

VI.

— Мицѣ зъ жинкой не возишся;
А шюпюль на люлька
У дорозѣ Козаковѣ
Зпадобишся.

VII.

Гей, хто въ дѣсѣ, озовися.
Та викрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися!

11.

Подвиги Савы Чалого.

I.

Ой бувъ у Сѣчѣ старый Козакъ;
Прозваніемъ Чалый.
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

II.

Ой не сходитъ на Пань Сава
Козакамъ служини;
Видъ пійшовъ до Липинькѣвъ
Славы залучини.

III.

Видъ пійшовъ до Липинькѣвъ
Службы вѣдиравляни,
Изъ Ляхами православу
Церковъ руйновати.

IV.

Ой и бувъ Сава, на пѣть сало
Та все налицѣ;
Но кохавъ Сава молодыхъ дѣвчатъ;
Та все малодицѣ.

V.

Но кохавъ Сава Панѣвъ Козакѣвъ
Та все Канюлики.
Загубивъ Сава, прощавъ Сава
Свою вѣру на вѣки.

VI.

Отъ и збирался Запорожцѣи,
Всѣи у Раду схожали;
За походы шуды-сюды
Про мѣжъ себе рахували.

VII.

Усѣи прійшли, усѣи прійшли;
Одного нема.
— Ой чѣмъ-же тебѣ, башку Чалый,
У Радѣ нема? —

VIII.

— Ой, чѣго-жъ на мнѣ, Панове,
У Раду ходили?
Що хочеша мого сына Саву
На вѣки згубили.

IX.

Хочъ вѣнъ спавъ собѣ до Ляхивъ,
Та вже-жъ, сынку милий,
Чѣмъ ты спавъ на до насъ
Такій спавъ спесивій? —

X.

— Ой, спесивій, не спесивій —
Пани кажуць — Сава;
Та не добра, зурйвочна
Спала ёго слава.

XI.

Що не тільки що Пани Сава
Церковь та руїнує;
Нязь бйсами спавъ за право
Й барзо знахорює.

XII.

Якъ на те обйзвешься Голый,
Каже: — добре знаю;
Я того Пана Саву
У руки нймаю.

XIII.

Опъ и спали на Панове,
Раду розсучили;
Коней посйдали,
Въ походъ выступали.

XIV.

Ой пье Сава въ Немировѣ
Въ Ляхѣвъ на обѣдѣ,
Та ѣ не думаетъ ѣ не вѣда
О своѣй горьковѣй бѣдѣ.

XV.

Ой пье Сава, ѣ гуляє,
Ляхомъ вырубае;
А до ёго що до Савы
Тонень прѣѣжае.

XVI.

— А що ты туди, Хомку?
Чи все гараздъ дома? —
— Прощай, Пане, спешка
До вашего двору.

XVII.

Та все гараздъ, та все гараздъ,
Усе хорошенъко:
Споглядають Гайдомаки
Зъ за горы часненъко. —

XVIII.

— Опъ-лю лихо ! виглядають !

Я-жъ їхъ не боюся.

Хиба-жъ нема въ мене війська?

Я не забарюся.

XIX.

Подай хіопку, подай, Хомку,

Свого вороного ;

Собі сиддай, собі чухрай

Спарого гнідого. —

* XX.

Поїхавъ Сава зъ Немирова

На воронімъ коню ;

А, прійхавши, гадає

Та про свою долю.

XXI.

— Ой, пы-жъ, доле — каже Сава —

Щербатая доле ! —

Пышається челядоньки:

— Чи все гараздъ дома ? —

XXII.

— Гараздъ, гараздъ, Пане Сава;
Ще лучше зъ шобою,
Якъ тебе на побачимо
Та на воронѣмъ коню.

XXIII.

Гараздъ, гараздъ, Пане Сава,
Усе хорошенько.
Выглядаюшь изъ за горы
Козаки часенько. —

XXIV.

Ой сѣвъ Сава въ концѣ стола,
Все листоньки пише;
А Савиха молодая
Дѣшину колыше.

XXV.

Сава листы пише,
Сава думку дбае.
— Ошъ вже Сава, на Пань Сава
Гадку замышляе. —

XXVI.

— Та пі́йди, хлопку, до пивниці

Та ви́ночи горі́лки.

Нехай-же ми на́пьемся

За здра́віє жі́нок.

XXVII.

Та пі́йди, хлопку, до пивниці,

Та й у́ночи мива.

Нехай-же ми на́пьемся

За здра́віє сына.

XXVIII.

Та пі́йди, хлопку, до пивниці,

Та й у́ночи меду. . .

Чёму-сь ми́нші прудно, пудно. . .

Головки по зведу. —

XXIX.

Сидить Сава вь конці́ спола,

Все листы чи́нає;

А Савиха молода

Все дума й гадає.

XXX.

Сидить Сава въ концѣ спола,
Хлопця вызывае;
А Савиха молодая
Плаче, та рыдае.

XXXI.

Та й не вешѣвъ-же хлопецъ
Зъ снѣжны ключи зняти;
Сшавъ Йгнанъ Голый съ Кравчиною
Вороши ломати.

XXXII.

Якъ вѣдсуне та Панъ Сава
Вѣконьце вѣдъ рѣнку;
А вже тѣи Гайдомаки
Блукають по сѣнку.

XXXIII.

— Та здоровъ, здоровъ; Пале Саво,
Якъ ты себе маєшь?
Що зъ далека гостей маєшь
Чѣмъ їхъ привѣщаєшь?

XXXIV.

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ,
Чи горілкою?
Та прощайся-жъ зъ своимъ синомъ
Та изъ жіркою. —

XXXV.

— Ой и чімъ мині вась, Папове,
Чімъ вась привіщати?
Даровавъ мині Господь сына,
Буду въ кумы браши. —

XXXVI.

— Ой мы не того до тебе прійшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы зъ того до тебе прійшли,
Що-бъ тебе розсичати.

XXXVII.

Ой веди-жъ насъ, Пане Саво,
У нову комору;
Та ондавай намъ, Пане Саво,
Козацькую зброю.

XXXVIII.

Та опдавай намъ, Пане Саво,
Сукніѣ, ёдаманки,
Що ты нажѣвъ, вражѣй сыну,
Зъ Козацькою ласки.

XXXIX.

Ой мы не того до тебе прѣйшли,
Що-бъ въ тебе кумовани;
А мы зъ того до тебе прѣйшли,
Що-бъ головку изияни.

XL.

Ой було-бъ тобѣ, Пане Саво,
Гардѣ не руйновани,
Коли ты хонѣвъ Запорожцѣвъ
У кумы собѣ брани. —

XLI.

Ой кинувсь на Пана Саво
За свою лѣну зброю;
Та підняли при Гайдомаки
На при синь вѣ гору.

XLII.

Шапасться, монасься,
Изъ жѣлкою прощаєсья.

XLIII.

— Ой и дайше-жъ мнѣ, Панове,
Изъ жѣлкою попроцашися;
Ой дайше-жъ мнѣ, Панове,
Изъ силою собрашися. —

XLIV.

Ой не всійъ же на Панъ Сава
На коника власни:
У кайданы заковани,
Снажи на мѣзъ класпи.

XLV.

— Ой, Панове Запорожцѣ,
Хиба-жъ по вамъ слава,
Що въ кайданы на залушый
Лежати у васъ Сава?

XLVI.

Якъ бы вы ёго объ волю
Зъ кайданѣвъ нусилили,
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Ошъ - симъ задучили.

XLVII.

Якъ бы вы ёго объ волю
Мѣкъ себе пришили;
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Ошъ - симъ даровали. —

XLVIII.

Шапаеться, мошаеться,
Нѣъ жѣлкою прощааеться,
На всѣ чѣтыре стороны
Нанамъ покланяеться.

XVIX.

Ой и дали волю Савѣ
Въ походы вышнупали,
Та богатырю Савѣ
Барзо дѣяковали.

L.

Що не вснівъ-же та Паць Сава
 Свого конника стряси,
 Та й снавъ Ляхівъ, та й снавъ Ляхівъ,
 Якъ сніоники класни.

LI.

Ой не вснівъ-же та Паць Сава
 На коника сісти;
 Було Ляхівъ сорокъ тисячъ —
 Зоспалося двісній.

LII.

Ой якъ гляне та Паць Сава
 На правую руку:
 — Ой вискочи, коню, коню,
 Та зъ Ляшського шрупу!

LIII.

Ой якъ гляне та Паць Сава
 На правое плече, —
 Позадъ ёго, попередъ ёго
 Кровава річка тече.

12.

Надгробная пѣснь Чураю.

I.

Орлику, сизій орлику,
Молодой Чураю!
Ой забилъ жь тебе Ляхи
Та у своёмъ краю.

II.

Що забилъ тебе Ляхи
Изъ твоимъ Гетьманомъ.
Изъ твоимъ Гетьманомъ,
Що Маномъ Спешаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орливъ бранивъ маешь.
Що снарынъ й молодой —
Самъ ихъ добре знаешь —

IV.

Що сшарыи й молодыи

Всѣ въ тебе вдался,

Вѣдомениши на за тебе

Усѣ покладся.

V.

Що сшарыи й молодыи

Усѣ голышыи;

А въ ихъ коні вороны —

Швыдкіи, бысшыи;

VI.

Швыдкіи, бысшыи,

Якъ орлы літають,

На Ляшськіи города

Хмарой пабѣгають.

VII.

А въ ихъ сшыи булатныи

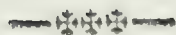
Зъ довгими кінцями,

Всѣ госшыи якъ голочки,

Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ таблѣ булашныи,
На обѣдвы боки,
Ляхамъ зраду сыплютъ
По всѣмъ вѣчнымъ роки.

Д У М Ы.

1.

Дары Баторія. Смерть Богданка.

То не вѣшеръ буйный по снѣгахъ
вые, завывае; то не Ханъ Ташарсь-
кій на Украину вѣйсько свое пасылае,
щобъ воно Украину, рѣдну маци на-
шу, безневинно нищдровало, лѣновъ
на дѣвокъ на добро наше у полють
брало й забирало; коней на овецъ; усю
Божюю скотину у свои джерела зага-
няло, Козацькѣ холивы розбивало й
розворило; — то голний Богданко
усѣхъ Козакѣвъ у Громаду созывае, у
сѣхъ Козакѣвъ, и служивыхъ и прос-

тихъ, и сосѣднѣвъ, и пѣдсосѣдкѣвъ, и Хорунжихъ и прочихъ иныхъ сшаршихъ, усѣхъ хоробрыхъ Сошникѣвъ и Полковникѣвъ у куну сзывае, скликае, до Громады зобирае; а самъ по середнѣй вихожае, шаблюкою блискае, святымъ мѣсшамъ шри поклоны покладае, а на чѣшyre сшороны по одному поклону, ша Козакамъ одинъ поклонъ, ша шчо Сошникамъ ша Полковникамъ поклонъ; до Бога мошшву чшшае, а до Козакѣвъ до всѣей Громады шакъ промовляє :

— То не вѣшнеръ буйный по сшешнахъ вые, завывае; шо не Ханъ Тапшарскѣй на Украину вѣшсько свое насылает, шчо-бъ вошо Украину, рѣдну матшш нашу, безневшшно шшшдровало, шшшнокъ ша дѣвокъ ша добро наше у шолонъ брало забирало, кошей ша овецъ,

усю Божіюю скетину у свои джерела
заганяю, Козацькі холиви розбивало й
роззоряю; що Король Польщі намъ и
вамъ подарокъ высылає, великій даръ
дарує, насъ и васъ шануючи и поважа-
ючи. Хоче війнъ, що-бъ вы, брашця, хо-
робрыи Козаки шоварищи, за ёго, Ко-
роля Польщі, Бога молили; ша ёму,
Королю Польщі, якъ Богови, що живо
высоко на небі, по віри й по правді
служили, Тяхівъ бы не били, а зъ ними
якъ зъ рідними брашами жили, на Мо-
скалівъ бы нападали, Татарівъ-бы по-
бивали й воёвали; а за сее вашему
Геншманови, голшншему Богданкови,
ша и вамъ изъ нимъ великій даръ да-
рує, а шой великій подарокъ даръ: бу-
лава золоша, ша хорутва зъ сирібла,
ша бунчукъ зъ жеребця. Та йще шой
Король Польщі ище, приписує:—Хай-

же, ка, пвои Козаки товарищи служатъ
мнѣ вѣрою й правдою, якъ великому
шому Богови, що живе високо на не-
бѣ; а якъ не будуиъ служинъ мнѣ вѣ-
рою й правдою, шо я їмъ подѣ другій
подарокъ подарую: хоробою їхъ пора-
дую, хоробою тяжкою ша важкою.—

А Козаки шое й зачували, до свого
Атамана такъ промовляли:

— Опи-се-жъ намъ Король Поль-
щи великій подарокъ — даръ дарує, а не
послужимъ мы ёму вѣрою й правдою,
шо й хоробою, бачъ, якою-сь насъ
порадує. Якою-жъ бы шо хоробою?
Чи не слободою? Та якъ-бы вже опи-
шою хоробою що слободою, шо усімъ-
бы намъ, товарищамъ Козакамъ, ин-
шихъ дарѣвъ и не треба. Служили-бъ
ёму, Королю Польщи, по вѣрѣ й по
правдѣ, якъ Богови, що живе високо

на пебѣ; и Ляхивъ бы не били, и зѣ
ними якъ зѣ рѣдкими братами жили,
на Москалѣвъ-бы нападати, и Татпарву-
бы воѣвати; и во вѣки бѣ вѣчными не
зломъ а добромъ на молитвою своего
Шана великого, Короля Польши импе-
ринного, якъ Бога-бѣ шановали. —

Ониъ-сее казавши, на й замовчали.
Тодѣ Генсьманъ голиний Богданко до
Писаря своего Хомы Безродного, на до
Курѣннихъ прохаючи нѣдспунае; и од-
ного й другого барзо вышнуе, сповѣ-
дуе; й те й друге, шакъ и шакъ вы-
кладуе; походу нѣдъ Турка Козакамъ
обѣщуе, на велику здобыченьку на по-
ходѣ великому.

Такъ и шакъ. Козаки Громаду роз-
кладали, велику порадѣ мали, у походу
вышнували; Турка рубали, клиндрова-
ли; на шунѣ-же й Генсьмана своего на

полѣи пѣдъ горою, пѣдъ гуспою раки-
пою, убиного знахожани, глѣбоку мо-
гилу копали, на могилѣи кѣурганѣи насы-
пали, бѣля кургана-могилы коня Турець-
кого Гешьманьского зоснавлили, похо-
ронѣ Гешьмановѣи правили, одиравли-
ли. Тушѣ ёму и во вѣкъ лежали. До-
бычу свою побравши, до дому верша-
лись, Боговѣи молились, Спасишело хре-
стились, добромѣ дѣлились.

Вони добромѣ, — а мы чаронькой.

2.

Татарскій походъ Серпаги.

Ой по Чѣрному ша по глѣбокому
моречку, по широкому ша далекому
Дунаечку, злая буря выхожае, вышну-

нае, Козакѣвъ до земли чуждои провож-
дае; а изъ нѣзу буйный вѣтеръ вѣе, по-
вивае; а по Чѣрному моречку супро-
тивная Філія уєнавае, та по Чѣрному
морю волкомъ сѣроманьцемъ лае й гукае.

Собралися Козаки товарищи всѣ
хоробрыи Запорожцѣи про шую бурю
мирковани, тихон погодоньки по надъ
синимъ моремъ Дунаемъ ижджидани.
Одну годину ижджидани, другу ижди-
дани; а злая буря все бѣльнѣе высну-
нала, та й ни ширинке по Чѣрному мо-
рю глѣбокому, по Дунаечку далекому
та широкому таа буря не ушмала, а
все злѣйшѣ громомъ по небу шарахна-
ла, а блѣскавка мѣжъ хмарами лыска-
ла. Ошѣ-шодѣ Геншманъ Мєасенько
Серіяга Козакѣвъ товарицѣвъ до себе
иждзывае, до Козакѣвъ товарицѣвъ шакъ
и шакъ промовляє :

— Ой вы, Папове, ріднийи мой братиця, хоробрыи мой товарищи, Козаки Запорожыці! Слухомъ николи не слухано, ша й видомъ николи не видано, що-бъ такаа буря злая на Козаківъ такъ мѣцно вышнулаа й ушавала, що-бъ такимъ громомъ блискавкоюа па-рахнулаа й лыкалаа, ша що-бъ вы, Папове Козаки товарищи, ось-такъ довго довгенько стояли, шихои погодоньки бѣли моря Дуная пѣджидали.

А Козаки шое й зачували, ша й усѣи мовчки замовчали. . .

— Коли-жъ мы шои бусурманьцины лякалися? Коли-жъ шаки мы вѣдъ неи де-не-буишь ховалися? А шеперечка не то що-бъ бусурманьцины, а шо не шо бури излякалися, шихои погодоньки пѣджидаючи, ша на злую й лихую бурю жалуючи, изо вѣймъ надѣрвалися.

А Козаки шое й зачували, та й усї мовчки замовчали; барзо, барзо раховали, щїсїго не промовляли, одинь одного споглядали, въ походь выешунали.

Они-се-якъ идуть вони день, по день, по два й не шири й не чїныре; а алая буря лилая ша по Чїрному моречку, по далекому Дунаечку, барзо унимала; ша й сунронившая чїла у свои домовины, у ковбанюги бїжала, та й шамь пронадала. А Козаки Богомї моливвы посылали, по шири поклоны покладали, вїдпочинье мали. А нїсїля всеї Козаки въ походь выешунали, изь своимь хоробрымь Геншманомь, Сернигою Йваномь, шяжко не-Хрисна розбивали; думали й гадали. Тай й идѣ городомь Керманомь изь бусурманськимь Салшаномь примирье мали; у єго худобу усю вїшнимали, усїхь Ташарь буря-

кѣвъ розбивали, ѣ и цидровати. Тихою
погодонькой, зъ гарною добычелькой
до дому привертали.

3.

Битва Чигринская.

Ой у нашѣй у славнѣй Вкраинѣ бу-
вали коли-сь преспиранины злыгоди,
бездольнѣ години; бували ѣ моря ѣ
вѣйськовѣ чвары. Ни хнио Вкраинцѣвъ
не рашовавъ; ни хнио за нихъ Богови
моливъ не пославъ; ипѣлькѣ свящѣй
Богъ нашихъ не забувавъ, на велики
зусилѣ на вѣнповѣщѣ державъ. Тѣль-
кѣ Богъ свящѣй знавъ, що иѣтъ ду-
мавъ, гадавъ, замыслювавъ, якъ невзгоди-
ны на Украинську землю пославъ.
Онѣ-же ѣ пройшли, изойшли злыи не-

години: не має нічого, що-бъ насъ
подолѣти. Тільки Богъ святий знає,
що вѣнь думає, гадає, замислює.

Но день и не два Ляхи Україну
пшидровали, ни на часничку відно-
чинья не мали, коней на виводахъ день
и нічъ держали, до Гешмана Нашивай-
ка дорогу вершали. А Гешманъ хо-
робрий Нашивайко, що вѣнь думає, га-
дає? Що вѣнь за долю новарницѣвъ сво-
ихъ замислює? Тільки Богъ святий
знає, що ёму на поміць допомагає.

Изъ за гори хмара виснуває, ви-
снуває, вихожає, до Чигрина громомъ
выгрѣмляє, на Українську землю блис-
кавицею лискає. То Поляки черезъ
при ріки при переходы мали, на й
бѣля шреннього перехода спадомъ спа-
ли, пусшили коней на попасанье, сами
собѣ дали на три години опочиванье.

А що Гетьманъ Наливайко думає, гадає? Що вѣнъ на невагоду .Ляхівъ замышляє? Тільки Богъ що святий знає, що ёму на помѣчь помогає.—То не хмари по небу громомъ святымъ выгрімляють, що не свинныхъ воин до Бога провожають; — що .Ляхи у бубны вдаряють, усе вѣйсько своє до куны у Громаду скликають, що-бы йшли усѣ до Громады на послушанье, слухати Гетьмана Жолковського опповѣданье. Опъ-що й прійшли усѣ, рядомъ спали; усѣ рядомъ спали, ша й замовчали, Гетьманську опповѣдь слухати зачали; а, послухавши, коней сѣдали, через бѣлу рѣку переходъ великій мали: мосты мостили, гребли ганили, коли забивали, горзину ша дряницю ктали, через бѣлу рѣку переходъ великій мали. А, перешедши, огороды ша шапцѣ

робили, увъ окрѣить гармашы сшанови-
ли, а по передѣ гармашами при хрес-
ны у землю вкостыили. А що первый
хресить, то Сошино висить; Сошино
висить, барзо голосить; — а що другій
хресить, то Богуць висить; Богуць
висить, шаблочной зеношнить; — а що
третій хресить, то порошокъ сшанить;
уейхъ шшихъ Козакѣвъ до себе під-
ждае, Козакѣвъ оглядае. Хто первый
підойде, того гармана убье; хто дру-
гій добѣжнить, того самопаль цанье;
хто третій підскочить, той хрес-
нишься буде, й молишься сшане; що
хресить зъ осокы, то ёго надбае. А
Козаки глядѣли, увъ очы вбачали, про-
мѣкъ себе бурковали; при хоругвы
на забачеье. Ляхамъ сшановили, на хо-
ругвахъ уговорь-рядну писали:

— Вѣрному православному Хресты-
лицину миромъ миръ; а Дяхамъ воро-
гамъ некийный миръ. Кого хрестить,
на того ѣ хрестить. —

Онь-се-жъ и нѣмци Дяхи на чѣ-
пыре поля, що на чѣшыре поля, а на
паше на Подолье; а Козаки Дяхѣвъ на
всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ коло-
нили; Дяхи опрощенья просили, ша не
допросились. Не шаковськи Козаки,
що-бъ напасать забули.

Не шаковськи ѣ Дяхи, що-бъ про-
щеньє дали.

Буде ѣ паннимъ лихо, якъ возули
ковала. Що вона ковала, то вона про
мѣжъ свяиныхъ чувала; що вона ковала
тому були ѣ спани, якъ спануть
бѣсы правыхъ ѣ неправыхъ єднани, ду-
ши забирани, у некло до куны скла-
дали.

Видь того й сёго Боже намъ по-
може. Про те вінъ и знає, що вінъ
думає, гадає; що Павловъ Паливайковъ
на на помічъ допомагає. Не намъ за те
раховати. Наше діло Боговѣ молити-
ся, Спасителю Хрестини.

Ісусе Христе, сине Божій, поми-
луй насъ, помилуй насъ, помилуй насъ!

Миромъ миръ міру Хрестиянсько-
му, а намъ усімъ души й тіла здоровіє
и спасеніє. Аминь.

4.

Смерть Федора Безродного.

По надъ Сагою Дніпровою, моло-
дий Козакъ обідь обідає; не думає, не
гадає, що на ёго молодого, ще й на Чу-
ру малого біда настигає.

То не вербы луговини зашуміли,
якъ безбожнѣ Ушкалы наліпѣли, Осе-
дора Безрідного, Ашамана Курѣнного,
поспрѣляли, порубали, пѣлькѣ Чуры
не пѣмали. То малий Чура до Коза-
ка прибуває, рани ёму глибокіи про-
мыває. То Козакъ ёму промовляє:

— Чуро мій, Чуро, вѣрний слуго!
Пійди ти снопомъ по надъ Днѣпромъ;
послухай ти, Чуро, — чи шо гуси кри-
чають, чи лебеди ячають, чи Ушкалы гу-
душъ, чи, може, Козаки Днѣпромъ и-
душъ. Коли гуси кричають, або лебеди
ячають, шо ти зжени, коли Ушкалы
гудушъ, мене схорони; коли-жъ Козаки
йдущъ, шо объяви: нехай вони чѣвны
до берега привершають, мене Козака
Оседора Безрідного навіщають. —

То Чура малий по берегу пробѣ-

гавъ, Козакѣвъ зобачавъ, шапкою махавъ, словами промовлявъ:

— Панове, молодці, добре ви дбайте, чѣвны привернайне, до Ашамана Курѣнного носійнайне. —

То Козаки шее зачували, до берега привернали, Ашамана навѣщали. Тодѣ Козакъ Чуру выхвалас, словами промовлас:

— Чуро мій, Чуро, вѣрний слуго! Коли ты будешъ вѣрно пробуванни, будушь тебе Козаки поважанни. —

То шее промовлявъ, опрощенъе со всѣми бравъ, милосердному Богу душу отдавъ. Тодѣ Козаки шаблями суходѣль конали, шанками, приполами перешъ вѣймали, Федора Безрѣдного ховали, въ семнадцатѣй нищали гремали, у суремки жалобно выгвалили.

То ще добре Козацька голова зна-
ла; що безъ вѣйска Козацького не вми-
рала.

5.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

.

Ой шодѣ то не сивѣ шуманы вспа-
вали, то зъ города Азова при бранѣ
зъ тяжкою неволи Турецкою вилѣзли.
То брати старшій рѣдшій, обидва кѣн-
шій, а найменшій бранѣ нѣмшій пѣхо-
тою за кѣшними бранями уганяе, на
сырѣ корѣнь, на бѣлѣ камѣнь нѣжки
свои Козацькѣ посѣває, кровью слѣды
заливає, до кѣшнихъ бранѣвъ уганяе,
за сѣремена хваняе, дрібними слезами
обливає; словами промовляе:

— Брати мои старші, рідненькі! Прощу я васъ, хочъ пріішке надожди-
те, коні свої Козацькім понасише, ме-
не, найменьшого брата мійкъ себе на
коні возьмише, до города Хреснянсь-
кого хочъ мало підвезише, не хай-же я
буду знани, куды въ города Хресня-
нськи до ошца до машки дохожани!
Прощу я васъ, брати мои старші,
хоча мене на коней возьмише, хочъ ми-
нї зъ плечъ голову здіймише, въ чис-
тому полі піло Козацьке схоронише,
пшци й звірю на поналу не пускише.

То старші братъ шое зачуває,
до найменьшого брата словами при-
мовляє :

— Брате нашъ, найменьшій, ріднень-
кій! Рука наша не здіймешся, серце
не зосмілишся. Булаша шабля не йме
небе, найменьшого брата рубати, луч-

ше будемо, брате, шерями та байраками гуляти, будемо щобъ верховишья у шернѣвъ спинати, будемо щобъ на признаки на шляху покидати. —

То бѣгли мѣ браны не день, не два, не три й не чѣмьре, а найменьшого иишого брата на Азовському спену покидати; а якъ спали съ шернѣвъ, зъ байракѣвъ выбѣгати, и того й сѣго найменьшому брату на признаки покидати. То середуцый бранъ спаршому брату словами промовляе:

— Брате мій старшій, рѣдченскій, прошу я тебе: шуниъ правы зелени, поды здоровѣ, очерены удобнѣ! Спашьмо хочъ мало не много конѣ свои попасѣмо, свого иишого брата хочъ проже надождѣмо, на коней возьмѣмо, въ города Хреспьянскы хочъ мало надовезѣмо. Нехай-же нашъ найменьшій

брати́ буде зна́ти, куды въ города́
Хресны́анськи до о́нци до машки до-
хожа́ти.

То сша́ршій бра́ти до сше́дутьшо-
го бра́та слова́ми промова́е :

— Бра́то мій сше́дутьшій рідне́нь-
кій! якъ будемо свого бра́та ви́щого
па́ждани, шо́ буде за нами въ города́
Азова велика́ погоня́ угана́ти, буде насъ
кйи́ныхъ бра́тиѣвъ догана́ти, буде насъ
на шри́ шшу́ки руба́ти; або́ буде насъ
въ тй́ршу нево́лю живѣ́мъ заверша́ти,
а на́шого найме́ньшого ви́щого бра́та
буде въ ше́рнахъ, въ ба́йракахъ на спо-
чи́скахъ ми́нати, — шо́ мы свого бра́та
ви́щого незве́земо, и сами въ Азове́ской
Ту́рецькой нево́ли не ви́сечемо. —

То шой сше́дутьшій бра́ти до́бре
дбае, оди́нь на со́бй кашпа́къ має, ша́
въ шй́дъ шого жо́вий на чѣ́рній кйи́шы

выдирає, своему найменшому бранові по шляху покидає. Тоді бійгъ мой найменшій брань не день, не два, не при й не чёшyre, — синавъ зъ шорнѣвъ, зъ байракѣвъ выбѣгали, синавъ жовнѣ на чѣрнѣ кнѣпцѣ зъ шѣвъ кашана знахожати. Въ руки хваняє, дрибными слезами обливає, словами промовляє:

— Ой не дурно моихъ бранѣвъ кнѣпцѣ по шляху валяюнься! Шевно, моихъ бранѣвъ обоихъ на свѣтѣ не має! Шевно, за ними зъ города Азова погоня уганяла, моихъ кнѣпныхъ бранѣвъ доганяла, на три шнуки рубала; або їхъ ще въ гѣршу неволю живѣмъ завертала; а мене нѣшого у шерняхъ на байракахъ на спочинку минала. Коли-бъ мнѣ Богъ помѣгъ хоча їхъ тѣло по живое у сѣсену знахожати, могъ-бы я їхъ тѣло Козацьке у сѣсену поховати,

пипиці й звірю на пошалу не подаши.
Ой, годи-жъ мнѣ за вѣнними бранами
угаляши; часъ мнѣ Козацькимъ погамъ
пильгу дати. —

Що одно безводье, а друге без-
хлѣбье, а ирешье буйний вѣшеръ въ
полѣ повѣває, бѣдного Козака въ ногъ
валяе. Снавъ шодѣ найменьшій братъ
пѣшій свою Козацьку голову склоня-
ши! Снаши шодѣ сизокрылій орлы на-
пѣшани, на чѣрнихъ кудри напѣшани,
въ лоба очи выдираніи. То вѣшь добре
дѣае, до сизокрылійхъ орліньхъ словами
промовляє:

— Ой вы, орлі сизокрылі, вы, гос-
ти не любіі й не милі! Неводнише хочъ
мало не много; якъ буде душа въ пѣ-
домъ разлучашися, шодѣ будешо напѣ-
шани, въ лоба очи выдираніи. —

Тоді ще й дрібна птиця наліпала, коло жовтої коси підобіра-
ла. Ще й золуш наліпали, у головах
сїдали, як рідні сестри кукували,
Ще й вовки сіроманий нахожати, жов-
ту косу по балках, по шернах
розношати, жалобненько кивати, про-
кисляти. То-ж вони усі Козацькій по-
хорош одправляли.

Спали кінний брати до городів
Хрещинських дохожати, спала к
їх серцям велика туга налягати.
То середувий брат до старшого
брата словами промовляє:

— Брагику мій старшій ріднень-
кій! Не дурно к нашим серцям
велика туга налягає: певно нашого
брата меньшого на світі не має. Як
будемо, брате до свого онця й до ма-
тери дохожати; як будуть вони насъ

лышати, що що, брате рідний, ста-
немо казати?

То старший братъ до середуль-
шого промовляе :

— Скажемо: ми не въ одного Пана
въ неволі́ бували, пачею поры въ не-
волі́ вийкали, ёго сонного будили, не
абудили; на шамъ ёго у неволі́ й зо-
синавили.

То середульний братъ шое зачу-
ває, до старшого брата словами про-
мовляе :

— Якъ не будемъ ошцо й манери прав-
ды казати: шо буде насъ ошцевська й
манеринська молнива карати. —

Тоді́ старший брати у айсы Са-
марськи зайжави, по паць річкою Са-
марью ошочку собі мали, коней по-
пасали. Въ шой часъ безбожними бу-
сурманы набігали, ша й шіхъ двухъ

бранивъ піймали, у кайдани заковали,
на сїену розйїзжали; а нїсля шїло
Козацьке карбовали, у чисному полї
роскидали, голови на сабли вздїїмали,
та глумовали.

Опнь-же шо, Панаове, хоча й легли,
полегли голови прехъ бранивъ; та
слава їхъ не помере мїжъ Царями, мїжъ
Панами, мїжъ православними Хреснїя-
нами.

Дай, Боже, мїру Царському, мїру
Хреснїянському, всїмъ здравїе дамно-
га лїтпа. Аминь.

6.

Походъ на Поляковъ.

Ой пїйшли Козаки на чєпыре по-
ля, що на чєпыре поля, а на нїше на

подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ
Самко Мушкенъ, а за Паломъ Хорун-
жимъ мало мало не три тисячи, усї
хоробрыи товарищи Запорожцї. На
коникахъ вигравують, шабелями бли-
скають, у бубны вдаряють, Богови
моливы посылають, хресны покла-
дають. А Самко Мушкенъ що вїсть на
коно ша й не вигравает, коня удержує,
до себе прицягує; думає, гадає. Та
що-бъ сїмо чорнїйшъ лихомъ вбили шу-
їго думу, що гаданье. Самко Мушкенъ
думає, словами промовляє:

— А що якъ наше Козачеснво мовъ
у неклї Дїхн свадянь, ша зъ нашихъ
косней Козацькихъ молодецькихъ ширъ
собї на похмїлье зварянь. А що якъ
наши головы Козацькї молодецькї по
сїнену поно полягууть, ша ще й рїд-
ною кровїю вмиюнься, понерерасколо-

ними шаблями покриваються. Пронаде
мовъ порошина зъ дула наа Козацькаа
слава, що по всѣму свѣту дыбомъ сна-
ла, що по всѣму свѣту сипомъ роз-
ляглась, просияглась, на по всѣму свѣ-
ту луговымъ гоминомъ роздалась, Ту-
речини на Танарини добромъ лихомъ
знаши далась, на й Дяхамъ ворогамъ
на снисъ вѣдалась.

Закряче воронъ сипомъ лѣнючи;
Запаче возуля сипомъ скачучи;
Закуркують кречены сизѣ,
Загадаються орлики хижѣ,
Та все усе по своихъ браняхъ
По буйныхъ шоварицахъ Козакахъ.

Чи по їхъ старбомъ занесло, чи по
їхъ у Пеклѣ пошонуло, що не видко
чубатыхъ не по й по сипахъ, не по й
по лугахъ, не по й по Танаревкихъ

земляхъ, не шо й по Турецкихъ го-
рахъ, не шо й по Чорнихъ моряхъ, не
шо й по Лянцескихъ поляхъ. Закряче
воронъ, загрусъ, занумусъ, ша й поле-
пишь у чужу землю. Ань ба! Кієшкы
лежашъ, шаблюкы спорчашъ; кієшкы
хрусняшъ, шаблюкы поперерасколони
бряжчашъ. А чѣрна, сива сорока зоска-
лилась ша й басує. А що головы Ко-
зацькы, шо мовъ ливецъ Семень шкуру
загубивъ а що чубы, мовъ чѣрниака
джугуны поробивъ. У крови усї ша не-
засыхали. Онъ шо й славы набрали. —

Ой пійшли Козаки на чѣшyre шля-
хи, шо на чѣшyre шляхи, а на ниніе
на Подольє. Шо однимъ полемъ ша пій-
шовъ Самко Мушкенъ, а другимъ по-
лемъ Синецько Кукуруза. Сизою гулуб-
кою голову свою буйную до долу за-
кинувъ. А за нимъ йдуць маю маю по

іпри тисячи, усї хоробрыи товарищи
Запорожьци, на коникахъ выграваюшь,
шабельками блиськаюшь, у бубны вда-
ряюшь, Боговиѣ молишвы посылаюшь,
хресты покладаюшь, до Синецька Ку-
курузы ось шакъ промовляюшь.

— Чи ты живъ, чи здоровъ Пане
Сине-пане? Чи ты вмеръ, що твою го-
ловоньку дубомъ до долу пришибло?
Рахуванье не въ поминанье. Коли-жъ
не-бушь треба ша по насъ поминки
робити. Що по насъ, Пане, смарї ба-
бы станушь у полї свиснїїни; а по
любї, Пане, молодий дївчана зачнушь
голосїти. Та те все однако, що Акимъ
що Якївъ. Ось якъ приспанемо до пя-
того яра, то хочъ и середь лїпечка
зашумишь, загуде не-дай-свїна-звара.
Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ко-
вала, сепеномъ скатучи, лугомъ лїпючи;

що вона ковала, то правду казала. Палітились орли хижіи, сипануть жалко-ваши; а ворони палітились, ша й сипануть здобычи ждани и піджидали. То якъ палітились онъ пні зозули, — то насъ не забуди. Що Жидъ, а що дідъ, а що й Запорожскій Козакъ. —

Ой пішли Козаки на чѣпыре шляхи, що на чѣпыре шляхи, а на паше на Подолье. Що однимъ полемъ пішовъ, то пішовъ Самко Мушкетъ; а другимъ полемъ, то пішовъ Синецько Кукуруза, а прешнімъ полемъ то пішовъ Карпо Півнора-Кожуха; на конику грає, пісню співає. А за нимъ йдуть мало мало не три тисячи, усі хоробрі товарищи Запорожцї, на коникахъ грають, шабелями блискають, у бубни вдаряють, Божї молитви посилають. А Карпо Панъ

Гетьманъ на конику выгравас, нѣсьню
спѣвас:

Пресучая та журьба!

Вона мене изсушила.

Вона мене молодого

Изъ нѣгъ извадила.

А я тій журьбѣ

Та й не піддаюся.

Ой піду я до шинкарки

Горілки напьюся.

Ой хню хоче меду мнѣ

Ходімъ до Жидівки,

А въ Жидівки чѣрнѣ брѣвки,

Высоки підкивки,

Й юпочка рябенька,

Й сама молоденька;

Та яка-жъ хорошая,

Яка чопорненька.

Шинкарочка моя

Насыпь мнѣ меду й вина,

Та щобъ моя головонька

Веселенька була.

— Коли ты жёнапый,

То иды до дому ;

А якъ не жёнапый,

То почувъ зо мною. —

Ой ё въ мене й жѣнка

Й дѣпочокъ двое,

Та не пригорнаюшся,

Серденько мое. —

З А М Ъ Т К И.

(I)

Къ Пѣснямъ.

1.

Доставлена мнѣ въ неполномъ спискѣ Н. В. Росковинской. Списокъ, по которому сія пѣсня здѣсь напечатана сдѣлана мною самимъ со словъ Бандуриста. Въ первомъ спискѣ не доешавало куплетовъ: I, VII, VIII, IX, XI и XII.

Эта пѣсня замѣчательна разнообразіемъ размѣровъ, что меня и заставляетъ предполагать, что она состоитъ изъ отрывковъ различныхъ пѣсенъ. Кроме размѣровъ доказательствомъ сему

предположенію можетъ быть и различіе голосовъ, на кошорые она поется; именно — куплеты: I, II, VII, VIII, IX, X, XIV, XV, — поются однимъ голосомъ; куплеты: III, IV, V, VI, XVII, XVIII, XIX, — другимъ голосомъ; наконецъ XI, XII, XIII — третьимъ.

Въ Украинскихъ пѣсняхъ употребительны лишь главные размеры. Каждый куплетъ въ пѣсняхъ перваго размера состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ коихъ 2-й и 4-й рифмуются. Стихъ сего рода пѣсень имѣетъ всегда два ударенія, и никогда болѣе двухъ. Образъ расположенія удареній чрезвычайно разнообразенъ, и, кажется, не поддается ни какимъ правиламъ.

Примръ :

Сизѣмъ о́рликомъ лі́ліа́въ,

Яворо́нькомъ гу́вѣя:

— Де-сь то я', мой милій бра́тья,
Та й споді́нуса.

Куплесты вчораго розміра п'єсень, кождый состои́тъ изъ двухъ ритмующихся стиховъ, и всякій стихъ имѣеть не менѣе двухъ и не болѣе трехъ удареній.

Примръ :

А ще трéній, Морозéнко
А чешверный, Павъ Горéнко.

Син два рода п'сєнныхъ розміровъ суть самыя употребительнѣйшіє на Украинѣ. — П'сєни прешняго розміра также раздѣлены на двуси́стныя куплесты; но въ каждомъ стихѣ по чешыре ударенія.

Примръ :

Молодá сестрá сонъ-траву́ прв́ала
Стару́ю пыпáла, стару́ю пыпáла.

Въ пѣсняхъ четвертого размѣра куп-
лены также какъ и въ пѣсняхъ пер-
вого размѣра состоятъ изъ четырехъ
списковъ съ новою разницею, чѣмъ здѣсь
ритмуется въ каждомъ спискѣ: 1-й и
4-й, а иногда и 2-й и 3-й. Первый списокъ
имѣетъ два ударенія, а 2-й, 3-й и 4-й
по одному.

Примръ :

Гей, хнѣ въ лѣсѣ, озовѣся,

Та выкрешемъ огню ,

Та зава́лимъ люльки.

Не журѣся.

Пѣсни пятого размѣра не разделяющ-
ся на куплены: каждый списокъ повто-
ряется два или три раза, и рѣдко
ритмуется съ другимъ спискомъ. Поч-
ти всегда послѣ каждаго списка слѣду-
етъ припѣвъ, который иногда съ нимъ
ритмуется.

Примръ :

Чи ты не чуешь, моя галочко, (2)

(*Припльвь*) Ой моя галочко.

О сихъ размѣрахъ будешь подробнѣе сказано въ собраніи женскихъ Украинскихъ пѣсень, которое я приговариваю къ печати. Замѣчу мимоходомъ, что Украинскіе размѣры пѣсенныя принадлежатъ не однимъ Украинцамъ, но и многимъ другимъ Славянскимъ племенамъ: укажу на Поляковъ, Богемцевъ и Словаковъ; и особенно сказать это можно о первомъ размѣрѣ, на который сложена большая часть Украинскихъ пѣсень, почти половина извѣстныхъ свѣдѣннъ Богемскихъ, и почти все Словацкія. См. Словацкія пѣсни моего изданія. Харьковъ. 1832. Малороссійскія пѣсни изданія Максимовича.

2.

Списана со словъ Бандурисша. Другихъ списковъ не имѣю.

3.

Имѣю два списка сей пѣсни. Оба сдѣланы мною со словъ Бандурисшовъ. По другому списку пѣсня сія начинаешся такъ:

I.

Ой зъ города изъ Полтавы
Выѣзжали Козаки.
Усѣхъ було три таборы,
Та всѣ при єднаки:

III.

У первому таборѣ
Усѣ лейснровын,
У другому таборѣ
Усѣ Хорунжін;
У третьему таборѣ
Усѣ курѣннын.

III.

Ой йхали-жъ при дни

Й при ночи кокушы,

Ой на прешью на уранцѣ

Треба въ Мержѣ буши.

А у городѣ у Львовѣ — и пр.

Нѣкоторымъ чинашелямъ покажется, можетъ бытъ, страннымъ, что въ второй куплетъ сего списка сосланишь изъ шесени сниховъ. Надобно замѣтити, что при пѣніи пѣсень перваго размѣра два послѣднихъ сниха каждаго куплета повноряюшся обыкновенно два раза. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ прибавляюшся два лишнихъ сниха, кои поюшся вмѣсто повноренія двухъ предъидущихъ. Прибавленія такого рода бываюшъ тогда когда смыслъ предположенный не умѣщаешся въ чешы-рехъ снихахъ куплета.

4.

Списокъ здѣсь помѣщенный здѣланъ мною самимъ со словъ Бандурисша. Другой списокъ, полученный мною отъ Г. Дьячкова, сосланный только изъ двухъ купленовъ: V и VI. Въспомо *Сергия* списаны въ семь списковъ *Сергия* *паяжана*.

5. 6.

Списаны мною самимъ со словъ Бандурисшова. Я не ошмѣчаю разницы, находящейся между списками сихъ пѣсень, находящимися въ моемъ собраніи; ибо сія разница касается только до выраженій, и еще чаще до словъ, а не до самаго дѣла или смысла.

7.

Доставлена И. Лисавицкимъ. Я выпустилъ первый куплетъ, поному

что оѣ принадлежитъ совершенно
другой пѣснѣ:

Ой на свѣтѣ жини лихо,
Такій свѣтъ удався;
Що недолѣ Козачина
До-сь то сподобався.

Максимовичъ замѣнилъ мнѣ, что
конецъ сей пѣсни, нѣ е. куплены XXII—
XXVI, имѣетъ сходство съ концемъ
пѣсни помѣщенной въ его собраніи
Малорос. пѣснь, подъ N XII, стр. 17.

8.

Списана мною со словъ Бандуриста.
Во второмъ куплетѣ вмѣсто: *Политъя*,
какъ сказалъ мнѣ Бандуристъ, я упо-
требилъ: *Поритъя*; ибо первое слово
кажется не имѣеть никакого значенія,
авторство употреблено по ошибкѣ.

9.

Списана со словъ Бандуриста.

10.

Выписана изъ Собранія Малорос-
скихъ пѣсень Максимовича. стр.
18 — 19.

11.

Имѣю подъ руками четыре списка
сей пѣсни: одинъ доставленъ О. С.
Евцакимъ; другой помещенъ въ Собра-
нiи Малороссiйскихъ пѣсень Г. Макси-
мовича, стр. 53 — 57; два послед-
нихъ сдѣланы мною со словъ Банду-
ристовъ. Всякой изъ нихъ былъ не
полонъ, и пошому я рѣшился совоку-
пить сiи списки въ едино. Думаю, что
не погрѣшилъ прошиву пѣсни.

Списокъ, доставленный Г. Евца-
кимъ состоитъ изъ куплетовъ: IV,
XIV, XXIV, XXIX, XVI, XVII, XVIII,

XXXII, XXXIII, XXXIV. XXXV,
XXXVI, XLI; XLII, XXVI, XXVII,
XXVIII, XIX, L, LI, LII, LIII.

Списокъ Максимовича: XIX, XIX,
XX — XXI, XXII, XXIII, XXIV,
XXVI, XXVII, XXVIII; даѣе слѣду-
ють :

Тѣлькѣй-жѣ шал челядонька
На порогъ снунае:
Ажѣ Микишка Пану Савѣ
Чѣломъ опдавае.

Потомъ: XXXIII, XXX; за эшимъ:
— Ой давъ-бы вамъ меду ѣ вина,
Не хочете пиши;
Ой вы мене молодого,
Хочете згубиши.

Потомъ: XXXVII, XXXVIII; наконецъ:
Ой кинешся на Пань Сава
До ясного меча. —
Его взяли на три списы

Изъ правого плеча.
Ой кинувся на Нань Сава
До яснои зброн. . .
Его взяли на підняли
На три списы въ горі.
Ошъ-се-жъ любі, Нане Сава,
Сукій, ёдамашки,
Що ти наживъ, вражій сыну,
Зъ Козацькои ласки .
А Савиха молодая
Въ вікно унікала,
На молоду челядоньку
Сильна поглядала.
Хапай, хапай, челядонько,
Малую дѣпину;
Будеть жини й пановати,
Коли я не згину.
Не боїшься Козаченько
Ни грому, ни тучи:

Хорошенько въ кобзу грае
До Савихи йдучи.

Сихъ послѣднихъ нѣкихъ купцовъ не
находящихся въ прочихъ шрехъ спискахъ.

Третій списокъ состоятъ изъ ку-
пцовъ : I, II, III, V, XIV, XV, XVI,
XVII, XIX, XXIV, XXIX, XXX, XXXII,
XXXVIII, XXXVIII, XXXVIII, XL,
XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII,
XLVIII, XLIX.

Четвертый списокъ: I, II, VI, VII,
VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV,
XVI, XVII, XVIII, XX, XXI, XXIV,
XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXIII,
XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII,
XXXIX, XLI, XLIII, XLIV, XLV,
XLIII, XLIX, L, LI.

12.

Доставлена И. В. Росковшенко-

вымъ въ списокъ пополномъ; я добавилъ
его другимъ спискомъ.

(II)

Къ *Думамъ*.

1.

Списана мною со словъ Бандуриста.

2.

Имѣю два списка сей Думы: оба
сдѣланы самимъ мною со словъ Банду-
риста. Оба разнились между собою
только въ словахъ, исключая только
одно мѣсто, которое находится въ
одномъ изъ списковъ, а въ другомъ вы-
пущено:

— Се вже справъ жїноцькій Коза-
кївъ подолївъ. Хно-жъ ёго мїжъ насъ
выгодовавъ? Хно-жъ его намъ передавъ?
Якъ мы изъ Сулимою їдѣ Бавирь хо-
дили, шо й ї подї хмары ша чвары насъ

до Турка водили; водили та й до самого Турка провожали. То ни одинъ изъ насъ про хмару та чвару не раховавъ, усякъ на Бога живійнь свій покладавъ; не за хмару та чвару Богу молитвы пославъ; — Турка побити молитвъ, Турка піймати прохавъ, — у Турка добычу взявши добыченьку Бога молитвъ, та за сее по три поклони кожному святому покладавъ, Манери Божіей та Христу Ісусу Спасителю по девяти поклоувавъ. Опіть подіі наші й воївали, на увесь свійнь Божій своєю славу розсыдали, Дяхамъ себе увъ обиду не давали; тільки Диявицамъ свої шаблони казали, що Диявини не мипуючи випікали. Опіть подіі наші й воївали. Якъ вовки сіроманьці по балкахъ та по байракахъ блукали, зъ городищъ Ташаръ мовъ курчашъ изъ хле-

вовъ выганяли; ша ни про що ѿ не дба-
ли. Ошъ-шодѣ наши ѿ воёвали. Якъ бу-
ли наши пѣдъ Сосницю, або пѣдъ Ми-
кишиною, ша якъ въ сапогалѣвъ одна-
разъ зовули, шо .Іаки якъ были рев-
були; а якъ двѣчи пусили, шо въ
рикахъ ша въ озерцяхъ шопили. Тамъ
воши, кашолики, ша шѣкъ и вшопали.
Ошъ-шодѣ наши ѿ воёвали. —

И пропустилъ здѣсь это мѣсто
потому, что оно находится въ другой
думѣ, кошорая будетъ помѣщена въ
четвершой книжкѣ; тамъ мѣсто сіе
имѣетъ связи съ предыдущимъ, и по-
тому, какъ мнѣ кажется, должно о-
статься за этою думою. Въ думѣ-жъ о
Сериягѣ прибавляется оно, вѣроятно,
по ошибкѣ.

3.

Списана мною со словъ Бандуришпа.

4.

Выписана безъ измѣненія изъ Собранія спаринныхъ Малороссійскихъ пѣсней, Князя Цершелева. С. П. Б. 1818. 48 — 50.

5.

Выписана изъ Украинскаго Альманаха. 1831, стр: 124 — 131. Списокъ сообщенъ мнѣ А. Г. Шингоцкимъ; я предпочелъ его другому, находящемуся въ Собраніи Спар. Мал. пѣсней Князя Цершелева. 21 — 25. Впрочемъ различіе между обоими списками очень незначительно.

6.

Списана мною самимъ со словъ Бандуристана. Для меня замѣчательная дума смѣшеніемъ рифмованной прозы, которая обыкновенно употребляется въ Запорожскихъ думахъ, съ пѣсенными

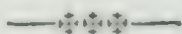
стихами, во все не приличными важной думѣ, по мнѣнію Бандуришновъ. Это дума представляешь мнѣ почти единственный примѣръ подобнаго смѣшенія; впрочемъ, можетъ быть, стихи, въ ней заключающіеся, вставлены въ послѣдствіи. Пѣсня, которою дума оканчивается, поется и отдельно. Имѣю при спискахъ сей пѣсни: одинъ дославленъ Г. Хижеу, другой О. Ст. Евецкимъ, третій Ив. Вас. Росковщенковымъ.

Причина, — почему я пишу думы не стихами, какъ это сдѣлали Максимовичъ и К. Чернецовъ, а прозою, — будетъ для всякаго понятна, кто вышкленитъ въ составъ слога думъ. Дума — не пѣсня, хотя и поется подобно пѣснѣ, подъ звуки бандуры; ритмы въ думѣ не составляютъ необходимости,

а суть только роскошь, служащая къ большому украшенію выраженій, и придающая слогу болѣе плавности и благозвучія. Чѣмъ болѣе рифмъ, чѣмъ чаще рифмы, тѣмъ лучше слогъ думы: таково требованіе вкуса народнаго, таково правило народной пѣснѣ. Не такъ въ пѣснѣ, гдѣ и самыя рифмы подчинены правиламъ размѣра и употребленія, гдѣ рифмы необходимы. — Впрочемъ думы не произносили ли оны пѣсень? Кипо пѣлъ какую нибудь пѣсню, не зная оной твердо, — тогда по необходимости прибавлялъ къ оной свои собственныя слова и выраженія, подъ ладъ своихъ словъ и выраженій измѣнялъ голосъ; пѣсенная правильность мало по малу терялась, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Не могли-ли такимъ образомъ появиться думы? — Время и

обычай могли утвердить самобыт-
ности этого рода поэтических про-
изведений народной Поэзии Украинской.

НВ. Большая часть списков пѣ-
сень и думъ, здѣсь помещенныхъ, собра-
ны мною въ Павлоградскомъ уѣздѣ
Екатеринославской Губерніи, при по-
мощи тамошней помещицы Екатерины
Романовны Подольской, урожденной
Щидловской, которой за ревностное
участіе, ею принятое въ шрудѣ моемъ,
приношу мою глубочайшую благодар-
ность. Очень многимъ обязанъ и Фе-
дору Спешановичу Евецкому, который,
превосходно зная Украинскій языкъ,
по дружбѣ ко мнѣ, изъяснялъ мнѣ мно-
гія непонятныя выраженія, и снабжалъ
мѣстными преданіями.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе 4

П Ъ С Н И:

1. Надгробная пѣснь Свирговскому 27
2. Внорая надгробная пѣснь Свир-
говскому 31
3. Убіеніе Серняги 33
4. Надгробная пѣснь Сернягѣ . 34
5. Сожженіе Могилева 36
6. Убіеніе Пашвайка 38
7. Ошешушицкѣ Тешерецко . 42
8. Убіеніе Тешерецка 49
9. Подвиги Лободы 55
10. Походъ Сагайдачнаго 58
11. Подвиги Савы Чалаго 60
12. Надгробная пѣснь Чураю . 74

Д У М Ы:

1. Дары Башорія. Смерть Богданка 77

2. Тапарскій походъ Серпяти	-	82
3. Битва Чигриская	.	86
4. Смерть Федора Безроднаго	.	91
5. Побѣда шрехъ бранцевъ изъ Азова	.	94
6. Походъ на Поляковъ	.	102

ЗАМѢТКИ:

(I) Къ пѣснямъ	.	110
(II) Къ Думамъ	.	123
IV.	.	129

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

— II —

ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ пять
экземпляровъ, Москва. Августа 28 дня 1833.
Цензоръ Девябскій.

ЗАПОРОВСКАЯ СПАРИЛА.

СКАЗАНИЯ ЛЬТОНЦЕВЪ

И

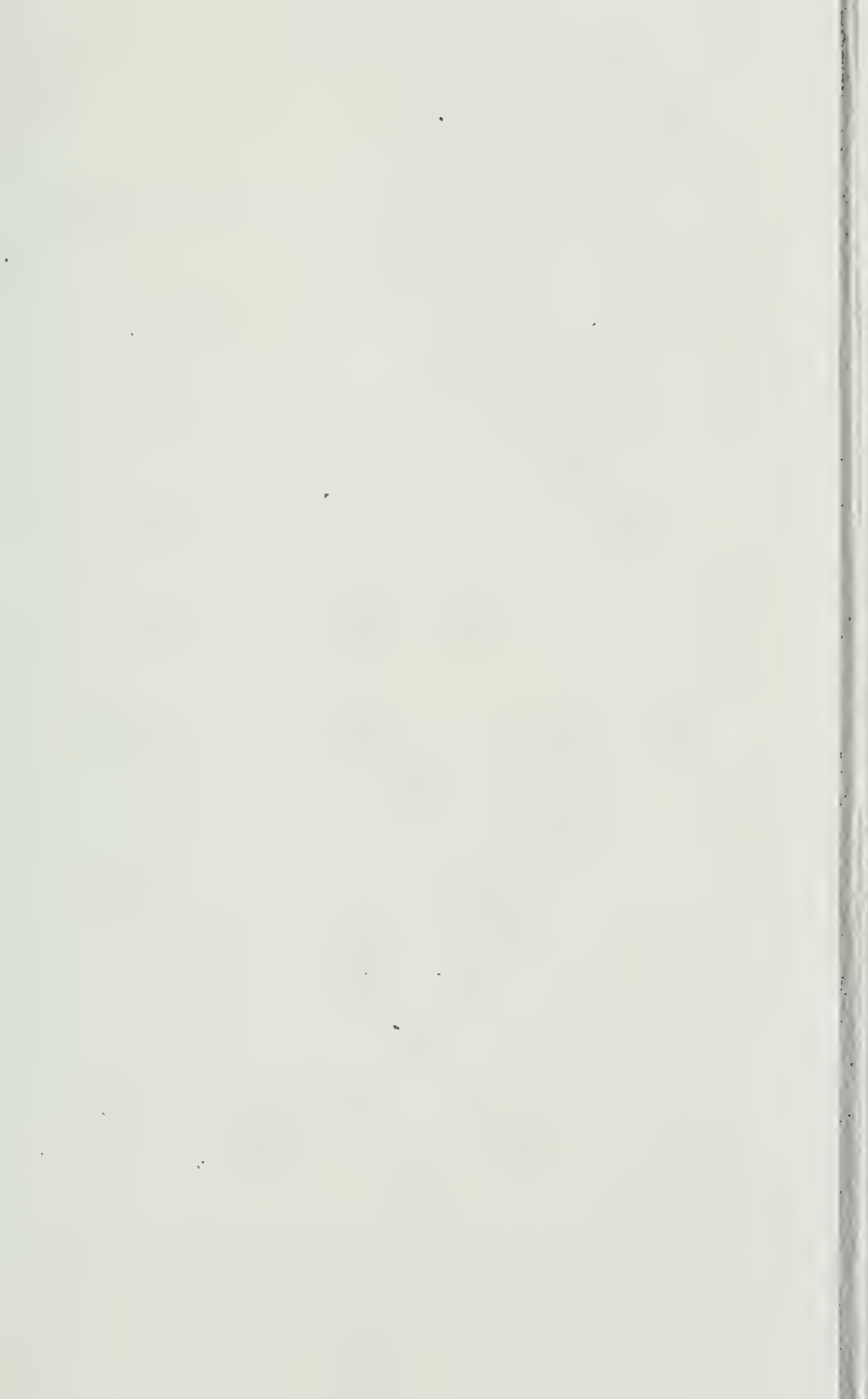
ПРЕДАНИЯ

О ЛИЦАХЪ И СОБЫТИЯХЪ, БЫВШИХЪ

ВЪ УКРАИНѢ И ЗАПОРОВЬѢ

ДО СМЕРТИ

СТЕФАНА БАТОРИА.

Исторія України бѣдна истопниками Литовцями; однакѣ ся бѣдность заключається не въ маломъ количествѣ и не въ краткости Литовисей, но въ каѣствѣ оныхъ.

Пусть тотъ, который имѣетъ порядочный запасъ Украинскихъ Литовисей разсмотритъ прилежно Исторію Малой Россіи, составленную Бантишевизъ - Каменскимъ, — пусть сравнитъ онъ сказанія сего персого Историка Украины со сказаніями Литовисей, — и онъ вѣрно останется пораженнымъ отъ изумленія. — Почему Историкъ пользо-

вался лѣтописями такъ самопрі-
извольно; почему вѣрилъ имъ, когда
хотѣлъ, — не довѣрялъ, когда хо-
тѣлъ; почему предполагалъ одну
другой, и между тѣмъ больше или
меньше пользовался вѣсти? — Подоб-
ные вопросы невольно представятъ
уму его; и трудъ Бантыша-Ка-
менскаго, неоцѣнимый, незабвенный,
достойный благодарности соотѣ-
чественниковъ, можетъ подвергнуться
порицанію. Но справедливо-ли
будетъ оно? — Никогда. Если исто-
рикъ встрѣчаетъ противорѣчія или
не сообразности въ матеріалахъ,
коими пользуется, — не долженъ ли
онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ
ли онъ слѣдовать законамъ вѣро-
ятностей? вѣрить тому, что до-

стойно вѣри, и не вѣришь, если покажется невѣроятнымъ, и следовательно предположить одно сказаніе другому, и между тѣмъ болѣе или менѣе пользоваться вѣрами? Бантышъ - Камонскій вписывалъ въ свою Исторію все, что находилъ достойнымъ вѣры, — опускалъ, что казалось несообразнымъ, и не могъ поступить иначе! Такого качества Лѣтописей Украинскихъ. Ихъ много; между ними есть и пространныя; но если выбросить изъ всѣхъ всѣ противурѣчія и несообразности, коихъ объяснить не возможно ни какими трудомъ, ни съ какими познаніями, — то останется очень не большое количество сказаній. Вотъ почему

я назвалъ Исторію Украины бѣд-
ною относительно источниковъ ль-
тописныхъ.

Вотъ почему предположѣ мно-
гимъ пространнѣйшимъ небольшую
Лѣтопись, здѣсь помѣщенную. За
неподложность оной можно ру-
чаться: она блуждаетъ по Украи-
нѣ въ безчисленныхъ спискахъ. Я
выбралъ изъ нихъ тотъ, который
казался мнѣ лучше. Не представ-
ляю вариантовъ; ибо они заняли бы
слишкомъ много мѣста, и едва ли
къ чему и кому были годны.

За Лѣтописью слѣдуютъ За-
мѣчанія, думаю, что онѣ будутъ
любопытны, хотя нѣкоторымъ чи-
тателямъ. Прошу извиненія въ
краткости и недомолвкахъ: всего

въ одной книжкѣ помѣстити было невозможно; что не объяснено здѣсь, объяснится при удобныхъ случаяхъ въ послѣдующихъ книжкахъ. Источники, коими пользовался я при составленіи Записаній суть:

I. Печатныя книги:

— *Исторія Малой Россіи Бантиша-Каменскаго (И. М. Р.); второе изданіе.*

— *Краткая Лѣтопись, изданная Рубаномъ.*

— *Исторія Государства Россійскаго; (И. Г. Р.) второе изданіе.*

— *Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Успенскаго: второе изданіе.*

— *Описаніе Украины, Боплана; Русскій переводъ. (О. У.)*

— *Исторія Государства Польскаго, Бантке; Гусскій переводъ.*

— *Historia narodu Polskiego, przez Naruszewicza. (H. N. P.)*

— *Geschichte der Ukraine — Энгеля. (G. d. U.)*

— *Geschichte der Moldau und Walacheu — еео-же (G. d. M.)*

II. Рукописи:

— *Исторія Руссоузъ, Георгія Ко-
нисскаго.*

— *Краткій Лѣтописецъ Малоѣ
Россіи Рогалевскаго.*

— *Пространная повѣсть о томъ,
что случилось въ Украинѣ до смер-
ти Гетмана Хмельницкаго.*

— *Записки Шафонскаго.*

— *Лѣтопись о проименованіи Ко-
заковъ и дѣлахъ ихъ.*

— Меморіалъ о Запорожскихъ
Гетманахъ.

— Топографическое описаніе
Харьковскаго Намѣстничества.

III. Преданія — частію соби-
ралъ самъ отъ Бандуристовъ и
простого народа, также отъ о-
ставшихся въ живыхъ Запорож-
цевъ; частію получалъ отъ дру-
гихъ. Долгомъ признаю въ семъ слу-
чай свидѣтельствовать мою бла-
годарность Екатерины Романовны
Подольской (урожденной Шидлов-
ской), Оресту Степановичу Евецко-
му и Федору Степановичу Евецкому.
Ругаюсь за справедливость всѣхъ;
ибо отъ поэти всѣ повѣренны мною
на мѣсть. Впрочемъ желаю, что-
бы мною повѣренное было повѣре-

но и еще къмъ нибудь: критика
въ семъ случаѣ важнѣе нежели едѣ
индѣ.

Я исчислилъ только главные
источники; прочихъ книгъ и рукопи-
сей, коими пользовался рѣдко, или
послужаю выписками, а не вполнѣ,
я не отмѣчалъ, впрочемъ онѣ озна-
чены въ самыхъ Замѣчаніяхъ.

Въ концѣ книжки помѣщено
названіе Сказанія о Гетманахъ За-
порожскихъ.

Всю сію книжку прошу покор-
но считать не болѣе, какъ примѣ-
чаніями къ No 1 Запорожской Стя-
рины, т. е. къ Пѣснямъ и Думахъ,
тамъ помѣщеннымъ,—и въ особен-
ности къ двумъ пѣснямъ о Свир-

говскомъ, двумъ письмамъ о Серпя-
нъ, и двумъ думамъ о Богданкѣ и
Серпянѣ (см. въ № 1 — 1, 2, 3, 4,
13 и 14).

II. С.

Варваровка на Днѣпрѣ
1833, Іюня 2.

*Сказанія, откуда Козаки Запоро-
жане, и тѣмъ славни.*

I.

Не шробо естъ много глаголати, откуда раздѣленіе Царство и Домовъ паденіе, дже глаголетъ Апостолъ, яко отъ похощей бывають брани, и отъ сихъ раздѣляються Царства, и превращаються Домы. Всякое же раздѣлившееся Царство зануеишень чесому пѣбыніе видимъ.

Егда Монарха и Самодержецъ всея Русскія земли, опраха многими Царствами, Равноапостольный Князь Владиміръ, временное Царство остави, и къ вѣчному поиде, раздѣлившися Цар-

ство его на двѣнадесять Княженій, тогда зависнью врага челоѡвѡко-убійцы искони Владиміровъ сынове бранією суще возсѡнали на себе, хопляще единъ другого Княженіємъ обладаши, изгнавъше собѡ чуждін по роду на многое время: сего ради вскорѡ попущеніємъ Божіимъ на Русскую землю Бѡгъ найде; и плѣнивъ ю, и церкви Божіи и красоту ихъ опроверже, и соравни со землею, яко по разваленнымъ стѣнамъ древію возрасше, и сущь живіе гадомъ и звѣромъ. Но не довѣло сего за грѣхи Россійскому роду.

Возсѡна еще Гедеминъ Выпенесовичъ Великій Князь Липовскій, Седьмисыновець; и пришедъ на Кієвъ, побѣди Князей Русскихъ; и прилуча Кієвъ своей обласни, пославъ наѡбѣщеника своего Князя Гольманскаго. И ошѡ

того времени Лишва Россійскимъ за-
обладана преснономъ (1) даже до у-
мершійа благовернаго Князя Симеона,
иже по разореніи Башмевомъ пушчу
лѣнѣ дѣлени и придесянѣ еполюу
свяную небесн подобную црковь Пе-
черскую обнови великимъ издивеніемъ
иже сего.

А по его смерши року 1471 Ко-
роль Польскій Казимиръ четвертый
Княженіе Кіевское во Воеводство пре-
мени. Тако Богу ради грѣхъ человѣч-
скихъ повусишишу, яко во ушчищеніе
пріиде Россійскій скинениръ, и онъ
Царснва во Княженіе, и онъ Княже-
иѣ во Воеводство пременися.

II.

Пріемше убо во область свою По-
ляки Кіевъ и всю Украинскую страну
извои въ работѣ имѣни живущихъ

людей; а ниже бяху отъ снхъ воинского
чина во бранихъ дѣлѣхъ упражняхуся,
а по работнымъ промысламъ живи-
ще (2) около рѣки Днѣпра ниже поро-
говъ во лусныхъ мѣснахъ и въ дикихъ
лугахъ и рѣчными рыбными и звѣри-
ными ловы (3). А нарицахуся Козака-
ми, яко глаголющъ, оны древнего рода
своего Козарска. Аще убо Веснасіаиъ
Коховскій и оны козы дикихъ Коза-
ковъ нарицаешъ, яко шѣмъ скороснїю
добрѣ соравняюшся, и ловомъ шѣхъ
упражняхуся иначе; но не прилично
оны козы Козаковъ нарицати. Прилич-
нѣо Сприковскій нарицаешъ Козаковъ
отъ древнего и славного ихъ Вождя
Козака. Александеръ же Гванишъ отъ
свободы нарицаешъ Козаками, занеже
яко продкове ихъ не оны нужды коей,
но по доброй волѣ, охотне, и безъ

пайму на брань хождаху (4), тако и
нынь Козаки храбрости своей не со-
крывающе, ко брани охочи, виданъ бо
вси на око, яко Нѣмцы, Поляки и Тур-
ки берутъ племъ многій и между со-
бою только бѣнщени показуюны хра-
брости, сопротивнымъ же скоро да-
ють прещи; и мужество ихъ вси ви-
дять, ибо есць Лядского ига малою
силою отъемьшися, на многихъ бра-
тѣхъ Ляховъ побѣдима, и Лядскую (5)
всю землю повоевана.

III.

Въ року 1516, егда Сигизмундъ пер-
вый того имени Король Польскій по-
иде бранію на Велика Царя Московска-
го, Ханъ Ташарскій Менделирей усмо-
трѣвши время не хранючи утвержден-
ного собѣ со Поляки мира, посла свою
силу въ Русскую землю, гдѣ огнемъ и

мечемъ повоева грады и вѣси и много
плѣна возьмъ, въ Перекопъ возврати-
ся (6). Тогда Король видѣвъ той смѣхъ
и поношеніе охотного воинства оупъ
Козаковъ и Поляковъ собравъ, посла
ихъ подъ Бѣлогородъ, гдѣ они множе-
ство корысти взяли, возвращахуся
въ Русскую землю; но Турки и Таша-
ры ихъ нападоша; обаче брани сверша
превозмога Христіанскій вои.

И оупъ того времени Козакомъ
нарицашеся, аще кто и Полякъ баше,
сіе естъ свободное воинство, яко безъ
пайму своею волею хождаху на Таша-
ре, и многократными браньми ходяще
на Ташары вельми въ храбрость и си-
лу возрасташа.

Гладу же и жаждѣ и мразу и зною
и всякимъ воздушнымъ нахожденіямъ
вельми поноси.

Пшца же ихъ житное тѣсно ква-
шено рѣдце и сварено, и шѣмъ сушь
довольни; а шоди случился съ рыбою,
яко козакъ глаголющъ щербою, шо за
найпрекраснѣйшую господскую шране-
зу имѣюиць (7).

Живунъ же въ колѣвахъ сіе еснъ
въ куреняхъ по пшдесанъ, по сно
и болѣе, и вси пшцу вышерѣченную
имуиць одну (8).

И одного же сшарѣйшого въ ку-
ренѣ имуиць, въ воинскихъ искусного
дѣлахъ, и шого починающъ, и повину-
ющъся ему, аки найвысшнему началу по
Концевомъ Ашаманѣ. Шо и сшарѣйшны
ихъ живунъ съ ними со опасивомъ,
аще бо бы чѣмъ шбудъ оскорблѣ надъ
право, шо абіе бѣдней предаюиць смер-
ши (9. 10. 11).

Ташьба же и блудъ ошинуь не бм-
вають между ими; и за едино бо нушо
или плть обьцають на дровь (12).

Одежда ихъ едина или двѣ и мно-
жае и прежде бльше. Но семь когда
земь Турскую и Ташарскую новоевана,
обогащися зѣло, и сущь обогащива
всякого довольно исполненн (13. 14).

Оружіе имуць: самоналы, шабли,
обухи, луки, стрѣлы и списы; и сущь
мнози тому оружію тако искусни, яко
и пайлучній Польскій усаринь и Нѣ-
мецкій рейтаринь быши тамо примѣ-
ромъ не могуць.

Воинства же Козацкаго пихто
изчессти не можець: сколько бо кон-
ныхъ, сполько и пѣшихъ, и сколько
на Украинѣ въ Малороссіи людей,
сполько и Козаковъ. Речень только
на охотника региментъ держацій, абіо

сколько прѣбе воинспива соберетсѣ. Не прѣбе нуждою собираши, яко по шныхъ мужеземныхъ сирапахъ шворяшь; не прѣбе великого дайму обѣщавани: речешъ сирашиѣ слово, абѣ войска числомъ акн шрава будешъ. И добре кшошь рекъ Турского Царя на вопросъ о кончаносни Козацкого войска. Въ насъ — рече — Турекій Царю, що коза, що Козакъ; а де кракъ або баѣракъ, шо по сшо и по двисни Козаквѣ. Тако и вси шїи зѣлю храбри (15).

Во миру же живши никогда не хошущи; но егда въ земѣ ихъ миръ оглашенъ будешъ, шо самовольно идушъ на помощь шїмъ, и малыя ради корысни великую нужду подымушъ, море прѣплаванни дерзаюшъ, и многакды души своя погубляюшъ, яко не имѣюшъ сего

обычай, дабы со собою священниковъ
смершныя пужды ради имѣли.

IV.

Въ року 1574 за Генриха Фран-
цуза, Короля Польскаго, упрошеніемъ
Іоанна Господаря Молдавскаго, Козаки,
собравшися съ Генманомъ Свѣргов-
скимъ тысяча чешыресна, прійдоша
въ Молдавскую землю, и тамо при Го-
сподарѣ чешыренадесятихъ кропѣхъ бранѣ
съ Турки сведше, силу ихъ великую
поганьскую поразиша, наконецъ же ошѣ
множеснива Турковъ умроша (16).

Но вскорѣ Козаки Туркамъ за сіе
мещѣ положиша; ибо въ року 1575 по-
сланы бывше ошѣ Кіевскаго Воеводы
зѣ Черкасѣхъ, зѣ Канева, челнами Днѣ-
промъ на Орду навадоша и много по-
бивше и въ плѣнѣхъ вземше, возвраши-
шася къ своимъ съ корысши.

Обаче Ташаре собравшися съ шро-
мя Салнавы да едѣмъ сыновъ Пере-
конскаго Хана со множествомъ Орды
найдона Подолье, много людей павши-
ша, и сожгоша огнемъ грады и селы.

Воскорѣ же Козаки воздали имъ за сѣе,
егда внидеши за Переконъ азъ Вождемъ
Богданкомъ наководо землю Ташар-
скую огнемъ и мечемъ новосваша. (17)

V.

Въ лѣтѣ 1576, за Спешана Баны-
ря, Короля Польскаго, Козаки въ луч-
шій еще спрой учинены. Той бо Ко-
роль видя въ Козакахъ мужество ве-
λικое съ Ташары на браняхъ, пославъ
имъ Генмана, присла ему хоругвь, буц-
чукъ и булаву (18) и армань, и вся-
кихъ воинскихъ припасовъ; и сами мно-
го замки Турецки воююще набраша. И
учинивъ имъ Спешанъ спрой (19) и

начала по Гетманѣ: Обозими, Судыи, Асауды, Полковники, Сотники, и Ашаманы; повелѣ имъ быти на спражѣ ошъ Ташарѣ около пороговъ; и всегда ошъ Король Польщи о храброси Козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: — Буденъ — рече — когдашъ ошъ тѣхъ юнаковъ рѣчь поснодшная вольная. — Ежо и собышѣся. Поедди шой же Король Башырѣ даде Козакамъ во приешанище Трехнемировъ, дабы шамо во время зимы всегда пребывати. И симъ Королемъ Козаки бяху на долзе довольни. И съ шого времени многія брани имѣху Козаки со Ташары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побѣждаху ихъ. И въ шо время Азію Козаки нападше на тысячу миль повосваши, Транзонъ взяли, и изѣвкоша, Синопъ до основанія опрєвраниша,

и подь Константинополемъ многія взя-
ша користи . Ошнотъ болѣе въ силу
Козаки рослиху . Еле видѣвъ Король
Стефанъ смущающеся зѣю вкупѣ, и бо-
лшеся, да некако укрѣпившися Козаки
ишаци Ляхомъ будуще; и хощѣ, яко
же благозашѣ, вину около Днѣпра жи-
вущихъ вѣхъ побити, но Козаки ра-
зумѣвши Королевскій замыселъ пойдо-
ша ошѣ договинцѣ своихъ къ Донскимъ
Козакамъ . И ошесюда еще въ большій
спрахѣ Ляхи прійдоша, обаче Сте-
фанъ до времени бешави Козаковъ та-
ко пребываши . Оши же пакы зѣ Дону
возвращишася въ Луга Дикіровскіе, ме-
чемъ и бравно на Ташаро упражняхуся .

VI.

За того же Короля Стефана Ба-
шари, въ року 1577 бѣ у Козаковъ
Ашаманъ Козакъ славный именемъ Под-

начала по Гешманѣ: Обозины, Судьи, Асаулы, Полковники, Сотники, и Анаманы; повелѣ имъ быти на спрѣжѣ оу Ташарѣ около пороговъ; и всегда оу Король Польци о храбрости Козаковъ поразумѣвалъ, пророчески глаголаше: — Будеть — рече — когдася оу ихъ юнаковъ рѣчь посполная вольная. — Ежо и собыснѣся. Последни оу же Король Башырѣ даде Козакамъ во признанище Трехшмировъ, дабы тамо во время зimy всегда пребывали. И снѣ Королемъ Козаки бяху на долзе довольни. И съ того времени многія брани имѣяху Козаки со Ташары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побѣждаху ихъ. И въ то время Азію Козаки нападше на тысячу миль повоевана, Транзонъ взята, и изѣкоша, Сионъ до основанія опривраниша,

Ляхи деспію ємше, до Короля опсѣла-
ша, конорый повелѣ єшеѣци Подкову
главу во Львовѣ. Тѣю же его Козаки
вземше въ Каневѣ у монашырь погре-
боша. Посла же Король и до низовыхъ
Козаковъ, дабы ихъ смирили. Комисса-
ровъ своихъ, но принесли же ихъ Коза-
ки не якоже. Ляхи хотѣша, гитвающе-
ся за Подкову, єго-же ради многакды
на Молдавскую землю находяще, вели-
кїя пакосни шворяху, яко храбрымъ
юнакомъ бѣ свойственню; а найначе
Ташарамъ вельми баху шакци и крѣ-
ци яко єшѣна.

VII.

Єгда змїѣ лукавый опшорже прѣ-
пшюю часнѣ звѣздѣ изъ церкви Право-
славныя, аки зѣ шверди небесней, и
восхотѣ вринуши во адову пропаснѣ
шогда єму шїи єкїи Архієреи въ Ли-

товскої спранѣ не боялися Бога, яко
дрождія суєтныя славы жившася, ни
опкуду не имущія нужды образомъ
благочестія хопяще опрещися, пра-
вославныя апошпольскія Каѳолическія
вѣры, соборъ собраша во Бресню Ли-
товскомъ; и на томъ соборѣ бѣ Ми-
широполциъ Михаи́лъ Рогоза, Иуа́нній
Протопо́роцій Еписко́пъ Влади́мирскій
и Бресне́скій, Ки́рилъ Терле́цкій Ек-
сархъ Еписко́пъ Лу́цкій и Остро́жскій,
Ермоге́нъ Еписко́пъ Поло́цкій и Ви-
ше́бскій, Іоа́ннъ Гого́ль Еписко́пъ По-
ча́йскій и Ту́ровскій, Діо́нісій Епис-
ко́пъ Хо́лмскій и Белзскій; и на томъ
соборѣ оспави аще благословеніе пер-
воначальнаго Архипаспы́ря своего Кон-
стантинопо́льскаго Па́пріарха, посла-
ша послы въ Римъ къ Па́пѣ Кле́менту
восьмому, опдающе себе въ соединеніе

Западному Косиелю. Тогда видѣвши
благочеснїи сынове сію новоявленную
химеру, ужасахуся и онда мина себе
онѣ еднѣши нѣхъ наемниковъ; а не
истинныхъ наспырей. И онсюду раз-
драся облюбеицы Христовой едино-
благочесная риза; и смущенїемъ неутѣшнымъ православная цер-
ковь: бѣ бо видѣши на ней одѣянїе раз-
дранно, и душою болотоу зѣло, ако
сынове ея вышедше въ чертоги вну-
пренїя завѣса умроша. Змїи же облю-
бивый ихъ начашъ облюбеицу Хри-
стову Церковь Православную Греко-
Русскую гонити; обаче дано бѣ жеи
двѣ крилѣ орла небесного.

Тогда же ревностїю благочеснїя
разжгся пѣкно Генманъ Запорожско-
го войска Памвайко въ року 1591 со-
бравъ онѣ низовыхъ Козаковъ войско,

прійде на Литву, и тамо много мечемъ побил шляхты, ненавидѣй ново-
являющейся тогда Уніи. На него же На-
дпвайка Гешманъ Коронный Жолкев-
скій зъ войскомъ Польскимъ пришедъ
на Украину подъ Лубнями мѣсячомъ
на урочищѣ Соломищѣ войско Козацкое
побил, и самага Гешмана емши завезъ
до Варшавы, иде же на мѣдномъ валу
его сожгоша. Ляхи и онѣ поя вины
война Козацкая зъ Ляхами начася.

И вельми спалася пляшка брань
опая. И многія души погибоста. Цер-
ковъ Божую православную споважающе
и поражающе православныхъ ея спо-
движниковъ. Явился въ оное время межъ
Козаками мужъ умомъ возвышенный и
любовью къ опчизнѣ вельми изукра-
шенный зѣло, Зиновій Хмельницкій,
ему же и прозваніе онѣ православнаго

народа дано Богдана, Богомъ данного
во утѣшеніе сиротѣнствующей Церкви
Православною. И такъ оныя ига Ляд-
скаго Руссы въ оно время отпадоша.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

О взятіи Кіева Гедиминомъ.

Сказанія о взятіи Кіева и покореніи Украины Гедиминомъ, помѣщенные въ Украинскихъ лѣтописяхъ все вообще сходны болѣе или менѣе съ повѣствованіемъ Польскаго Хронорика XVI столѣтія Скриковского, которое сокращенно вписано въ И. Г. Р. IV. 208 — 209. Карамзинъ сомнѣвается въ справедливости оного, говоря, что оно едва-ли утверждено на современныхъ свидѣтельствахъ, и полагаетъ, что Украина покорена не Гедиминомъ, но Ольгердомъ, его сыномъ. Ганцынъ-Камарскій принимаетъ сіе мнѣіе (И. М. Р. 26 — 27).

Одно изъ важнѣйшихъ доказа-
тельствъ Карамзина есть свидѣтель-
ство Русскихъ Лѣтописей, что Бас-
таки Ханскіе и Князья Русскіе до са-
мого 1331 года находились въ Кіевѣ.
Но Карамзинъ а вслѣдъ за нимъ и Ва-
шынъ-Каменскій не вѣрили и тому
сказанію Спириковаго, что Гедеминъ
умеръ въ 1328 году, а напрошивъ опи-
саятъ смерть Гедемина, сообразно
съ показаніемъ лѣтошорыхъ Лѣтопи-
сей Русскихъ, къ 1341 году. . . Если
Спириковскій ошибся въ годъ смерти
Гедемина, то не могъ-ли такъ же оши-
биться, означивши покореніе Кіева Ге-
деминомъ подъ 1320 годомъ. Обчелся
въ лѣтоисчисленіи легче, нежели пере-
путать происшествія, и дать имъ
порядокъ по волѣ воображенія. Мо-
жетъ быть здѣсь должно только по-
править число: вмѣсто 1320 разумѣть
1330; такъ точно какъ Нарушевичъ
годъ смерти Гедемина по Спириковско-
му и Двигбургу 1328 поправилъ въ 1338

(His. N. P. V. 436). Спириковскій могъ ошибаться, общипываться, могъ допущать, какъ выражается Карамзинъ о Дугонѣ, Польскомъ Историкѣ XVII столѣтія; но какая была ему сманъ некаванъ хедъ прощенеснвій? Припомъ Двионнень Спириковскаго не могла-ли бытъ поддвержена прихонн перепищниковъ!

Гораздо значительнѣе доказательство Бантына-Каменскаго:

И Дугонѣ и Спириковскій, и Двионненьцы Русскіе почти одинаково обозначаютъ удѣлы, данные Гедеминномъ сыновьямъ своимъ. Въ числѣ ихъ о Кіевѣ и городахъ Сѣверскихъ не упоминаю; — слѣдовательно — говоримъ Бантынъ-Каменскій — сіи города еще не принадлежали тогда Двионцамъ.

Но Бантынъ-Каменскій признаетъ справедливымъ выводъ Карамзина, что — держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, Гедеминъ не изгонялъ Князей изъ земель, завоеван-

ныхъ его оружіемъ; довольствовался ихъ покорностію, оснаждалъ имъ удѣлы наследственные (Н. Г. Р., VI: 213. И. М. О. I. 27). Почему-же не допустить, что Гедимишъ употребилъ это правило своей политики къ Князьямъ Кіевскимъ, если онъ покорилъ Кіевъ прежде 1331 года, или въ отношеніи къ Миндовгу, Намѣстнику, коего Гедимишъ оснадилъ въ Кіевѣ, по сказанію Сиріковскаго, если Кіевъ поднялъ его власныи посылъ 1330 года?

Еще одинъ вопросъ: на какомъ достоверномъ свидѣтельствѣ, на сказаніи какого Лѣтописца или Историка утверждено мнѣніе, что Кіевъ покоренъ Ольгердомъ? Не догадка-ли это, и не болѣе? — Должно думать — говорить Баншышъ-Каменскій; а почему? умалчивается.

Любопытно, что скажетъ по этому предмету Полевой въ своей Истории Русскаго народа, какъ развѣянетъ

онъ вѣнчанъ узелъ, который Карамзинъ
имѣлъ только что болѣе запутанъ.

Примѣчаніе. Октября 3. 1833. По-
левой (ИЛ Р. II. IV. 347 — 348) придержи-
вался мнѣнія Нарушевича о смерти
Гедемина, во всемъ прочемъ согласи-
сь Карамзинымъ.

Кешани о Кіевѣ. Подъ именемъ
Кіева Украинскіе Лѣтописцы часно
разумѣли не одинъ городъ, ни городъ
съ округомъ, но всю Украину, и Рус-
скую и Польскую, и Нѣмецкую, именно
какъ сказано въ одной старейшей рукопи-
си: Облаетъ Галицкую и Владимир-
скую, и Волынъ, и Подоль, и областъ
Кіевскую, и Черниговскую, и Сѣвер-
скую, и Слободскія земли, и ещенъ
Татарскую. — Тоже разумѣють и
подъ именемъ Книженія Кіевского. Ина-
че понималъ слово Кіевъ лишь Лѣто-
писецъ, ибо онъ безпрерывно переме-
щалъ кругъ значенія сего слова. Вѣ-

ролинно, онъ хотѣлъ разумѣть подѣ
Кіевомъ только столицу, главный го-
родъ области: Княженіе Кіевское по
все преобразовалось въ одно Воевод-
ство Кіевское, а распалось на многія
часни. См. о семъ Н. М. Р. I. Т. VII
и VIII.

Тамъ-же см. и о покореніи сихъ
областей Казимиромъ IV. Ср. Карам-
зина Н. Г. Р. V и VI. въ разныхъ мѣ-
стахъ. Баншке, Н. Г. II. II. 42 — 63.

— О состояніи Кіева въ XVII вѣкѣ
см. О. У. 1 — 4. 12 — 13,

2.

Разборъ Бопланова сказанія.

Нашъ Лыпонисецъ говоритъ, что
Украинцы, иже бяху войскаго чина,
не рабочимъ промысломъ живяще . . .
и совершенно справедливо: тоже го-
рили и другія Лыпониси, шо-же и на-

родное преданіе; только слѣдующее сказаніе Бонца какъ будто проищеворѣчишь ему:

— Въ сѣранѣ Запорожской вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для обществѣ: плотниковъ для постройкѣ домовъ и лодокъ, шельфаниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и пр. Козаки весьма искусны въ добываніи селитры, которою изобилуетъ Украина, и въ приготовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, шкуны для своего употребленія полотна и сукна. Всѣ Козаки умѣютъ пахать, сѣять, жать, косить, печь хлѣбы, приготавливать ленца, варить пиво, медъ и брагу, гнать водку и пр. (О. У. 6).

Чинная сіе описаніе Бонца, невольно подумаешь, что Козаки соседствовали народъ образованный, равный по

образованію по крайней мѣрѣ Французамъ современникамъ Боплана, — а сирани Запорожскую почтешь Государствомъ благоуспросеннымъ. Ужели Бопланъ ошибся, или и того хуже — солгалъ? бышь не можешь. Или онъ выразился нѣсколько безопытно? — Что хотѣлъ онъ разумѣть подъ именемъ Запорожской сирани? Конечно не степи и дуга, по берегамъ Днѣпра ниже пороговъ, гдѣ Козаки имѣли свои лѣвшія стойбища; а всю Украину. Это покажется сиранинымъ; но какъ же иначе? Какіе могли бышь въ собственно Запорожской сирани дома, откуда могли проявиться шамъ женщины? Запорожцы жили въ шалахахъ и землянкахъ; Запорожцы вели шамъ жизнь холостую, сирого наказывали предубѣдѣніе. Очень не мудрено, что Козаки умѣли пахать, свѣять и жать, но въ степяхъ экимъ не занимались; тоже можно сказать и о косьбѣ сѣна, пивовареньи, и пр. На это предсав-

лещь доказательство самъ-же Бо-
планъ, говоря, что Козаки живутъ
одною добычею; ибо возвращаясь на ро-
дину, ни чѣмъ не занимающся, а умѣ-
ютъ только пить и бражничать съ
друзьями (О. У. 69). Нечъ хлѣбы и при-
готовлять явснѣя оная не было дѣ-
ломъ воиновъ Запорожскихъ: на это
были у нихъ особенные люди, прихо-
дившіе въ Запорожье изъ Украины, и
называвшіеся кашеварами. — И такъ
Бопланъ хотѣлъ разумѣть подъ име-
немъ еяраны Запорожской, вѣроятно,
Украину, а подъ общимъ названіемъ
Козаковъ не собственно Запорожскихъ
воиновъ, бывшихъ на службѣ; а семей-
ства Козаковъ охочекомонныхъ, кои
были разселены еще при Баторіи по
всей Украинѣ слободами. Моя догадка
справовишся еще правдоподобнѣе, ког-
да припомнимъ, что Бопланъ говоритъ
вслѣдъ за симъ о плодородіи земли и
богатствѣ Козаковъ въ хлѣбѣ, коню-
раго, по словамъ Боплана, имѣли они

столько, что не знали куда дваться; ибо — продолжается Бопланъ — кромѣ Днѣпра ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украинѣ не впадаетъ въ море: самый Днѣпръ на 50 миль ниже Кіева загражденъ порогами (О. У. 6). Изъ этихъ выраженій явственно видно, что Бопланъ смѣшивалъ спрану Запорожскую съ Украиной, не находилъ между ними никакой разницы.

Заключаю: Бопланъ сказалъ нѣсколько безосновательно, смѣшавши Запорожскую спрану съ Украиной, — а Козаковъ служивыхъ съ Козаками охочекомонными; или правильнѣе, смѣшавъ и тѣхъ и другихъ Козаковъ подъ общимъ названіемъ Козаковъ. — Неправдѣ сію безосновательность, и сказаніе Боплана ни мало не будешь противорѣчитьъ вышеприведеннымъ словамъ нашего Лыповища, коихъ справедливость можетъ быть оправдана многими выраженіями самаго Боплана. Но какъ могла произойти такого рода

Безосчетливость въ сказаніи Бонлана? Вѣрно, она имѣла основаніе: — Бонланъ, неопиная Запорожья оныя Украины, во все не опиываетъ и Козаковъ Запорожскихъ оныя Украинскихъ какъ еще сдѣлали Карамзинъ, Баньшинъ-Камешскій и другіе. Кто изъ нихъ справедливѣе? Я думаю, Бонланъ; ибо отличія между Козаками Запорожскими и Украинскими не находятъ и Липовицы Украинскіе почти все за исключеніемъ очень немногихъ подобныхъ Конискому и пр. — Козаки рессуровые, собственно Запорожскіе воины, дѣйствительно не рабочимъ промысломъ живящу, а одной добычей, и возвратившись на родину, очень могли, по словамъ, Бонлана пить и бражничать. — См. Зам. 14.

3.

Луга. Гайдомаки. Лугари.

Всѣ вообще Украинцы подъ именемъ луговъ разумѣютъ лѣса, распуціе на низменныхъ мѣстахъ. Собственно же Лугомъ или Лугами называеиъся лѣвый берегъ Днѣпра съ того мѣста гдѣ въ рѣку сію впадаетъ Конка или Конская рѣка (Konska-woda какъ называеиъ Болѣанъ) внизъ къ морю. Сей берегъ заливаетъя почти каждою весною; на немъ растетъ лоза, осоковы; есиъ прекрасныя сѣножатни, ручьи, озера, цѣлыя лѣса непроходимаго просшиику. Преданіе народное, согласно съ Лѣтописями, повѣствуетъ, что сіи Луга были первоначальнымъ лѣниимъ снотбищемъ Козаковъ, что и далѣ имъ названіе Запорожцевъ. Въ послѣдствіи времени, когда Козаки подвинулись къ сѣверу, а со временемъ начали рассе-

лись по Украинѣ, Луга сіи досла-
лись въ удѣль Гайдомакъ, т. е. лѣс-
ныхъ разбойниковъ, собственно: лѣс-
ныхъ жилицевъ. Имя Гайдомакъ носили
и Запорожцы нѣ, кои жили въ лѣсахъ
по лѣвому берегу Днѣпра около поро-
говъ; однако не долго, не даѣе какъ
до Хмельницкаго. Разбойники Гайдомакъ
существовали до конца прошлаго столѣ-
тія, переселившись по большей ча-
сти на Самарь, Пселъ и другія рѣки,
впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ
Лугахъ снани извѣстны подъ именемъ
Лугарей, и производили ужасныя гра-
бежи. Говорять, что между предводи-
телями сихъ разбойниковъ бывали и
дворяне; впрочемъ это сомнительно.
Развѣ подъ именемъ дворянъ могли
дробную шайку, и н. н. Но, что
важнѣе, многіе смѣшивали Лугарей съ
Запорожцами, давали имъ названіе За-
порожцевъ, и такимъ образомъ часто
вредили доброй славіи сихъ послѣднихъ.
Разысканіе и собраніе свѣдѣній о Гай-

домакахъ и Лугаряхъ было бы очень любопытно и весьма важно для Истории Украины; но гдѣ же истощникъ подобныхъ свѣденій? Однихъ преданій по досматриванію. Можешь быть архивы уголовныхъ Палатъ. Въ № 5 или 6 [Запорожской Спешки] будешь помещено собраніе анекдотовъ о нихъ и другихъ. Несколько анекдотовъ о Гаркушѣ помѣстилъ О. С. Евецкій въ Украинскомъ Альманахѣ на 1831. Гаркуша одинъ изъ знаменитѣйшихъ Гайдомакъ прошлаго столѣтія. Кто не читалъ ошривковъ изъ Повѣстей Сомова о Гайдомакахъ? Кто не мѣнялся ими? Жаль, что воображеніе Писателя не позволяло истинѣ разыгрывать должную роль если не всегда, то по крайней мѣрѣ довольно часто.

4.

*Происхождение слова: Козакъ. Мнѣ-
нія разныхъ.*

Очень немногія изъ названій на-
родовъ, подвергавшихся изслѣдованіямъ
критиковъ историческихъ, были изъ-
иснены столь разнообразно и столь
защѣленно, какъ названіе Козаковъ.

Четверо мнѣній о семъ предметѣ
представилъ нашъ Липовицеецъ. Пред-
ставлю еще нѣсколько.

— У насъ есть — пицень Карам-
зинъ — рукописное сочиненіе о Коза-
кахъ Запорожскихъ, гдѣ сказано, что
они уже существовали въ 948 году,
что какой-то Семенъ вышелъ изъ Поль-
ши къ устью Буга, основать свое ли-
щище на одной косѣ, домыль именуемый
Семеновымъ рогомъ, и приманилъ туда
болѣе снѣа челоувѣкъ; что они, снѣишь
себѣ одежду изъ козьихъ шкуръ, назва-

лись Козаками, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя Козаковъ, и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ (II, Г. Р. V. пр. 416).

Чего мило! однако я, признаюсь, ни какъ не могу повѣрить, что-бы Карамзинъ не ошибся, назвавъ сію басню изобрѣщеніемъ одного изъ ученыхъ Запорожцевъ: до сихъ поръ мнѣ не случилось видѣть ни одного памятникъ старины Запорожской, въ которомъ бы умъ и ученость изобрѣщенія и выраженія проявлялись въ подобномъ размѣрѣ. — О сей баснѣ говоришь и Болтинъ (II. на II. Р. Теклерка. I. 363—365).

Конисскій въ Исторіи Руссовъ говоритъ слѣдующее:

— О названіи Козаковъ нѣкоторые Историки споряно повѣствуютъ, и производящъ ихъ то изъ Скиѳовъ или отъ Ташаръ, то изъ Кабарды Черкес-

ской; а другіе утверждаютъ, будто-бы они суть оспанки иноплеменнаго народа Козарскаго. Польскіе Иешорики показываютъ еще, будто они набраны изъ разной вольницы или сводомъ, и поселены оныя ихъ Королей на пустыхъ земляхъ близъ рѣки Днѣпра и Буга. Но таковыя неѣныя мнѣнія значить болѣе нежели ошибки Иешориковъ. Не приводя другихъ вещей, опровергаешь ихъ самый разсудокъ; ибо всякій народъ имѣетъ свое войско, и даетъ ему названіе по виду или достоинству. Такимъ образомъ и Русскіе воины назывались Козаками кошмы, а Сирѣнцами и Сердюками пѣше. И сіи названія суть собственно Русскія; на пр: Сирѣнцы по сирѣнбъ, Сердюки по сердцу или запарчивости, а Козаки или Козаре по легкости ихъ конной, уподобляющейсѣ козѣму бѣоку. —

И такъ и Кошескій не могъ изъбавиться оны козъ говора о Козакахъ. Къ сему же порядку принадлежатъ:

Плещкѣй, Гаршкнохъ, Лакомбъ, Шевалье, и пр. и пр. и пр. Гербинѣй производить слово Козакъ отъ косы, якобы въконшоралъ часенъ Козаковъ была вооружена косами: извѣстно, что Украинцы людей, кои косятъ сѣно, называютъ косарями. О другихъ мифѣяхъ см. И. Г. Р. V. и И. М. Р. Гл. IX. и пр. 73. Любопытно также мифѣе Левшина, въ снанѣхъ о Киргизъ-Кайсакахъ, помещенной въ Московскомъ Вѣстникѣ на 1827.

5.

Ляхи.

Симъ именемъ называли Поляковъ Украинцы, а можетъ быть и Русскіе. Вѣроятно — говорить Баньке — что Поляки сами себя некогда называли Ляхами (И. Г. II, I. 20). Однако имя сіе въ Лѣтописяхъ Польскихъ, кажется, нигдѣ

не встрѣчаеица. Винценцій Кадлубекъ, одинъ изъ первыхъ Лытоиисцевъ Польскихъ, а за нимъ и другіе называли Лехишами (Leshiſae). Ванюже говоришь далѣе: — Иные утверждали, будтобы сіе названіе (Ляхи) произошло отъ Лицкаго или Ланниискаго вѣроисповѣданія, что однако-жъ подвержено сомнѣнію. — Въ Лытоиисяхъ Украинскихъ Польскій народъ часто называеица Лицкомъ, Лидскимъ и и. п. И въ Рускихъ Лытоиисяхъ также. Въ Лытоиисѣи Воскресенской упоминаеица о Ланскихъ воронѣхъ и пр. Эице-же вороны въ Лытоиисѣи, названой Данилюиномъ, названы Лодцкими. Сія послѣдняя преденавляеица много подобныхъ примѣровъ.

6.

*Первый Козацкій походъ противъ
Крымцевъ.*

Ханъ Ташарскій названный нашимъ Лѣтписцемъ Менделирсею естъ въро-
ятно Махметъ-Гирей, старшій сынъ и
наслѣдникъ знаменитаго Менгли-Гирея,
умершаго весною 1515 года. Махметъ-
Гирей, по сказанію Карамзина, не по-
ходилъ ни опца ни умомъ, ни добрыми
качествами: вопреки Алкорану любилъ
пить до чрезмѣрности; работенство-
валъ женамъ; не зналъ добродѣтелей
Государственныхъ, — зналъ одну пре-
леснь корысти; былъ испиннымъ Аша-
маномъ разбойниковъ (И. Г. Р. VII.
73 — 78). Сей Ханъ, во время мирныхъ
переговоровъ съ Царемъ Русскимъ Ва-
силемъ, послалъ сына своего Богашы-
ря въ набѣгъ на области Русскія; Бо-
гашырь успремился съ своими полка-

ми, голодными, какъ выражаеися Ка-
рамзинъ, и опустошили села Мещер-
скія и Рязанскія. И вездѣ за симъ, по-
лучивши золото отъ Сигизмунда, Ко-
роля Польскаго, посласть 40,000 всад-
никовъ разорить его южныя владѣнія.
Крымцы вшоргань въ спрану сію —
пишеть Баннишь-Камонскій — слѣдуя
Евгелю — ограбили спрану сію, въ осо-
бенности владѣнія Князи Вишневецка-
го, гдѣ оказано имъ сопрошнвленіе: мла-
дешцы, жены, старики, больные были
безчеловѣчно умерщвлены варварами;
нѣсколько тысячъ жителей взаны въ
плѣтъ, и, подобно большому стаду,
погнаны въ улузы. — Вшорая половина
сей выписки годится для речинанова
при описаніи всякаго набѣга Ташаръ
по порядку. — Въ это время предводи-
телями Запорожцевъ были — кто? А
кого-сь вамъ шреба? говоритъ Жидъ
въ описаніи Украинцу, отъ котораго
надѣеися получить свои выгоды. Этошь
ошвышый вопросъ употребить здѣсь

очель кешани. Почини всѣ Лѣвонин-
си Украинскія единогласно именуютъ
Генмана Ружинскаго; Банщины-Ка-
менскій напрошивъ, давши Ружинскому
мѣсто при Банорѣ, сообразно съ по-
казаніемъ Миллера, опдаєшь началь-
ство надъ Запорожцами въ сіе время
Предиславу Данцкоронскому и Дашко-
вичу (И. М. Р. I. 113 — 114). Не прав-
да-ли, чиню якого-сь вамъ треба? . . .

Конисскій описываєшь походъ Ко-
заковъ противу Хана Крымскаго въ
опищеніе за его нападеніе на Украи-
ну слѣдующимъ образомъ:

— Въ 1518 году Махметъ - Гирей
Крымскій Ханъ по союзу съ Княземъ
Московскимъ Васиіємъ Іоанновичемъ
шелъ войною на Польшу и Малорос-
сію. Тогда Генманъ Ружинскій съ вой-
сками Малороссійскими и Польскими
пошелъ на встрѣчу Ташарамъ на гра-
ницу Малороссіи. Надъ рѣкою Донцемъ
при городѣ Бѣлгородѣ далъ себя апа-
ковать Ташарамъ, въ продолженіи цѣ-

лаго днѣ оборонялся, не дѣлая самъ ни-
какихъ нападеній; но когда на почлегѣ
Ташары удались, и не имѣя обыкно-
венна привязыванья лошадей къ коно-
вѣзѣ, распустили полугу; но Гешманъ
на самой зарѣ съ своимъ войскомъ на
нихъ выступилъ, а впередъ послалъ
опредѣленныя конницы съ пригнотовленными
заблаговременно ракетами, кои пере-
скакивая съ мѣсна на мѣсто дѣлали 6
выстрѣловъ. Сии ракеты были зажже-
ны и пущены между лошадей. Это
привело весь спланъ въ преволгу. Геш-
манъ съ войскомъ наналъ на смѣшанна-
го Хана, разбилъ его на голову, — и
спланъ со всемъ багажомъ доспался по-
бѣднелымъ. Возвращаясь Ружинскій
отъ Бѣгорода Русскаго, встрѣчелъ
былъ Турками и Ташарами, выступив-
шими изъ Бѣгорода Ташарскаго или
Акермана, что въ Бессарабіи, копорые
узнавши о побѣдѣ надъ Крымскимъ Ха-
номъ и о пошераніи всего сплана съ
великимъ богатствомъ предприняли

опиятъ опыа богатства у Ружинскаго, напавши на него печально въ рас-
плохъ почини обыкновенный у войскъ
возвращающихся съ удачею. Но Ру-
жинскій не былъ такъ безнеченъ какъ
они полагали. Свѣдавъ онъ погранич-
ныхъ развѣдочъ, что Таттары Вѣлго-
родскіе съ гарнизонными Турками вы-
ступили на Очаковскую степь, Гош-
манъ шотъ часъ удалилъ шажески
свои въ Умалъцину, а самъ съ вой-
сками переправяся чрезъ Бугъ засѣлъ
въ очеретахъ и байракахъ, при рѣкѣ
Кадымъ; и какъ только непріятель
пришлянулъ къ Бугу, то онъ насту-
пилъ на него печально со всѣхъ сто-
ронъ, и сыгралъ съ ними то, что ему
гошновилось. Разбивши на голову, онъ
гналъ враговъ до Акермана, опиялъ у
нихъ все, что имѣли, и раздѣлилъ съ
Поляками и своимъ войскомъ. —

Чинная сей опрывокъ и ему подоб-
ные, могу только удивляться богат-
ству источниковъ, коими пользовался

Кописскій при составленіи своей Лѣтописи; и невѣрующіхъ сказаніямъ Преосвященнаго Епископа Могилевскаго ошесладоу къ И. М. Р. І. 113 — 114. Другіе Лѣтописцы рассказываютъ сей походъ очень кратко, но большей части не упоминали о дѣйствовавшихъ въ ономъ лицахъ.

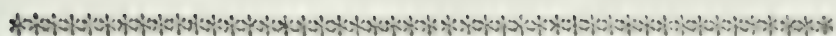
Описавши сей походъ нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что — и оныя того времени Козакомъ ларицалися, аще кто и Полякъ бѣше, сіе естъ свободное воинство. — Это подтверждаютъ и другія Лѣтописи.

Орѣ при Перекопѣ. Бопланъ нишенъ:— При входѣ въ перешеекъ (соединяющій полуостровъ Крымъ съ твердою землею) лежалъ шипованный городокъ безъ укрѣпленій, окованный только полуобвалившимся рвомъ въ 20 футовъ шириною, оны 6 до 7 глубиною, и обнесенный валомъ оны 6 до 7 футовъ въ вышину и не болѣе 15 въ толщину;

онъ лежишь на 300 шаговъ отъ восточнаго морскаго берега, имѣешь около 400 домовъ и защищается каменнымъ замкомъ, около коего построены еще другой замокъ. Между городомъ и западнымъ морскимъ берегомъ прокопанъ ровъ на полмилю въ длину: городъ сей называютъ Тамары Оромъ, а Поляки Перекопомъ (О. У. 36—37). Въ семь мѣсѣвъ ровъ существовать уже во времена Геродота, который свидѣтельствуешь, что сдѣланъ онъ Ски-тами. Греки называютъ его таФрос или таФри. О немъ упоминаешь и Константинъ Порфирородный: онъ говоритъ, что сдѣланъ сей ровъ для того, что-бы отдѣлать Крымъ отъ твердой земли, и проливомъ соединить восточную часть Чернаго моря съ западною; но скоро сей ровъ засынался, и покрылся густымъ лѣсомъ. Асандръ построилъ здѣсь каменную стѣну съ башнями, о чемъ подробно рассказываешь Сирабонъ. Въ XVI столѣтѣ

городокъ Орѣ сдѣлаея столицею Калги Крымскаго Хана, или можетъ быть временной столицей и самаго Хана, какъ повѣствуютъ истокнорыя Лѣтописцы Украинны.

Бѣлгородъ Татарскій или Турецкій, при Дивеирѣ на миломъ отъ моря, какъ пишеть Боллакъ (О. У. 33.) Онъ извѣщенъ былъ Римлянамъ подъ именемъ *Albas julias*, а Грекамъ подъ именемъ Маскарона. Жители онаго — гориты Кантемиръ — называють его Тжешане Альба (О. М. Гл. 4). На югъ отъ сего города находилсь жочевъ Буджацкихъ Татаръ; а въ самомъ городѣ, если вѣрять сказанію Лѣтописей Украинскихъ, всегда былъ расположенъ гарнизонъ Турецкій.

7.

Пища Козаковъ.

Жидкое пшесто не много проквашенное и сваренное, о которомъ упоминаеть нашъ Лѣтописецъ, какъ о главнѣйшемъ кушаньѣ Козаковъ, называлось Запорожцами саламатною или темерею. О немъ говоритъ и Бопланъ (О. У. 63.), прибавляя что Козаки ѣдятъ оное смѣшавъ съ просомъ; равно и Крюйсъ (О. У. 154). Впрочемъ главной т. е. самой обыкновенной и употребительнѣйшей яствой Запорожцевъ была каша, что доказываенся самымъ названіемъ ихнихъ поваровъ — кашеваровъ. Безъ всякаго сомнѣнія Запорожцы употребляли хлѣбъ, который для походовъ рѣзали въ сухари, о чемъ говоритъ и Бопланъ (О. У. 63). Кроме того они употребляли различнаго

рода мясо, любил рыбу. — Бопланъ очень часто упоминаетъ о привязанности тогдашнихъ Запорожцевъ къ пьянству и бражничеству, но опшима у нихъ впрочемъ воздержанности во время походовъ (О. У. 7).

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ кушаньи Козаковъ Запорожскихъ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ: щю—щюри—сшерный въ порошокъ сухарь, разведенный въ квасъ, и приправленный коноплянымъ масломъ и солюю. — Не упоминаю о другихъ кушаньяхъ, кои одинаково принадлежали Запорожцамъ и Украинцамъ.

8.

Курени. Землянки. Пологи.

Миллеръ — по свидетельству Байдыша-Каменскаго — называетъ куреней

производиль ошь слова: курить. Но что значиль курень у Запорожцевъ?

Всякому, бывшему въ Украинѣ, извѣстны курени, славимыя дымомъ на бакшахъ или баншаллахъ, иногда въ огородахъ и садахъ, иногда на живыхъ. Подобныя курени встрѣчаются и въ сѣверной Россіи. То-ли же самое были курени и у Запорожцевъ? Почему же не такъ! но крайней мѣрѣ тогда, когда Запорожцы жили еще въ Лугахъ. Нѣсколько жердей, соединенныхъ пирамидальной формой, оплеченныхъ довою, покрытыхъ сверху прослинкомъ или комынемъ, или какою нибудь болюшней шравой, — вошь курень, жилище какъ не лзя лучше соотноиснвующее образу жизни Луговаго Запорожца! Но почему же это жилище называлось куренемъ? Уже-ли ошь того, что въ нихъ раскладывался иногда огонь, для варенія яшвѣ? Какимъ другимъ дымомъ могло куриться подобное жилище? Разводиль въ немъ большой

огонь было кажется не долго: непрочное строение со временем, что находилось въ ономъ, могло бы очень легко обратиться въ пепелъ при малѣйшей пересторожности. Припомъ это строение на зиму не годилось: сохранить шедолу во внутренности оной было во все невозможно. — И такъ вѣрно Запорожскій курень былъ не со временемъ, что теперь называють куренемъ.

И Лепоткин и преданія говорятъ единогласно, что Запорожцы жили еще и въ землянкахъ. И доселѣ остались слѣды сихъ жилищъ во многихъ мѣстахъ. Судя по силѣ слѣдамъ землянки должны были быть что либѹдь подземное. Такъ точно и было.

Представляю себѣ яму, покрытую сверху солодомъ, засыпанную землей или чаще гашой, съ отверстіемъ по срединѣ, — и вы будете имѣть понятіе объ Украинскомъ дѣхѣ или погребѣ. То-же самое была и землянка Запорожская съ тою только разницей, что

на долѣ ямы была еще другая не большая яма, въ которой раскладывался огонь. Отверсiе въ сволокѣ служило дверью. Въ такомъ случаѣ приспавлялась разумѣется лѣшница. Это же отверсiе было и трубой для дыма. Такіа-шо жилища строили себѣ когда-то Запорожцы для зимы; и звали самыя землянки, вѣроятно, называли они и куренями, по той-же самой причинѣ, по которой поселяне въ сѣверной Россіи называютъ избы свои безъ трубъ курными. Да не шо-ли-же такое были и древніе Русскіе ямы? — По времени названіе куреней могло перейдти и къ лѣшнымъ жилищамъ Козаковъ.

Не могу представить на мою догадку доказательствъ фактуальныхъ; но мнѣ кажется, слова нашего Лѣшника нѣкоторымъ образомъ служить могутъ вмѣсто оныхъ. — Живутъ-же — говорятъ онъ — въ коливахъ, сіе есть куреняхъ по пятидесяти, по сто и бо-

лве. — Что другое, если не землянки разумѣнъ онъ здѣсь подъ именемъ куреней? Очень легко можно было выкопать землянку для 50, 100 и болѣе человекъ; какъ дѣйствительно и было, если вѣрнѣе народному преданію; но какъ пославши шалашъ для подобнаго количества?

Артель Запорожцевъ, зимовавшихъ въ одной землянкѣ, переходя жиши весной въ дѣшнихъ жилищахъ, спровадило сколько десятиковъ шалашей, комоны въ вѣснѣ назывались ино-же куренемъ, *in sensu copulativo*. Въ послѣдшій времени и каждый шалашъ начали называть куренемъ, но крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ перешло сіе слово къ Украинцамъ.

Итакъ, если догадка моя справедлива, Запорожскій курень былъ не совсемъ ино, чино разумѣютъ нынѣ подъ этимъ названіемъ, ибо подъ понятіемъ онаго разумѣлись: 1) землянка, — зимнее, подземное, курное жилище въ родѣ

Камчатскаго кишинна; 2) шалашъ, лѣтнее жильё; 3) собраніе шалашей, заселенныхъ артелью Козаковъ, управляемыхъ однимъ начальникомъ, о чемъ говоримъ и нашъ Лынонисецъ.

Бомлацъ во все не упоминаетъ ни о куреняхъ, ни о землянкахъ; а только говоритъ о какихъ-то пологахъ, кои будто-бы устраивали Козаки для предохраненія себя отъ мошекъ, комарей и т. п. Я нарочно спрашивалъ объ этомъ у ихъ, коимъ знакома древность Запорожская лучше, нежели мнѣ; нарочно рылся въ рукописяхъ, — но сколько ни спрашивалъ, сколько ни рылся, — nihil ad rem. Я осмался при томъ, что узналъ отъ Бомлаца (О. У. 84 — 85.), — и ни на волосъ больше. Но деволъ усумнился въ справедливости его словъ; при томъ Запорожцы едва-ли были такъ лѣжны, что-бы рѣшились шерстить скорѣе духомъ, нежели мошекъ и комарей. Я также имѣю честь бытъ знакомъ съ этими племенами края

Дивировскаго, и очень терпѣливо перенесу все ихъ манаденія, и всякій перенесенъ такъ-же. Впрочемъ, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе оныхъ едва-дось гораздо смирнѣе, чувствительнѣе и наконецъ починивельнѣе къ человѣчеству; ибо въ XVII столѣтіи оны были несравненно безчеловѣчнѣе, нежели теперь. — Опухоль лица моего — лицеиъ Болдана—едва она чрезъ прѣдиди, а въки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: спрашно было взглянуть на мои. — Еще одно замѣчаніе: самое усироеііе цологовъ ои-зывается по Запорожскимъ; оно сншн-комъ искусственно, сншнкомъ много-сложно, сншнкомъ заботливо для без-заботныхъ головъ Козацкихъ.

9.

*Устройство и распорядокъ войска
Запорожскаго до Стефана Баторія.*

— II одного-же старѣйшаго въ куренѣ имунѣ говоришь намъ Лышони-сецъ. Онъ разумѣешь Курениаго Ашамана.

Здѣсь кешати расказать хотя крапко объ обществѣннѣмъ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго до Баторія; но, не имѣя для шакаго описанія досшашочнаго количества песточниковъ, ограничиваюсь небольшою запискою, доставленною мнѣ однимъ изъ моихъ сотрудниковъ.

— Очень вѣроятно, что Запорожцы до начала XVI столѣтія, обитая среди непроходимыхъ Луговъ, дубравъ и степей, живучи одной добычей, ничѣмъ не разсшвовали отъ разбойниковъ и были другъ отъ друга незави-

сны. Одинаковый образ жизни, одинаковая цѣль, а часно и нужда во взаимной помощи могли заставивъ ихъ сближаться другъ съ другомъ; и такимъ образомъ соснавившись постепенно пришли ихъ, кои, обитая въ одномъ жилищѣ, получили онѣ онаго названіе куреней. Таковъ былъ первый шагъ Запорожцевъ къ образованію. Ознакомившись съ Запорожцами, Правительство Польское начало на нихъ обращать свое вниманіе, старалось подчинить ихъ власти Коронныхъ Генераловъ; — тогда свободная шайка Запорожцевъ мало по малу устроивалась, а наконецъ обратилась въ дружину воиновъ защитниковъ отчины своей онѣ набѣговъ Татаръ Крымскихъ и Буджацкихъ. Тогда построили онѣ себѣ на островѣ Хортицѣ городокъ, — думая въ родъ Сибирскихъ остроговъ — обнесли его рвомъ и валомъ, оградили вѣтъ высокими частуколомъ, — и называли городъ свой Свѣчу. Одно мѣсяно

для жилищъ, мѣсто укрѣпленное общими силами, показывается уже, что Запорожцы имѣли въ то время общаго начальника отъ коего зависѣли все начальники частные: то былъ Кошевой Атаманъ, имѣвшій власнѣ управленіе всею дружиною и своимъ согласіемъ утверждавшій власнѣ за новонабираемыми Куренными Атаманами. Какъ Кошевой такъ и Куренные избирались всемъ обществомъ на Радахъ — народныхъ собраніяхъ, кои были общія и частныя, точно также какъ у Римлянъ по трибамъ и куріямъ. Въ общихъ собраніяхъ всей дружины избираемы были Кошевые, рѣшалось все для общеспешнаго, кои конечно ограничивались набѣгами враговъ и местью своимъ. Въ собраніяхъ частныхъ, каждый курень избиралъ для себя Куреннаго, и пр. Сии собранія назывались Радами до Куреню; а шѣ — Радами до Громады. — Не думаю, что-бы Гепманъ Польскіе имѣли большую власнѣ надъ

дружиной; по имѣнн къ ней отношеніе только по дѣламъ войны. — Увеличеніе дружины Запорожцевъ, происходила помыщеніи въ Сѣчѣ заснавшими многихъ переселившихся изъ оной въ окрестности по берегамъ Днѣпра около пороговъ; однако такое переселеніе не мѣняло заведенному порядку: Коншые и Куренные имѣли прежнюю власнь; Радм все происходили въ Сѣчѣ, гдѣ оснадеа жизнь Коншовой съ мадою частію дружины. Все Запорожцы вели жизнь холосную, занимались только войной, жили добытою. Женатыхъ и хлѣбопашцевъ у нихъ не было до половины XVI столѣтія, а съ сего времени такого рода Колаци начали поселились по правому берегу Днѣпра отъ р. Суры вверхъ къ Кіеву, — и лѣвому отъ р. Самари; впрочемъ до Стефана Бандеріа ихъ было не много. И холосные и женатые повиновались вѣру-Грекороссійскую, говорили лѣзкомъ снгарымъ Русскимъ южнаго нарѣчія. и. в. Укра-

нскимъ, или, какъ называютъ, Маю-
россійскимъ.

10.

Рада.

Слово сіе принадлежитъ многимъ Славянскимъ языкамъ (на пр. Богем. Поль. Слов. Далм. Укр.) встрѣчается и въ памятникахъ старины Скандинавской, именно въ *Of — skald Ragni* стр. 94—132; и означается советъ Королевскій, состоящій изъ 12-ти мужей. Подобные советны двѣнадцати мужей, воеводы, были въ древности и между Славянами. См. Czackiego *Rozprawa o wpływie prawa etc.* и пр. 100 — 101. — *Naruszowicza His. Nar. Pol. I. Ks. IV.* — О Радахъ у Запорожцевъ упоминается и Бопланъ: онѣ ограничивали власны Гемановъ, по его свидѣтельству. (О. У. 61 — 62). — Рады собирались болышею частію въ Сечи на островѣ Хоринцѣ,

который лежить на Днѣпрѣ въ верстѣхъ ниже мыса Кичкасова. Башыныи-Каменскій ошибся, придвинувъ Хоринцу къ устью Днѣпра (И. М. Р. I. 127).—Въ послѣдствіи Рады собирались на Романовомъ курганѣ, если вѣрны Волдану (О. У, 17.), въ Чигринской дубровѣ, которая значится по картамъ Волдана на лѣвой сторонѣ Днѣпра не много по выше Чигрина, — въ самъ Чигринъ, въ Черкасахъ, и въ другихъ мѣстахъ.

11.

Слѣдъ.

Запорожская Сечь находилась на островѣ Хоринцѣ, и построена, по сказанію Башыныи-Каменскаго, до Евстафія Дашковича, а имѣла укрѣпленія, какъ говорятъ Дымовицы, Гешмакомъ Вишневецкимъ. И Карамзинъ упоминаетъ о какой-то крѣпости, построенной по его словамъ на островѣ

Хортиць помянутымъ Гетманомъ (И. Г. Р. VIII. 252). Должно-ли подѣ сею крѣпостію разумѣть Сѣчь или какое другое укрѣпленное мѣсто? Изъ его словъ объяснить этого не лзя. — Со времени Банорія появились и другія Сѣчи, какъ будетъ сказано ниже.

Слово Сѣчь — по мнѣнію Успенскаго — заимствовано отъ Нѣмецкаго слова Sitzen — сидѣніе (О. II, о д. Р. II. 739). Миллеръ и Богучъ производили оно отъ засѣкъ или шичинъ, коими укрѣпляли Запорожцы свои спадовища или Коши. (Подробнѣе см. И. М. Р. II. пр. 30).

12.

Наказанія.

Нашъ Лѣтописецъ упоминаетъ только о двухъ наказаніяхъ, бывшихъ въ употребленіи у Запорожцевъ: вистѣ-

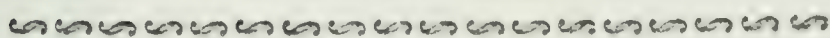
лицъ и съченіи кнутомъ; но кромѣ
сихъ были и другія.

Самое употребительное наказаніе
о которомъ упоминается Волчанъ (О.
У. 61.) за воровство было у нихъ
коль, будо преслушникъ претій разъ
бывалъ уличаемъ въ преслушеніи: два
первыя раза ему прощались. Подлѣ по-
саженнаго на коль, клали качалку, и.
с. дубнику, которою всякой проѣзжій
или прохожій долженъ былъ ударить
преслушника при раза: пѣхъ изъ нихъ,
кои не хотѣли исполнять сего, Запо-
рожскіе спраши принуждали, а если
не дѣйствовало принужденіе, то от-
водили къ Апаману Консерову; а иног-
да и сами убивали. — Впрочемъ по За-
порожскому обычаю можно было во-
ровать, только съ условіемъ, что-бъ
не пойманы въ дѣлѣ; и такого рода
искусство славилось въ достоинство.

Вышамъ, были кнутомъ и сажали
на коль обыкновенно около большихъ

проѣзжихъ дорогъ; большею частію по Крымскому шляху.

И доселѣ указываютъ на колодезь, находящійся по Крымской дорогѣ верс-
пахъ въ 15 къ Новомосковску. Подъ
сего колодца были посажены на коль-
пери брана Спорчан, которые огра-
били почту, ѣхавшую въ Крымъ къ
Генералу Прозоровскому отъ Екаше-
рины и Понемкина. За этокоторыя
пресупленія были кіями.

13.

Одежда.

Крюйсъ говоритъ, что Козаки
обыкновенно хорошо одѣваются, но
когда идутъ въ море, то наѣваются
на себя старыя вѣщани (О. У. 155).
Но только въ море — можно приба-
вить — но и вообще въ походъ. — Такъ
много дѣлавали они искони.

— Походная одежда ихъ — говоритъ Бонланъ — состояла изъ рубахи, двухъ шараваръ (одни для перемѣны); каштана изъ толстаго сукна и шапки. (О. У. 64). — Бонланъ забылъ о свинѣ, верхней одеждѣ Запорожцевъ, которая обыкновенно была съ кобенякомъ и. е. кониномъ.

Въ мирное время Запорожцы некогда одѣвались очень богато. Рубаха — или какъ они называли сорока — хопи и толстая, но съ шелковой снѣжкой, порты широкія въ родъ Азіатскихъ шараваръ и красные чоботы или сапоги — составляли нижнюю одежду. Сверхъ рубахи надевался каштанъ, который могъ быть шелковый, парчевый и суконный, и подпоясывался шелковымъ поясомъ — поясомъ широкимъ шелковымъ, пропиканнымъ на каждую четверть серебряными или золотыми линками. Поверхъ каштана набрасывалась свинья всегда суконная, съ разрывными рукавами, кои обыкновенно

застегивались другъ на другъ сзади на
спинѣ, и подкладывались подъ кобенигъ,
употреблявшійся въ случаѣ дожда или
пепогоды. На головѣ Запорожець по-
силъ бриль, оспрокопечную мѣховую
шляпу, или кобуръ — сукошную крас-
ную шанку съ бобровой опушкой. На
капшанѣ черезъ правое плечо на пере-
вязи вѣшался самоналъ (ружье), а за
поясомъ на цѣпкахъ два пистолета, и
обоюдооспрый ножъ вѣшено книжалъ.
Шаблюку (саблю) въ мирное время
носили рѣдко, — можешъ бытъ только
въ Радахъ. Тогда же надѣвали по верхъ
капшана и спальную шинку (сѣпку,
кольтугу). — Бороду всегда брили рав-
но и голову, оставляя подѣ лба длин-
ную прядь волосъ, въ родѣ косы, на-
зывая оную чуприной; — и эта чуприна
завивалась за лѣвое ухо три или чепы-
ре раза. — Ужасная обида была для
Запорожца взять его за чуприну: она
была для нихъ столько же священна, какъ
для древнихъ Русскихъ борода. Упо-

проблѣніе чуприны принадлежитъ по
однимъ Запорожцамъ, по и другимъ
Славянскимъ народамъ; такимъ обра-
зомъ его носили и Морлаки, или Мав-
ровлахи какъ называютъ ихъ Presbi-
ther Dickleas. см. Fortis, Voyage en Dal-
matie. Verne. 1786. I. Lettre II. — Соб-
ственно это обычай Татмарскій. И до
сей Магайцы и др. народы Татмарска-
го племени, носили чуприны, хотя и
несколько отличны отъ Запорожцевъ.

14.

Добыча. Клады. Скарбница.

Запорожцы были чрезвычайно бога-
ты, получая въ добычу несравненно бо-
льше нежели сколько могли издерживать
на свое продовольствіе. До войны Уні-
анской, добычу получали они только
отъ Турокъ и Татаръ, а часенію отъ
Молдаванъ; а послѣ грабиди Поляковъ.

Добыча ихъ состояла большею частію изъ военнаго оружія, парчей, драгоценныхъ тканей, и денегъ — Испанскихъ реаловъ и Арабскихъ цехиновъ — какъ говоритъ Бонланъ (О. У. 65). Кроме сего они часто охотились у Тамаръ шабуны и ошары, т. е. стада коней и овецъ; и брали въ плѣнь по большей частии дѣтей, которыхъ — повѣствуешь Бонланъ — употребляли въ услуженіе или дарили Магншамъ Польскимъ, по однимъ дѣтей; а взрослыхъ только въ такихъ случаяхъ когда надѣялись получить за нихъ дорогой выкупъ (О. У. 4 — 5).

Всю добычу военную, исключая того, что нужно было для собственнаго ихъ употребленія, Запорожцы старались мѣнять на деньги, и сіи деньги скрывали въ землѣ прозлую невзгодину, что называлось — клады или скарбы класни.

— Обычай сбереженія богатствъ въ ямахъ — говоритъ Раковецкій — до се-

го времени сохранился въ Малороссіи. Ямы сіи, выкопанныя въ землѣ имѣющъ малоо опивершеніе, и расширенны въ глубь на подобіе дѣла. Случается, что сіи ямы бывають обожжены дровами или соломой, что можно заключить по сажѣ и угольной скорлупѣ. Сохраненныя въ такихъ ямахъ богатства не подвержены гніенію. Это подтверждается многими опытами. (Рисун., Рус. II. 68. ргз. к.). — О подобныхъ ямахъ упоминаеть и Гваини въ своей Лѣтописи.

Легко можно быти, что Запорожцы въ подобныхъ ямахъ скрывали и парчи, и мѣха; впрочемъ на это жить доказательствъ.

Запорожцы клали клады свои подъ навѣшными примѣнами; на пр. между двухъ деревь, изъ коихъ на каждомъ вырѣзывали какой нибудь непримѣтный знакъ, или между двухъ могилъ, на которыхъ навѣшнымъ образомъ складывали камни, иногда клали просто

подъ камнемъ, и ии. п. Не смотря на то, что охотниковъ для ошмысканія кладовъ между Украинцами очень и очень много, не смотря на всѣ чары, кои употребляютъ они для сего, — имъ нельзя похвастаться удачею. Есть и такіе, кои употребили все свое состояніе въ надеждѣ на будущее, и между тѣмъ не нашли ничего. . . Въ нѣкихъ мѣстахъ, на пр. по берегамъ Дибра, и болѣе по правую сторону онаго около пороговъ весняная вода часто подмываетъ кладни, — и монеты, болѣе Турецкія, Испанскія и Польскія, сами собою являющіяся наружу для удовлетворенія жадности перваго узявшаго.

Кемати здѣсь припоминишь слова Боплана о Войсковой Скарбницѣ.

— Нѣсколько ниже рѣки Чершомника, почти на срединѣ Дибра, находится довольно большой островъ окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10,000 острововъ, которые . . . всѣ заросли камышемъ . . . Сии то . . .

оспирова служанъ прииномъ для Козаковъ, копоры называютъ ихъ Войсковой скарбицею... Всѣ они... погоняются весеннимъ полноводіемъ... Увѣряють, что Козаки скрываютъ множество пушекъ, въ проходахъ Войсковой Скарбицы; но гдѣ именно? — вѣстно изъ Подяковъ вамъ не укропѣтъ; ибо они въ швахъ мѣснахъ не бываютъ; они Козаковъ-же не могутъ вывѣдать сей тайны; да и въ швахъ не много и знаютъ о томъ. Они скрываютъ подъ водою, не только пушки, опби-ваемыя они Турковъ, но и деньги, ... Каждый Козакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвращаясь съ поисковъ... они дѣлаютъ въ Скарбицѣ добычу. . . —

Исключая несообразности, копоры вѣнрѣчаются въ семь указаній, замѣчательна и доврѣчивость, съ какою пересказалъ Бопланъ то въ чемъ его увѣрили. Но можно-ли повѣрить что бы коварные, вироленные Козаки—

какъ называся ихъ самъ Бопланъ —
распустили слухъ о мѣстѣ гдѣ скры-
ваютъ свои богатства. Если это из-
вѣстно было Боплану, то и многимъ
Полякамъ, и вѣчнымъ друзьямъ Подя-
ковъ Жидамъ . . , и Козаки были такъ
просны, такъ опкременны! — Въ пре-
даніи народномъ не сохранилось о Вой-
сковой Скарбинцѣ ничего. Народъ го-
горится: была. — А гдѣ? — Про те вои-
и знали. Богъ зна: де!

На правомъ берегу Днѣпра, вер-
сты полторы ниже Печасиненца, есть
балка, называемая Військова. Не знаю
сколько лѣтъ тому назадъ, нашли слу-
чайно на самой пѣчѣ ручейка огром-
ное количество червонцевъ . . . Волѣ
гдѣ можетъ быть была скарбинца. . .

Запорожцы скрывали еще свои бо-
гатства, по сказанію Боплана, въ Зам-
кѣ Терехнѣмировскомъ. (О. У, 14).
Вообще о кладахъ см. чрезвычайно лю-
бопытное и замѣчательное примѣчаніе
въ Ис. Рус. Нар. II. 282 — 283.

*Сказаніе Боплана о храбрости
Козаковъ.*

— Козаки — повѣснвуесть Бопланъ — въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры или лучше сказанъ дерзки, и мало дорожатъ своею жизнью. Мѣшко стрѣля изъ пицалей, обыкновеннаго своего оружія, Козаки наиболѣе показываютъ храбрость и проворство въ шаборѣ, огороженные пелѣгами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказать, чино-бъ были плохи и на морѣ; но не таковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 Польскихъ всадниковъ разсѣли 2000 отборныхъ Козаковъ..., (О. У. 8.)

Козаки были храбры въ шаборѣ, не храбры на коняхъ?! — Едва-ли кто, изъ знающихъ древность Запорожскую, даже изъ тѣхъ, кои знаютъ о Запо-

рожцахъ по слухамъ, [повѣривъ] аше-
му. — Не наше дѣло у рясѣ спариба-
ти: наше дѣло Козацьке конемъ ме-
риньцемъ по спену гуляши,—говорить
спариинная Запорожская пословица, по-
казывающая, что конь для Запорожца
былъ необходимостью. Въ одной пѣснѣ
Запорожской есть слѣдующее мѣсто:

— А кѣнь въ спешной волѣ, по шакъ
Козакъ не безъ доли. Куды хоче, шу-
ды й скаче; за Козакомъ не зацѣче.—

Новое доказательство. (Пѣсня сія
вполнѣ будетъ помѣщена въ № 7 За-
порожской Спаринны съ очеркомъ кар-
тины, на которой она обыкновенно
подписывается:)

Всякій знаетъ, что Козаки не иначе
оправлялись въ походъ какъ на коняхъ,
или на ладьяхъ; а пѣшихъ Козаковъ,
препровождаемыхъ паборомъ шелегъ,
едва-ли кто знаетъ кромѣ Бонлана.

До другаго мѣста оставляю по-
дробности равно и описаніе различнаго
рода ладій Запорожскихъ.

Подвиги Свирговскаго.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоришь о Гешманѣ Свирговскомъ Рогачевскій въ своей Лѣтописи. Башпынь-Каменскій называеишь его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблинскимъ, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжалъ Башпынь-Каменскій — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предвѣшника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Тавриды и Суданомъ (И. М. Р. I. 131).

Юанъ Армянинъ, Воевода Молдавскій въ 1575 г. просилъ у Шляховъ помощи противъ Волоховъ, Турокъ и Ташаръ, кои напали на Молдавію.

Поляки, занятые распрями междоцар-
спивіа, отказали въ помощи. Тогда Ио-
аннъ обратился къ Запорожцамъ и
Свирговскому, своему другу (И. Г. II.
II. 153). Просьба принята, и Свиргов-
скій съ 1400 Козаковъ двинулся въ
Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣпръ —
говоритъ Конисскій—онъ совершенно
разбилъ Турокъ около города Сороки
23 Апреля 1575 года, пленилъ главна-
го ихъ Пашу Кара Мусма-ту и дру-
гихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ
другими добычами въ Варшаву. Послѣ
сей победы Гейманъ раздѣлилъ войска
свои на двое, и одну часть подъ ко-
мандою Полковника Савы Ганжи на-
командировалъ къ Букаресту, а съ
другою пошелъ черезъ Яссы къ Гала-
цамъ. —

Сей рассказъ Конисскаго мнѣ ка-
жется нѣсколько сомнительнымъ, ибо
ничего подобнаго я не нашелъ ни въ
одной Лѣтописи изъ мнѣ извѣстныхъ,

хотя впрочемъ все онѣ повѣствуютъ
о Гешманѣ Свирговскомъ слишкомъ
кратко и неудовлетворительно.

Господарь Молдавскій Іоаннъ опи-
саннымъ образомъ принялъ и угостилъ
Козаковъ: выѣхавъ къ нимъ на встрѣ-
чу при громѣ пушекъ изъ лагеря и въ
сопровожденіи своихъ Бояръ; за обе-
деннымъ столомъ велѣвъ поднести
Предводителямъ ихъ, вмѣстѣ овощей,
блюда, наполненные червонцами, гово-
ря:—они доставили вамъ отдохновеніе
отъ пушковыхъ трудовъ, омоютъ до-
рожную пыль вамъ. — Козаки изумлен-
ные сею неожиданностію, гордо
опившесивовали Господарю: что при-
шли къ нему не за золотомъ, но за
славою, желая сразиться съ врагомъ
Христіанства; онъ оказалъ имъ денегъ,
съ радостію приняли шестъ бочекъ
лучшаго вина (И. М. Р. I. 134 — 135.
Срав. Енгель G. d. U. 72.)

— Между тѣмъ — продолженіе Ко-
несскій — Гешманъ послалъ нарочнаго

въ Сѣчь къ Кошевому Федору Покопиль, что-бы онъ выслать пѣхоту на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ не допуская высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣспрѣ. Кошевой выправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Они перехватили въ устьяхъ обонхъ рѣкъ и въ морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай многія крѣпости и жилища разорили и выжгли. —

О сихъ дѣйствіяхъ другія Лѣтописи говорятъ мимоходомъ, иныя вовсе умалчиваютъ.

Енгель пишетъ, что Свирговскій присоединилъ къ Козакамъ 6000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадой Браилова; однако хопя и побѣдилъ Турковъ близъ сего города, не его самого не взялъ. Потомъ соединившись съ другимъ трехтысячнымъ опрядомъ войска Молдавскаго въ другой разъ разбилъ Турковъ, и

положили 7000 враговъ убитыми на
поле брани. После ширшей битвы,
въ коюрую взяно было въ плѣнь
много Турковъ и Волоховъ, Козаки на-
правили пушъ къ Акерману, сожгли
половину предмѣстія сего города, и воз-
вратились въ Молдавію. На послѣдней
битвѣ взяли въ плѣнь Іоаннъ Армя-
нинъ, а Козаки почли всѣхъ насъ на мѣ-
стѣ битвы. (G. d. U. 73. — 74. Справ.
И. М. Р. I. 135 — 136. Кантемира;
Опис. Молд. 108).

Башиниъ-Каменскій, следуя Мил-
леру, говоритъ, что Свирговскій кон-
чилъ жизнь въ оковахъ; но едва ли спра-
ведливо, болѣе вѣроинія заслуживаетъ,
каменей, повѣшаніе Кошескаго,
подтверждаемое описаніи и зародными
преданіями. Вотъ оно:

— Подъ городомъ Киліей былъ Свир-
говскій преданельскій образъ из-
вѣщенъ оиъ Арминна, что въ городѣ
хранился несчетный сокровища, на-
грабленные Турками въ Молдавіи и

Валахін, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удалятся, что-бы они явились ихъ въ Турцію. Генманъ рѣшился осадить и взять Киію. Едва онъ началъ скоропоспѣжную атаку, какъ взорвавшіяся отъ Турковъ съ трехъ сторонъ мины, подняли Гешмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрыпныхъ мѣстахъ Турки, начали на нихъ перерѣзали многихъ Козаковъ; остальные разбѣжались, и долго скипалось по Молдавіи нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ ворочились въ свои границы. —

Другая Лѣтопись это-же самое обстоятельство рассказываетъ такъ:

— И приходили Гешману слухи, яко многіи Христіане въ плѣнъ Агарянами побраны въ шайцей поволи въ Киію мучашся; а Гешманъ за насилье опустошеніи восхопъ, и со многими брашнствомъ оружіе вновь подья, и до Ки-

ли пошедь. А Турки его разбили; и
бысть убитиъ.

Объ пѣсни на сѣхрѣ Свирговска-
го одинаковаго полагашу: погнѣ сего
славнаго Гешмана: около города, около
Кишин. Предсказанію Русскій переводъ
еихъ пѣсень (подлинныя см. въ No I.
Запор. Снар. свр. 27 — 33).

Пѣснь первая.

Когда приходили къ Гешману Ко-
миссары Польскіе, въ городъ Черкас-
сахъ запрубили трубы; когда прихо-
дили къ Гешману Комиссары Польскіе
въ городъ Черкассахъ загремѣли бубны.

— Гордый Панъ Свирговскій, и ты,
Панъ Зборовскій, и ты, Панъ Моро-
зенко, и ты, Панъ Горленко! Съ Во-
лохана бѣгнѣ Турокъ, съ Ташарами
бѣгнѣ Волохъ; и опустошаютъ зем-
лю Волошскую, и грабятъ, и не ми-
луютъ.

Заряжи копѣ, идучи подъ гору.
Зашумѣли цѣвѣры, приближалъ къ

Киѣи. И когда Панъ Свирговскій приближался къ Киѣи, онъ собиралъ всѣхъ Козаковъ, и говорилъ имъ на Радѣ; и лешалъ онъ сизымъ орломъ; и гулся онъ дворомъ :

— Гдѣ-шо я, милые бранья мои, гдѣ шо я останусь? —

И остался Панъ Свирговскій въ сырой могилѣ, и зарыдали тогда Козаки во кругъ него.

Плакала старушка Григорьевна, подобно перепелкѣ, подобно перенелкѣ; а молодая сесира сонъ-праву рвала и пыпала старушку, и пыпала старушку :

— Эшопъ сонъ-права сила-ль онъ Козацкая? Или эшопъ сонъ-права Козацкая могила?

— Эшопъ сонъ-права; моя голубочка, выросъ онъ въ полѣ, и сорвала праву ашу злая судьбина, и подарила моей дочери. О дочь, о дочь моя, дочь! Пересипанъ горюишься: нашего молодого

Ивана некаше въ могилѣ, въ глубокой
могилѣ, около города, около Кидии.

Когда прощался отецъ съ сыномъ;
онъ давалъ ему саблю и зброю; когда
сына провожала мать, она провожала
его слезами; она его выкоренила на свое
горе.

Пѣсня вторая.

Когда того Пана Ивана, чинъ Геш-
мана Свириговскаго пѣвничи пѣвѣрыме,
тогда отрубилъ ему голову. И слав-
или съ него голову, вѣшали ее на буи-
чукъ, и играли въ шрубы, и пѣсѣхад-
лись надъ нимъ. Тогда съ юга поплону-
лась туча, будно палешала еная во-
ройовъ; и разсыпала она по Украинѣ
туманы, и горевала Украина: горева-
ла Украина оплакивая своего Гешмана.

Тогда завывали буйные вѣтры: —
гдѣ-же вы оставили нашего Гешмана? —
Тогда палешали соколы: — гдѣ-же вы
шужили по нашему Гешману? — Тогда
за шумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоро-

нили нашего Гешмана? — Тогда взвились жаворонки: — гдѣ-же вы проспидались съ нашимъ Гешманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Кишин, на Турецкой линіи.

— Что значить выраженіе въ сей послѣдней ивѣстѣ: на Турецкой линіи? — Вѣроятно тамъ пролегла граница Турецкихъ владѣній. —

О происшествіяхъ по смерти Свирговскаго до 1576. см. II. М. Р. I. 137 — 138.

17.

Подвиги Богданка.

Кописскій о подвигахъ Гешмана Богданка говоритъ слѣдующее:

— Собравъ и дополнивъ потѣряныя Свирговскимъ войска, онъ отправился онъ въ

Крымъ, по повелѣнію Короля Басорія преслѣдованъ Крымскихъ Татаръ, нападавшихъ во время отсутствія Свирговскаго на границы Малороссійскія и наѣзжавшихъ шамошій народъ. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи 5000 пѣхоты въ лодкахъ подъ командою Войсковаго Асаула Иччалъ, приказавъ ему приеѣхать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Кафы, и заперыть шамошій гавани до его прибытія къ сему городамъ. При походѣ Гетмана въ Крымскія степи вслѣдствіе его полчища Татарскія, по онъ ихъ съ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое предвидѣвши, Гетманъ заблаговременно приготавился, и поворотя отъ Днѣпровскаго Димана до Орской или Перекопской линіи, атакованъ былъ между Книбуржскихъ Кучугуровъ и каменнаго Даріева мыса всеми Татарскими ордами подъ командою Хана Девлетъ-Гирей; большую часть пере-

билъ и перешелъ; потомъ переправившись черезъ Сиванъ или Тиллоо море вбродъ и вплавъ, и дошедши на той сторонѣ къ первымъ ворушамъ, опбилъ ихъ и впусшивъ всю армію, коюрая напавъ на городъ Орь взяла его штурмомъ, выбила весь гарнизонъ, все разорила и предала огню и мечу. Далѣе взялъ Гешманъ Кафу и жителей всѣхъ перерѣзалъ, исключая 500 душъ обоего пола Христіанъ, бывшихъ тамъ въ плѣну. А какъ поворошили войска обходящія горы Кафскія для нападенія на Бакчисарай и Козловъ, то при рѣкѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ Ханскіе посланники изъ знавшійшихъ мурзъ, кои поднесли Гешману дорогіе подарки просили ошъ имени Хана о заключеніи мира. Гешманъ согласился на миръ съ условіемъ, что-бы возвращены были всѣ пленные Русскіе, а до того что-бы въ залогъ даны были 18 мурзаковъ аманами. Все было исполнено, и Гешманъ, получивши при томъ 713 пави-

никовъ, возвратившись въ Малороссію съ великою добычею. Морскимъ войскамъ Геншманъ приказалъ посѣнить нѣ города Турецкіе, кои покунали у Ташаръ Русскихъ кѣвишниковъ, и войсками напавъ нечаянно на приморскіе города Синопъ и Трапезондъ и на многія мѣстечки предавъ ихъ огню и мечу, дошавъ у нихъ нѣсколько своихъ пѣвишниковъ и множеству добычи.

Во дни сего-жъ Короля Баторія, когда Турецкія силы безиреснанно напали на Христіанство вверхъ по рѣкѣ Дунаю живущее, и оны ихъ Государей и Князей прошено у Короля помощи, но оны приказавъ Геншману Богдану сдѣланъ съ войсками Малороссійскими сильную диверсію въ Турецкія земли, отдаленныя оны Польскихъ границъ и ошвесивъ ихъ силы оны соседствующиыхъ съ Польшею Христіанъ. Геншманъ прежде выправилъ въ Черное море Запорожскаго Асаула Печая съ шрема шмелтами Запорожцевъ на ихъ

лодкахъ, а потомъ отправился и самъ со вѣсьмъ Малороссійскимъ войскомъ въ Крымскія степи, а перешедъ ихъ въ виду Орской линіи и Ташаръ, ни мало походу ихъ не мѣшавшихъ, перешелъ черезъ Донъ съ помощію Донскихъ Козаковъ, а послѣ черезъ Кубань, и потомъ началъ военныя дѣйствія, все предавалъ огню и мечу. Жители спасались однимъ бѣгствомъ: а Флотилія по берегамъ производила также опустошенія. Проходя всю Анапоскую по-сѣпиль Генуэзскія главныя тамошнія города, Синопъ и Трапезонду не дѣлая къ крѣпостямъ ихъ приспущень за немѣнѣемъ парочной артиллеріи, выжегъ одинъ ихъ фортшадны, и достигнувъ предмѣстій Цареградскихъ, принудилъ удивленныхъ Турковъ спасаться бѣгствомъ на судахъ въ Цареградъ. Войска Малороссійскіе выжгли и разграбили предмѣстія, отступили къ Черному морю, и на проливѣ переправлясь на судахъ Запорожскихъ, лодкахъ

и другихъ судахъ у Турецкихъ береговъ забранныхъ всунули въ Болгарію, увѣривши жишелей, что они прошивъ ихъ не предпримуть неприятельскихъ дѣйствій. Болгары провожали Козаковъ до Дуная и оказывали все возможное пособіе. Гешманъ, переправившись черезъ Дунай между Варкою и Спанспріею, всунуль въ Молдавію и поравнявшись съ городомъ Киліей, нанять на него быстро на разсвѣтъ и взявъ прищупомъ, приказать вырѣзатьъ всехъ Турковъ и Армянъ, и разграбивъ городъ выкочъ въ ономъ за смерть Смирговскаго и Козаковъ. За симъ Гешманъ возвратился въ свои границы со славой и добычей. —

Всѣ прочія Лѣтописцы очень кратко описываютъ военныя дѣйствія Гешмана Богданка, — столько-же кратко ихъ описываетъ и Баншистъ-Каменскій (И. М. Р. I. 138), придавая оному достоинство Князя Ровинскаго, въ чемъ противорѣчитъ Лѣтописецъ. —

Если вѣришь Запорожской думѣ,
которой переводъ см. въ Замѣчаніи 18,
то Богданко погибъ въ бившѣ съ Та-
тарами.

18.

Дума о Богданкѣ въ переводѣ.

Всѣ Лѣтописи единогласно гово-
рятъ что Баторій пожаловалъ Геш-
ману войска Запорожскаго хоругвь,
бунчукъ и булаву. По сему случаю
какой-то Бандурисень, составилъ Ду-
му, чрезвычайно любопытную. (Под-
линникъ помещенъ въ No I, Запорож-
ской Спарины стр. 77 — 82). Здѣсь
представляю Русскій переводъ.

— То не буйный вѣтеръ востъ, за-
ываетъ по снѣгамъ, то Ташар-
скій Ханъ насмываетъ на Украину свое
войско, что-бы оно грабило и разоря-

до нашу мать родную — невинную
Украину, — что-бы оно брало въ плѣнь
и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше иму-
щество, что-бы оно загнаило въ свои
улусы и коней и овецъ и все наши
синада, данными намъ Богомъ, что-бы
оно разбивало и разорило курени Ко-
зацкіе. Ишь. То удалый Богданко
всѣхъ Козаковъ созываетъ въ грома-
ду — всѣхъ Козаковъ: и чиновныхъ и
просныхъ, и сосѣдей, и подсосѣдей, и
Хорунжихъ, и прочихъ старшинъ —
храбрыхъ Сотниковъ и Полковниковъ.
Онъ созываетъ и скликаетъ ихъ
всѣхъ вмѣстѣ, и собираетъ въ громаду;
и самъ выходитъ среди ихъ, блеснувши
мечемъ своимъ; при разѣ кланяется въ
землю Святымъ мѣсяцамъ, попомъ кла-
деши по одному поклону на каждую
спрашу свѣта, еще одинъ поклонъ Ко-
закамъ, и еще одинъ поклонъ Сот-
никамъ и Полковникамъ; и молился
Богу, и шакъ говоритъ, обращаясь къ
Козакамъ, ко всей грамадѣ:

— То не буйный въперъ воешь, завываешь по степямъ, ты не Ташарскій Ханъ посылаешь на Украину свое войско, что-бы оно грабило и разоряло нашу мать родную — невинную Украину, что-бы оно брало въ плѣнь и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше имущество, что бы оно загнано въ свои улусы и коней, и овецъ, и все наши стада, данныя намъ Богомъ, что бы оно разбивало и разоряло курени Козацкіе. То Король Польскій намъ и вамъ высылаешь подарокъ; онъ даритъ великій даръ, и насъ и васъ почитая и уважая. Онъ хочетъ, что-бы вы, брашцы, храбрые Козаки поваришцы, молили Бога за него, Короля Польскаго, и служили бы ему вѣрой и правдой какъ Богу, который живеніе высоко въ небѣ, не обижали-бы Поляковъ, а жили бы съ ними какъ съ родными братьями, нападали бы на Москалей, сражались и побѣждали Ташаръ; — и за это вашему Гешману; удалому Богданку, а

съ нимъ и вамъ дарить онъ великій даръ, и тоны великій подарокъ-даръ: золотая булава, серебрянная хоругвь и бундукъ съ жеребца. Но Король Польши нищенъ еще, принимаеши: — Пусть-же твои Козаки товарищи служать мнѣ вѣрой и правдой, какъ яному Богу, которъ живеть высоко въ небѣ! Если-жъ не будутъ они служить мнѣ вѣрой и правдой, тогда я подарю имъ другой подарокъ: я ихъ порадою болезнью, болезнью тяжкой, нестерпимой. —

И услышали это Козаки, и такъ молвили своему Генману:

— Такъ вѣнъ намъ Король Польскій дарить великій подарокъ-даръ; а если не будемъ служить ему вѣрой и правдой то порадуешь онъ насъ какимъ-то подугомъ. Какимъ-жъ бы то подугомъ? Не свободой-ли? О, если-бъ намъ подугомъ, чинъ свободой, — то намъ всемъ Козакамъ товарищамъ и не нужно было бы иныхъ даровъ. Тогда служилъ-

А
бы мы, Королю Польскому вѣрой и правдой, какъ Богу, конорый живешь высоко въ небѣ, и не обижали-бы Поляковъ, и жили-бы съ ними, будно съ родными братьями, и нападали на Москалей, сражались и съ Татарамн, и во вѣки-бы вѣчные не зломъ а добромъ и мошннвой какъ Богу ондавали-бы почитеніе великому Господишу своему Королю Польскому. —

Вошъ чшо говорили Козаки, и сказавши смолкли. Тогда Гейманъ удалый Богданко подходитъ съ просьбою къ своему Секретарю, Оомъ Безродному, и къ Ашаманамъ Курешнымъ; и одного за другимъ прилежно выышываешъ, исповѣдуешъ; и представляешъ имъ и шо и другое; и обѣщаетъ Козакамъ походъ на Турковъ, и великую добычу въ шомъ великомъ походѣ.

— Тамъ — говоритъ онъ — земля полна золотомъ и серебромъ; и горы подъ самое небо. Тамъ течетъ великая рѣка — море; и чшо въ ней ни ключъ, шо

съ водою бѣлишь несокъ, а по несоку плаваютъ водонная рыбка, и на каждой рыбкѣ лежатъ красныя карминныя яблоки (*), а другіа желныя бѣгутъ за рыбкой. —

Если такъ, то и такъ. II расходившесь Козаки съ громады, и радовались; и въ походъ вышлудили, рубили и грабили Турковъ. Но шумѣе подѣ горою въ ноль, подѣ гуснымъ рачинишникомъ нангли Генмана своего — убившаго. Они выполали тогда глубокую могилу, и въ могилу насыпали курганъ, и осенивали подѣ могилы коня Турецкаго Генмановскаго. То опиравали они Генману погребеніе. Здѣсь ему и на вѣки лежатъ. Собравши добычу, они возвратились въ свою родину, молились Богу, дѣлались богачеишвами,

(*) Яблоки Карминныя — вишневыя, таковыя любимыя турецкимъ родѣ яблокъ, называющійся, кажется, сездѣ по Украинѣ.

Они дѣлились богатствами, — а мы подѣлимся чарой. —

Хоругвь, данная Симеѳаномъ Банпо-
поріємъ войску Запорожскому, изобра-
жала на своемъ планѣ гербъ бѣлаго
Орла. (И. М. Р. I. 139).

Булава — палица полая серебрян-
ная позолоченная съ шаромъ на верху
также полымъ, и украшеннымъ драго-
цѣйными каменьями. См. изображеніе
оной въ разныхъ формахъ на поршре-
пахъ Геншановъ Запорожскаго войска,
приложенныхъ къ И. М. Р.

Бунчукъ — пестрь, украшенный
сверху золотымъ шарикомъ, около ко-
его прикрѣпляется небольшое знамя и
конскій хвостъ, иногда два хвоста,
иногда и болѣе. Сей знакъ несконн упо-
реблялся Турками, и оныи нхъ пе-
решелъ къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ относился ко временамъ Абубекра, наследника Мугамедова. Пронгравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ основатель былъ войсками, кои разбѣжались во все стороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ среденно соединить ихъ: взявъ длинный шестъ, и, повѣсивъ въ рукахъ ничего такого, что-бы могло издали подать знакъ, опрубить у коня своего хвостъ; попомъ привязать его къ концу шеста, и начать махать во все стороны. Войска, увидя знакъ созыва, сбѣжались къ предводителю своему, и соединенными силами разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, т. е. конскій хвостъ, сдѣлался почетнымъ знаменемъ Мугамеданскаго войска (Изв. о Тур. Имп. 139 — 140).

Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанъ Баторіѣ.

— Стефанъ Баторій, обязанный престоломъ Польскимъ благопріиному спешенію обстоятельствъ, болѣе другихъ долженъ былъ чувствовать нужду въ преданности и помощи войска Запорожскаго; и поному обратилъ на оное особенное вниманіе, сдѣланіемъ коего было усиліе политическаго и гражданскаго ихъ соснава. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ какъ для Украины такъ и для Польши правъ, дарованныхъ Баторіемъ войску Запорожскому было позволеніе расселяться оному вдоль по берегамъ Днѣпра до самаго Кіева. Запорожцы не замѣдлили воспользоваться симъ правомъ, — и вскорѣ Украина раздѣлилась между ними на десять полковъ, кои были: Чин-

гривскій, Корсувскій, Черкасскій, Уманьскій, Лодыжинскій, Богуславскій, Кіевскій, Полтавскій, Миргородскій и Переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на Сотни, а Сотни на Курени. Каждый полкъ имѣлъ главный свой городъ, въ коемъ жилъ Полковникъ; каждая Сотня — свое мѣстечко; каждый Курень — свои слободы или хутора. Такимъ образомъ войско Запорожское, бывшее до того времени ванагою вольниковъ, вѣчно скипающихъ, связанныхъ съ Украиной только происхожденіемъ и вѣрой, имѣвшихъ къ оной отношенія часто гибельныя для нее, преобразовалось въ Земское войско Украины, связалось съ оною крѣпкимъ узломъ сообщенія и братства, доплатъ бывшаго въ забвеніи, въ пренебреженіи съ обѣихъ сторонъ. ... Но что могъ имѣть въ виду Ваторій, рѣшась на такое посяганіе? Уже-ли онъ имѣлъ въ умѣ своемъ смѣлую мечту — ограничить онымъ силу Запорожцевъ.

Уже-ли могъ думатьъ, что Запорожцы, расселившись между Украинцами, исчезнутъ въ числѣ сихъ послѣднихъ, сольются съ ними въ одно братство; — и распянувши свои жилища на пропаченіи какихъ нибудь пяти сошъ верстъ, потеряютъ единство духа и образа правовъ, а наконецъ и независимость? . . . И между тѣмъ расселивши Запорожцевъ по Украинѣ, онъ не предпринялъ никакихъ мѣръ противу ихъ самобытности; а напротивъ много какъ будто старался укрѣпить, упрочить оную. . . Бапорій даровалъ войску Запорожскому Гешмана и прочихъ старшинъ: Войсковыхъ, Полковыхъ и Сотенныхъ, подчинилъ оное Судамъ Повѣстовымъ только по Земскимъ дѣламъ, а по всему прочему оставилъ ихъ подъ вѣдомствомъ Войсковой Канцеляріи, въ которой подъ председательствомъ Гешмана заседали: Обозный (начальникъ пушкарей или артиллеристовъ войска Запорожскаго) какъ

старшій членъ, Судья Генеральный, Подсудокъ, Инсаръ (Секретарь), Асауль (начальникъ конницы и пѣхоты), Хорунжій (хранилель войсковой Хоругви), Бунчуковый (хранилель Генштабскаго бунчука). Оны Войсковой Канцеляріи завѣдали Суды полковые, а оныихъ Суды Сошенимо. Въ силѣ судахъ засѣдали Старшими ихъ-же названій и должностей, какъ и въ Войсковой Канцеляріи; въ первыхъ предсѣдательствовали Полковники, а въ послѣднихъ Сошеники. Всѣ Старшими войска Запорожскаго были избираемы по большинству голосовъ самими Козаками на Радахъ. Башоріемъ-же пожалованы Генштабамъ Запорожскимъ клейноды, лвно высказывающіе погдашнюю самобытность войска (см. З. 18), и почанъ Войсковая. Кромѣ сего Башорій поспроилъ въ свое имя городъ Башурицъ — столицу для Генштабовъ и Генеральныхъ старшинъ войска Запорожскаго; и подарилъ укрѣпленный замокъ

Терехтемировъ. Запорожская Сечь осталась главною крѣпостію Козаковъ, коей Комендантъ былъ Кошевой Аптаманъ, также избираемый на Радахъ: подъ начальствомъ его была морская сила войска Запорожскаго. Банорій привелъ въ хорошее состояніе Артилерію Запорожскую, снабдилъ войско ружьями, штыками и бердышами, ввелъ въ употребленіе кольчуги. Одно только поспановденіе Банорія, казалось, было противу независимости войска: онъ отдѣлялъ выборныхъ или реесерновъ Козаковъ отъ охочекомонныхъ. Только первые числомъ до 6000, были на дѣйствиельной службѣ, во всегдашней готовности къ походу или, правильнѣе выражаясь, во всегдашнихъ походахъ. Козаки-же охочекомонные составляли внутреннюю силу въ Украинѣ, жили отдѣльными поселеніями, и были въ мирное время прослыми поселянами; были воинами не по образу жизни, а по правамъ. О сихъ-то охоч-

учекомонныхъ Козакахъ говорить Бо-
ицанъ, что они искусны во всехъ ре-
меслахъ, необходимыхъ для общежитія,
занимающагося земледѣліемъ и пр. (О. У.
5 — 6). Впрочемъ сии Козаки были свя-
заны съ выборными цѣнью неразрыв-
ною: ими пополнялась убыль сихъ по-
слѣднихъ; а это подавало часто поводъ
къ всеобщимъ ополченіямъ всего вой-
ска, ополченіямъ, оказавшимся для Поль-
ши снова гибельными въ послѣдующее
время. При Боицанъ всехъ Козаковъ
считалось уже до 120,000, а во время
возстанія, по словамъ его снова подъ-
нявъ бунна около 200,000. Не лзя
оспаивать безъ замѣчанія того, что
со времени Ванорія или немного преж-
де, Козаки, привыкшіе дошоль вести
жизнь холосную, почти совсѣмъ бро-
сли сей обычай,—и одни только Рес-
спровые Козаки должны были сохра-
нять оный ненарушимо; сохранили
его и пѣконорые изъ охочекомонныхъ
Козаковъ, именно жившіе землянками

въ лѣсахъ по лѣвому берегу Днѣпра около пороговъ, бывшихъ подъ зависимоію Кошеваго, и называвшихся Гайдомаками. — Ошмѣненіе обычая весели жизнь холостую, имѣло важное вліяніе не только на Запорожцевъ; но и на всю Украину; ибо слѣдствіемъ онаго было рожденіе полчищескаго могущества Запорожскаго войска, и гражданскаго благоденствія Украины, освободившейся съ того времени отъ наскъ бродниковъ, появлявшихся доподъ многочисленными толпами въ пѣдрахъ ея подъ именемъ Запорожцевъ, и своей пунейдой, разбойнической жизни безпрестанно возмущавшихъ ея спокойствіе, наносившихъ жестокой вредъ ея промышленности; поселявшихъ въ оной мянежи и междоусобія. Если Башорій и не первый содѣйствовавъ къ ошмѣненію поманиаго обычая, то по крайней мѣрѣ употреблять къ тому дѣлательныя мѣры, и положить

твердое начало соединенію Украинцевъ съ Запорожцами союзомъ родства. —

Усправная войско Запорожское, Стефанъ Банпорій не забываетъ и Украини (См. въ И. М. Р. I. Гл. X).

Все послановленія Банорія касавшело войска Запорожскаго и Украини выражають его желаніе усилити, оцасилити, возвеличити спрану сію; но предполагать ли сей Великій Государь, какія послѣдствія для Польши производуть онѣ? Предполагать-ли, что онѣ предуготовяють для Поляковъ спольшій войны съ Запорожцами, и понѣтъ рѣшишольный ударъ, который предоснавлено было Богдану Хмельницкому нанесши народу сему, ударъ, развѣкнѣй узетъ судьбы и Украини и Польши? Банорій былъ Великій Государь, но ни онѣ былъ великъ шолько въ настоящемъ, ни, будучи родомъ не Полякъ, имѣлъ въ виду одно своевременное благоденіе Государства Польскаго, и не хотѣлъ думать о бу-

дущемъ. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, если Баторій наконецъ и созналъ ошибку въ усиліи войска Запорожскаго и Украины, то уже слишкомъ поздно: напрасны были-бы усилія снискать Запорожцевъ, ослабить силу ихъ, и тѣмъ менѣе поколебать ихъ независимости. Всякое распоряженіе въ противности предшествовавшимъ, готово было бытъ починаемо приниженіемъ; всякое приниженіе подастъ поводъ къ общенародному возстанію. Народъ удерживался въ покорности только до времени, только подъ могучимъ вліяніемъ Великаго Баторія, умѣвшаго поконить и содержать въ покорности многоразличныхъ подданныхъ своихъ. Народъ удерживался въ покорности; но какова была сія покорность? Видимая, наружная, принужденная, носившая въ себѣ зародышъ возмущеній. Народъ покоренъ былъ Баторію только изъ признательности къ нему: онъ не могъ не видѣть бла-

годѣній, рассыпавшихъ ему щедрою
рукой своего Зиндичеля. И между
тѣмъ даже при Баноріи бывали при-
чины для возмущеній народа Укра-
инскаго. Конечно не правительствомъ
принесли его: подати были незначи-
тельны, а Запорожцы сослужившіе на
дѣйствительной службѣ получали и жа-
лованье; но за то были частыя при-
нужденія, кои крестіане перенесли отъ
господъ своихъ, ихъ опшукниковъ, и
болѣе всего отъ безчисленна Жидовъ,
кои старались завладѣть на Украинѣ
всеми опшасными промышленностями, и
конорыхъ никакая власть не могла-бы
въ то время удерживать въ границахъ
закопныхъ; наконецъ не дѣлая не замѣ-
тливъ отношенія, въ какомъ находил-
ся тогда простой народъ къ Дворян-
ству, которое было отъ него удалено
не одними правами, но часто и вѣрой,
а всего чаще мнѣніями подлинными.
Сии послѣдніи, будучи конечно распро-
странены по Украинѣ Запорожцами,

во многихъ отношеніяхъ отличался
отъ мѣстнѣй Двора Польскаго, а самъ
послѣднимъ Дворянство Украинское
слѣдовало очень часто и по охотѣ, и по
выгодамъ, кон въ этомъ находило. —

20.

Иванъ Подкова.

Большая часть Лѣтописцевъ Украинскихъ называютъ Подкову Гейманомъ; напрошивъ того Енгель, Бантышъ-Каменскій и другіе именуютъ его просто Козакомъ, рассказывая впрочемъ о дѣйствіяхъ его одинаково съ Лѣтописцами, исключая конечно Лѣтописца Колинскаго, которая почти всегда разнилась отъ другихъ. Думаю, что Подкова былъ не Гейманъ и не простой Козакъ, а Ашаманъ Кошевой или Куренной. Ашаманомъ называютъ его и нашъ Лѣтописецъ, если вѣрныя цѣко-

торымъ спискамъ; ибо въ другихъ сло-
 во Ашаманъ пропущено. Самыя луч-
 шимъ доказательствомъ могутъ слу-
 жить пѣсни и дума о немъ, помещен-
 ныя въ No I Запорожской Спарины.
 Но гдѣ же пѣнь или дума? —
 спросить читатель. Тамъ нѣтъ ни
 пѣсни ни думы о Подковѣ. — Догадка,
 Мм. Гр! Вамъ представляю оспаривать
 оную—или согласиться. Можетъ быть,
 моя догадка будетъ такъ основана,
 что оправдается и новыми доказатель-
 ствами изъ Летописей Молдавскихъ,
 если сія книжка попадетъ въ руки
 тѣхъ, коимъ снѣ Летописей извѣстны
 лучше вещи мои, и если они удосто-
 вятъ оную вниманію своего. — Въ No I
 Запорожской Спарины есть двѣ пѣсни
 и одна дума о Сериягѣ (сир. 35—36 и
 82—86): много Сериягу я почитаю
 однимъ лицомъ съ Подковою, а поче-
 му? — пошлакъ объясню. Прочтемъ
 прежде переводъ пѣсень и думы.

Піснь перва.

Въ городѣ Львовѣ зашумѣли вербы.
Козакъ бурлакъ лежннѣ убишый. Тонѣ
мершвецъ — Серняга.

Въ городѣ Львовѣ зазвонили въ ко-
локола. Козакъ бурлакъ лежннѣ уби-
шый. Совершають погребеніе.

А въ городѣ Каневѣ зарыдали, ког-
да медленно опустили Сернягу въ мо-
гилу.

Опустили Сернягу, и засыпали зем-
лею, и совершали по немъ поминовеніе
во всей Украинѣ.

Піснь вторая.

Увы, що сила, сила, сила одолѣла
силу. Могила дождалась во Львовѣ
Сернягу.

Дождалась могила, какъ желали
Молдаване. Они привизывали Сернягу
къ сухому дубу.

Молдаване, Молдаване! для чего-же
призывали вы его? для чего измѣнили
Козакамъ Запорожцамъ?

Вы изменили своему Господарю. —
Гешману Сернягъ не худо было и дома.

Помниайше-же зломъ своего Гос-
подаря. Пусень онъ и добрый, пусть
онъ и злой, — что вамъ до иного?

Пусень онъ и добрый, пусень онъ и
злой, лишь бы не былъ онъ подлы.
Что-же? Привязывайше Сернягу къ
сухому суку.

Что Серняга, то Серняга имѣешь
брана Жаха и онъ своего брана Жа-
ха ожидаетъ поминовенья.

Дума.

По Черному глубокому морю, по
широкому, далекому Дукаю выходящъ,
высунулаесть злая буря. Она ведетъ
Козаковъ въ землю чуждую. А съ юга
вѣетъ и завываесть буйный вѣтеръ; и
по Черному морю встаетъ перелом-
ная волна; и по Черному морю лаетъ
и сплетаетъ она сврымъ волкомъ.

И собрались шоварищи Козаки, все
храбрые Запорожцы думаютъ, гадаютъ о

шой бурѣ, подъ надъ синимъ моремъ Дунаемъ ожидашь тихой погоды.

И ждали они одну часъ, и ждали другой; но злая буря поднималась все болѣе, ни мало не утихая по Черному глубокому морю, по широкому и далекому Дунаю; но все злѣе гремѣла громомъ по небу, и блеснѣла молніей межъ тучами. Тогда Ашаманъ Иванъ Серпяга Козаковъ поварищей подзываетъ къ себѣ, и такъ молвитъ Козакамъ поварищамъ:

— О, Папы, родные братья мои, храбрые поварищи мои, Козаки Занорожцы. Ни когда не было ни слухомъ слышно, ни видомъ видано, чпо-бы такая злая буря напала на Козаковъ съ такою силою, чпо-бы гремѣла такимъ громомъ, и блеснѣла такой молніей, и чпо-бы вы, Папы, Козаки поварищи, такъ долго стояли, ожидая тихой погоды у моря Дуная. —

И услышали это Козаки, и молчали. — Когда-же было, чпо-бъ мы пу-

гались бусурмановъ? Когда-же было, чшо-бы мы скрывались оны ихъ? А нынѣ, если-бъ хощь бусурмановъ, — мы устранились бури; ушли ожидая тихой погоды, кляня злую недобрую бурю. —

И услышали, что Козаки, и молчали, и много, много разсуждали, но молча, глядя одинъ на другаго, — и выслушали въ походъ!

И вошь идущь они день не день, и не два, и не три, и не чешыре дня; а злая недобрая буря начала быспроспихать на Черномъ морѣ, на далекомъ Дунаѣ, и переложная волна убѣгала въ свои гробы, въ пронаси подводныя. Тогда Козаки молились Богу кляни по три поклона, и ондыхали. И пономъ все Козаки выслушали въ походъ съ храбрымъ Геншаномъ своимъ Иваномъ Сернягой, и шажко разбивали невѣрныхъ, думали и гадали; и заключали миръ съ Салпаномъ невѣрныхъ около города Акермана, и ошобрали у него все иму-

щество его, и Татарь — свекольниковъ разбивали и грабили. И возвратились домой тихою погодою, со славною добычей.

Мои доказательства, что Серпяга есть то-же что Подкова суть:

1. Подкова былъ выбранъ на Государство Молдавское, и низверженъ съ оного. То же самое говорится и о Серпягѣ во 2-й пѣснѣ.

2. Подкова былъ убитъ во Львовѣ. Тоже самое сказано и о Серпягѣ въ обѣихъ пѣсняхъ.

3. Подкову похоронили въ Каневѣ. Тамъ же хоронили и Серпягу, какъ сказано въ первой пѣснѣ.

4. Подкова имѣлъ товарищемъ своимъ Гетмана Шаха. Во второй пѣснѣ о Серпягѣ говорится, что у него есть братъ ш. е. товарищъ — Жакъ. Жакъ и Шахъ не одно-ли и то-же? Можеть

быть, даже правильное писаніе Жяхъ нежели Шахъ (*).

Чино Подкова или Серпяга былъ Аптаманъ, но это подтверждаютъ и пѣсни и думы. Только во второй пѣснѣ онъ названъ Генманомъ, но это можетъ быть по ошибкѣ. —

О происшествіяхъ, рассказанныхъ въ думѣ, Лынописи умалчиваютъ.

О Генманѣ Подковѣ см. Engel's Gesch. der Mold. § 39. 40. 41. Мем. М. Р. 140 — 142.

Львовъ — основанъ Данииломъ не задолго до его кончины, какъ говоритъ Лынописецъ Длугошева, въ 1266 году. Наслѣдникъ его Левъ сдѣлалъ Львовъ столицею Княженія. Въ 1317 году Львовъ взяли Казимиромъ Великимъ, Королемъ Польскимъ, а въ 1356 году

(*) Жяхъ — слово Украинское, означаетъ страхъ. — Жяхать — пугать. Жяхаться — пугаться, страшиться.

даны ему были права Магдебургскія. Во время-же Казимира Великаго Штемецкіе поселенцы сего города называли его Лембергомъ. См. Рат. Lvow. 1816. Но 1. и 2. — Въ Львовѣ очень много изъ Запорожскихъ старинныхъ преданій были смерши оль Поляковъ.

Каневъ — съ весьма древнимъ замкомъ, какъ рассказываетъ Бонланъ; въ немъ Козаки имѣли постоянный гарнизонъ изъ одного полка. (О. У, 14). — Въ Каневѣ очень часто современи Баторія собирались Козацкія Рады, о чемъ говоритъ Шафонскій въ своихъ Запискахъ о Малороссіи.

Начало

С К Л А З А Н І Я

о Гетманахъ Запорожскихъ.

§ 8.

Малороссія сирѣчь Украина принадлежала издавна землѣ Русской, а въ четырнадцатомъ вѣкѣ завладѣна Литовцами; Казимиръ Король Польши приписалъ оную къ своему владѣнію: и Кіевъ упрости въ Воеводство, и Воеводою первымъ былъ Маршаль Ганшольдъ. Прочіе города и села заняты въ партикулярное владѣніе Польскими Панами. Въ Запорожьѣ основались Козаки и управлялися спсани Гетманами.

§ 2.

Первый былъ Гешманъ войскъ Запорожскихъ Предславъ Данскронскій, фамили Сенаторской. Сей съ Козаками землю Турецкую воевать, и Панчу ихъ Абдалу Оливерца при селеніи Турьевскомъ убилъ. Гешманомъ сей Данскронскій при Сигизмундѣ І-мъ; и были въ тоо время дарованы Запорожцамъ вольности и права, и выше пороговъ селилися имъ позволено стало. Но Данскронскаго, хотѣвшаго въ обласнь Польскую съ Козаками оидати, голову отсѣчено и безчино погребено.

§ 3.

А на мѣсто его поставленъ Димитрій Князь Вишневецкій; але правилъ Козаками на мало.

§ 4.

А послѣ Гешманъ Князь Ружинскій Евстафій, мужъ великаго ума и храбрости. На Ташарву по разъ нападалъ и разбивалъ.

§ 5.

Занимъ Гешманъ войскъ Запорожскихъ спался Венжикъ Хмельницкій. Сей Козаковъ собравши на Ташаръ Дивпронъ на ладіяхъ поплылъ, провѣдавши, что табуны Ташарскіе на Диманъ пасулися, и никто-же ещережетъ ихъ. Но то была омылка: невѣрныхъ людей послушали. Гешманъ нашелъ тамъ невѣрныхъ бусурмановъ, чпо кѣнь числа. Снѣ окольнымъ и дальшимъ путями обойшли войско Запорожское и окружили оповсюду. Но Венжикъ хитрослъ войску унопробивъ, знаа-

ши же Татарскіе кони огня бояшея, степь зажегъ, и по вѣтру ошъ Татаръ ушель, погнавши за собою великій косякъ коней .пайлучшихъ Татарскихъ. Изумилися Татары, и вново походомъ поишли на Запорожцевъ; но и вново Венжикъ Гешманъ побѣдилъ ихъ подъ Заславьемъ на Волинѣ. Скоро ошъде смернныя ради раны.

§ 6.

При Король Польши Генрихъ Французскомъ былъ Гешманъ Запорожскій, по фамиліи Дружко Свѣрховскій. Сей зъ Квонією Господаремъ Волошскимъ Турецкихъ воиновъ не разъ побивалъ, и ошъ Турковъ въ землѣ Волошской убишъ. И большая половина войска его убиша, а доснальное по землѣ Волошской поразбѣжалось.

§ 7.

Генманъ Запорожскій Богданко
 Ружинъ воевалъ съ большою Чагою
 Крымъ и Туречину, а на морѣ Запо-
 рожскій Войсковою Асауль Иетай Ту-
 рецкую флотилію въ прахъ обратилъ.
 Въ сіе время славные и храбрые Ко-
 заки въ порядокъ наилучшій при Коро-
 лѣ Польскомъ Сиефанъ Банери, у-
 спросены. Онъ же Сиефанъ опредѣлялъ
 имъ Генмана и Спариниъ учредить
 между ними, а Генману булаву, бун-
 чукъ, и хоругвь дать; а войску Коза-
 ковъ Запорожскихъ печать съ гер-
 бомъ, —ной есць: рыцарь съ самопа-
 домъ, на головѣ колпакъ направо пе-
 рекривленный, и рогъ при боку. Тотъ-
 же Король, отрячь старинный городъ
 Чигринъ, Терехтенировъ дать съ мона-
 сшремъ для зимовіи, а платилъ каж-

дому Козаку по червонцу и по кожу-ху. Спаршннамъ давалъ по два, по десяти и болѣе. И Козаки нѣмъ не мало довольны спановились; и въ Азію на 1000 миль новоевали, Транезонъ взяли и изѣкли, Сионъ до фундаменшу разорили, и подъ Царегородомъ немало корысни побрали. Съ того времени Козаки начали имѣть двухъ Генмановъ: одинъ то былъ Генманомъ всего войска Запорожскаго; а другой Коневымъ Генманомъ низовыхъ Козаковъ прозывался, и во власни первого былъ, спаршій однакъ надъ всѣми другими Козацкими начальами.

§ 8.

По смерти Богданка Ружного былъ Генманомъ Запорожскимъ Ганъ Подкова, такъ прозванный по силѣ коею одаренъ былъ, и подковы акы ничтож-

ныя вещи паламывати. Сей произиждеть
на Господарство Волошское. — Дяхи
въ паущейи Волоховъ, Козаку просило-
му повиноватися не лосхотѣвшихъ,
Подкову поиманному, по разграбленіи
его имущества въ Львовъ голову убили.
Козаки о семъ аѣ провідавъ прий-
шли во Львовъ полною не малою, о-
поменивши коварнымъ Капюликамъ,
погребли шлю Подкову въ монасты-
рь Каневскомъ, и добравши имущес-
тво увезли въ Терехинимирѣ къ его
родичамъ. Въ томъ-же году 1377 былъ
Гейманъ Запорожскій Шяхъ, при ко-
торомъ Козаки, менячіе за Подкову,
Волохамъ безчинили, и за сіе оны Дя-
ховъ бѣдствія многія шерибли. Гей-
манъ Шяхъ упрашивалъ товарищей
освободити землю Подольскую и дру-
гіе оны ига Дяховъ, и на чинъ Козаки

согласны были, многія селенія пожгли!
И Король за сіе много нѣтъ бѣдствій
причинилъ и даже обратишь Козаковъ
въ вѣру свою хотѣлъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	5
СКАЗАНИЕ о Козакахъ Запорож- скихъ	15
ЗАМѢЧАНІЯ:	
1. О взятіи Кіева Гедиминомъ	33
2. Разборъ Болданова сказанія	40
3. Луга. Гайдомаки. Лугари	46
4. Происхожденіе слова: Козакъ Мившій различныхъ	49
5. Дяхи	52
6. Первый Козацкій походъ про- тивъ Крымцевъ	54
7. Пища Козаковъ	62
8. Курени. Землянки. Пологи	63
9. Устройство и распорядокъ вой- ска Запорожскаго до Спешана Бапорія	70
10. Рада	74

11. Свѣчь	75
12. Наказаніи	76
13. Одежда	78
14. Добыча. Клады. Скарбница .	81
15. Сказаніе Боплана о храбрости Козаковъ	87
16. Подвиги Свирговскаго .	89
17. Подвиги Богданка . .	98
18. Дума о Богданкѣ въ переводѣ	104
19. Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанѣ Башоріѣ	112
20. Иванъ Подкова	122

СКАЗАНИЕ:

О Гетманахъ Запорожскаго войска	131
--	-----

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

MD — MDCXL.

ИЗДАНИЕ

Измаила Срезневскаго.

ХАРЬКОВЪ.

1833 — 1834.

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

— III —

ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

1834 года, Мая 25 дня. Ценсоръ Снегиревъ.

Запорожская Старина.
Сказаніе Лѣтописцевъ
и

Преданія

о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и За-
порожьѣ отъ смерти Батори до Богдана
Хмельницкаго.

ЛѢТОПИСЬ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Источниками для Лѣтописи были рукописныя Лѣтописи и Преданія, Главнѣйшія изъ Лѣтописей суть :

- *Исторія Руссовъ, Конисскаго (П. Р.)*
- *Краткій Лѣтописецъ Русскіецаго (Л. Р.)*
- *Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ (М. Г. З.)*
- *Пространныя повѣсть о событіяхъ до смерти Богдана Хмельницкаго (П. Н. У.)*
- *Лѣтопись о происхожденіи Козаковъ и дѣлахъ ихъ (Л. К.)*
- *Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ (С. Г. З.)*
- *Записки Шафонскаго (З. Ш.)*
- *Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества (Т. О. Х. Н.)*

Въ Лѣтописи своей я не позволялъ себѣ лжудрствовать, была двоякая и тѣмъ что находилъ въ нѣкоторыхъ жрніяхъ и преданіяхъ, нѣтъ всегда передавалъ ихъ рѣши до слѣдствію; даже и въ описаніи достоирическихъ событій, сколько было возможно, слѣдоваало имъ самымъ помѣтаться достоирическими

въ тѣхъ онѣ согласны между собою, недосто-
вѣрныиъ, въ тѣхъ онѣ противорѣчатъ; и толь-
ко въ случаѣ необходимости сѣдовала по-
вѣствованію нѣкоторыхъ, придерживаясь въ
такихъ обстоятельствахъ правила Скогоро-
ды:—вѣрь тому, кто рѣше можетъ; не вѣрь
тому, кто не только сажу но и золото
истины любитъ укутывать въ покровъ лжи.—
Хорошо или худо я сдѣлалъ — пусть су-
дятъ читатели; и, можетъ быть, тѣ изъ
нихъ, кои разсматривали истошники Украин-
ской Исторіи того времени, оправдаютъ меня.

Истошники для Замѣтаній князѣ Лѣто-
писей, Преданій и Книгъ, означенныхъ во 2-й
к. Зам. Стар. были:

— Лѣтопись, изд: Туманскимъ. Р. Маг,
1793. (Л. М. Т.)

— Исторія оуѣ Уніи (П. У.)

— Histoire de Pologne par Solignac (П. Р. С.)

— Польскій Лѣтописецъ (П. Л.)

— Les fastes du Royaume de Pologne (Л. Р.)

— Korona Polska Niesieckiego (К. Р.)

— Opera Posthuma, S. Lubieński. (О. Л.)

— Dzieje Panowania Zigmunta III. (Д. Р. Л.)

и многія другія, означенныя въ Замѣтаніяхъ.

Оканчивая сею книжкою призыванія къ
Пѣснямъ и Душамъ, помѣщеннымъ въ I. кн.

Дан. Стар. и свѣдѣнїѣхъ переуга части сего изданїя, обманившаго свѣдѣнїю приноси у Читателей и писателей въ нѣкоторыхъ недопознанїяхъ и извѣдывающихъ объ свѣдѣнїяхъ, по нѣрѣ возможности, постараюсь дать отвѣтъ въ дополненїяхъ. Но данному уже много обѣщанїю, не премину воспользоваться свѣдѣнїями, и несправками и писанными, не упусти изъ виду ни одного свѣдѣнїя, которое свѣдѣнїе будетъ дано, и свѣдѣнїе буду, если нѣмудро возможность сознаться въ своихъ ошибкахъ.

II. Срезневскій.

Харьковъ 1834.

ЛЪТОПИСЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Стефанъ Баторій умеръ, не оставивши по себѣ наследника, который былъ-бы достоинъ заслужить его мѣсто, который могъ-бы съ такимъ умомъ, съ такимъ могуществомъ и усиліемъ управлять разнообразными областями государства Польскаго, какъ управлять ими сей великій Государь. Малодушный чужеземецъ, другъ и покровитель Езупловъ, ревностный защитникъ вѣры Капюлической, ревностный гонитель другихъ вѣроисповѣданій, — властолюбецъ, неимѣвший ни твердости духа, ни про-

пицательности ума, — высокомерный, себлюбивый, самонадеянный: таковъ былъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, преемникъ, которому до-спалось въ удѣлъ положивъ рѣшитель-ное начало паденію Государства Польскаго. Держава сія, славная донынѣ, по-добно держава Русской, славою въро-пернижности, обратилась при Сигизмун-дѣ III въ жалкое поряжище мнѣжей и казней за вѣру. Своевольно правили кор-милемъ Государства своекорыстные лещцы — Іезуиты и Швцы, нещадно проливалась кровь угнѣвленныхъ иновѣр-цевъ, и зарево пожара возстаній народ-ныхъ и междоубицъ вельможъ освѣщало поочередно все края горизонта Польши. Таково было сорокалѣтнее (1586 — 1652) государствование Сигизмунда III, гибельное для Украинцевъ по угнѣненіямъ и бѣдствіямъ, счастливое по свѣдѣні-ямъ: оно озарило Украину первыми лу-чами надежды на грядущую свободу и независимость, — надежды на союзъ брацъ.

ства съ могущимъ царствомъ Русскимъ.

II.

Сигизмундъ III не замѣнилъ, или не хотѣлъ замѣнить опасности, кою-ра я угрожала ему со стороны Украины, и смѣло, безоглядно началъ прини-щать Украинцевъ.

Дѣло началось налогами. Кромѣ пла-тежа десятины со скотоводства и че-ловодства, стали требовать подати звѣринными кожами, пономъ десятину съ рыбной ловли. Хитрымъ Жидовъ, обузданному при Сигизмундѣ II и Бано-рѣ, снова дана полная свобода: они бра-ли на аренду корчмы, постоялые дворы, хутора, деревни, и даже мѣстечки; за-манили въ свои руки торговлю и са-мыя прибыльные ремесла, и владѣли на-родомъ при посредствѣ Спероситъ и по-мѣщиковъ, какъ полные владельцы.

Сигизмундъ III не ограничился чер-ною, началъ съсылать Козаковъ, лишая

ихъ правъ. Въ 1589 году на Констипу-
ціономъ Сеймѣ было издано поснанов-
леніе, по коему Козаки должны были
быть во власни Коронныхъ Геншмановъ
и присягать, что не стануть ничего
предприимать безъ воли его, и пр.; а
всѣ граждане Государства Польскаго
обязывались не смѣть продавать имъ не
только порохъ, селитру и оружіе, но и
жизненные припасы. Не одно Правитель-
ство принѣсало вольныхъ Козаковъ,
но и помѣщики, а еще болѣе Сшаросшты,
обременяя ихъ прошивозаконошными по-
дашми и перенсями. Козаки принужде-
ны были скрыватьсѣ и обманывать По-
ляковъ, какъ это дѣлали Жиды въ по-
добныхъ случаяхъ; если-же хшпросишь по-
могала, они поднимали оружіе, возбуж-
дали чернь къ пому-же — и кровью оп-
сшавали свои права (1). Всѣ средсшва
Правительсштва прекращающіе ихъ набѣги
на Ташаръ и Турокъ осшавались ничемъ-
ными.

Наконецъ, по навазамъ Гелушповъ, Сигизмундъ III повелѣлъ, ими по крайней мѣрѣ, позволить Капюликамъ приписавъ Украинцевъ въ свободномъ исповѣданіи вѣры Грекороссійской, утѣшавъ Духовенство Украинское.

Еще въ XIII столѣтіи Иннокентій III и Иннокентій IV, Папы Римскіе старались склонить Грекороссіянъ къ соединенію вѣры своей съ Римско-Капюлическою; однако не имѣли никакого успѣха: Князь Галицкій Романъ въ 1204 и Князь Новгородскій Александръ Невскій въ 1252 году съ презрѣніемъ отвергнули ихъ предложенія, а Князь Галицкій Данилъ въ 1247 году согласился на предложеніе Папы только на время для личныхъ выгодъ своихъ, и попомъ не убоялся смѣяться надъ угрозами и проклятіями Римскаго Первосвященника. Впрочемъ съ сего времени Папы никогда не выпускали изъ виду сего важнаго предмета своихъ замысловъ, и возобновляли ихъ на Флорентинскомъ соборѣ въ

1439 году. — Болѣе другихъ старался о соединеніи вѣръ Пана Григорій XIII. Онъ желалъ склонить на свою сторону Іоанна IV Грознаго, и посылалъ, по сему случаю въ Москву двухъ миссіонеровъ: Пресвиitera Рудольфа въ 1576 и Іезуита Антонія въ 1581 году. Успѣха не было. Впрочемъ хитрый Антоній не удовольствовался отказомъ и угрозами Грознаго Царя, и продолжалъ свои сѣтвы и крамолы между Панами Украинскими и при Дворѣ Польскомъ. Снефалъ Банпорій, равнодушный къ распрямъ за вѣру, также не принялъ участія въ трудѣ Антонія; и только съ восшествіи на престолъ Польскій Сигизмунда III замыслы Панъ начали приходить къ исполненію. Янъ Тарновскій, Пепръ Скарга и Бернардь Гольскій, любимцы Сигизмунда III, овладѣвъ Правленіемъ Польши покровительствовали гоненіямъ на Грекороссіянъ въ противоположность не только старымъ привилегіямъ, но и привилегіямъ, даннымъ самимъ Сигизмун-

домъ III при поступленіи его на престолъ; дѣйствовали именемъ самаго Короля, и разсылали по Украинѣ толпы бродать, кои грабили дома, опинали имущество, брали въ плѣнъ, сажали въ тюрьмы нѣхъ, у кого уже нѣчего было взять, и ругались надъ Духовенствомъ Грекороссійскимъ. (2).

Утѣшеніи неповѣдовавщимъ вѣру Православную начался на Волынѣ и Подоль, гдѣ многіе изъ фамилій Дворянскихъ были уже закона Римскаго, гдѣ Спаросны имѣли болѣе силы, а Жиды болѣе воли, гдѣ чернь была уже издавна приучена шеришъ буйенно своихъ властелиновъ, а Козаковъ было много. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ видайсь а Епископъ Луцкій и Оспродекій Кирилъ открыто покровительствоваши сѣмъ утѣшеніямъ.

III.

Мятежи, порожденные налогами, самоуправенствомъ помещиковъ, Спароснѣ

ихъ правъ. Въ 1589 году на Конституціономъ Сеймѣ было издано послѣдовательное, по коему Козаки должны были быть во власни Коронныхъ Генераловъ и присяганы, что не снѣдутъ ничего предпринимать безъ воли его, и пр.; а всѣ граждане Государства Польскаго обязывались не смѣть продавать имъ не только порохъ, селитру и оружіе, но и жизненные припасы. Не одно Правительствовало вольныхъ Козаковъ, но и помещики, а еще болѣе Снаросны, обременяя ихъ противозаконными податями и переписями. Козаки принуждены были скрываться и обманывать Польскихъ, какъ это дѣлали Жиды въ подобныхъ случаяхъ; если-же хитрость не помогала, они поднимали оружіе, возбуждали чернь къ тому-же — и кровью опещивали свои права (1). Всѣ средства Правительства прекращить ихъ набѣги на Ташаръ и Турокъ оставались тщетными.

и вѣрой къ Украицѣмъ и Козакамъ. Обиды, кои терпѣлъ онъ отъ Поляковъ на родинѣ, заставили его бѣжать на Дибиръ и сдѣлаться Козакомъ. Уже въ 1587 году онъ отличился въ битвѣ съ Татарами; еще болѣе въ 1589 году.

Поляки, провѣдавши о возстаніи Козаковъ, выславили противъ Косинскаго 5000 войска, побѣдили, взяли въ плѣнъ многихъ воиновъ его, а самаго его заставили бѣжать далеко къ Дибиру. Между тѣмъ Иванъ Лобода, сподвижникъ Косинскаго, собиралъ ополченіи въ Черкасавѣ и Кіевѣ, и съ 6000 хабарныхъ Козаковъ пошелъ на помощь Косинскому. . . . Вскорѣ онъ снова отправился набирать ополченіи. Косинскійже послалъ пословъ къ Князю Оспрожскому Консцаншицу, просить у него вспоможенія. Князь Оспрожскій хорошо принималъ пословъ Косинскаго, однако отказалъ въ помощи, говоря: — не знаю, чего ищете вы: славы-ли и чести или добычи; но увѣренъ, что ваши минежи

не могутъ быть полезны для опичиз-
мы. — Опики сѣе ожесточилъ Косиц-
скаго. Пылалъ мщеніемъ противъ Князя,
онъ подобно разбойнику выринулся въ
собственныя его владѣнія, началъ на по-
селянъ, и снать принужданы ихъ вешу-
панъ въ его дружины. Князь Острож-
скій принужденъ былъ просить помощи
у Подляковъ, вступился съ Косицкимъ
подъ мѣсяечкомъ Пяшкѣй, и сразился.
На помощь Косицкому подошли но-
вые опряды, набранныя Лободою; однако
уже поздно. Козаки бились храбро, но
были побѣждены. Подльское Правитель-
ство, опасаясь новыхъ нападений отъ Ко-
заковъ, приняло свои мѣры, разсѣяло
по городамъ Украинскимъ гарнизоны, рас-
пустило между Козаковъ тайныхъ ла-
зунчиковъ, — и не много сдѣлалъ. Косиц-
скій былъ схваченъ и преданъ казни (5).

Остальные опряды Лободы, ходив-
шіе подъ его личнымъ предводитель-
ствомъ на Ташаръ Будацкихъ, разгра-
били около Бѣлгорода Юрьевскую яр-

марку, сжали Цесюру, опустошили Иесы; а пономь, сранивъ съ Поляками подъ Игнолемь, были разбиты и разогнаны.

Мятежи Кіевскій, Переславскій и Лубенскій кончились, какъ обыкновенно оканчивающіеся возмущенія слабыхъ противъ сильныхъ: зачинщики были казнены, остальные мятежники разбѣганы (4). Однако Украинцы и Козаки не услали. Хотя войска Польскія, вошедши въ Украину, и подавили мелкія возмущенія; но оны возобновлялись безпрестанно, подобно Фениксу изъ подъ пепла.

Между тѣмъ Сигизмундъ III возвратился изъ Швеціи, куда ѣздилъ по смерти оного своего Іоанна Короля Шведскаго для полученія наследства оногова ошцовскаго, возвратился, — и Унію, т. е. соединеніе церквей Греческой и Римской, явилась на Украинѣ со всеми ужасами своими. Соборы Кіевскій и Бреснскій положили ей твердое основаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

IV.

Соборъ Кіевскій былъ въ 1595 году. Епископъ Кирилъ болѣе всѣхъ старался о соединеніи оного, и по открытіи засѣданій предложилъ Духовенству преданья Папѣ, отказавшись отъ Папскаго архіепископа, и принявъ догматы вѣроисповѣданія Римскаго. Сообщники Кирилла, будучи до того времени обольщаемы коварными предложеніями Папы и Сигизмунда III, надѣясь на новыя выгоды какъ со стороны важности сана, такъ и со стороны доходовъ, колебались недолго. Митрополитъ Михаилъ, Епископъ Владимирскій Іоаннъ Архіепископъ Полоцкій Германъ, Епископъ Пинскій Леоній и Епископъ Хельмскій Діонисій приняли

единодушно предложеніе Кирилла. Епископъ Львовскій Гедесонъ и Перемышльскій Михаилъ проивилисьъ общему рѣшенію, но ихъ не послушались, и заставили поднимать два кожаныхъ бланкена: на одномъ изъ нихъ писали пошломъ прошеніе къ Папѣ, а на другомъ донесеніе Сантумунду о томъ, что все они желаютъ Уніи. Епископы Кириллъ и Ипполитъ отправились въ Римъ посланцами, и явились въ Римъ въ Ноябрь. Папа принялъ пословъ благосклонно, далъ имъ для жительства особенный домъ, велѣлъ отпускать щедрою рукой деньги на содержаніе, велѣлъ посланцами духовенства Россійскаго. 25 Декабря послы предстали Папѣ въ Ватиканѣ, въ дворѣ Констинтинскомъ; два раза повергались предъ нимъ на землю, и цѣловали его свяшшесльскія ноги. Они просили Климента VIII о имени всего Духовенства Русскаго о присоединеніи его на ѿкомнорныхъ условіяхъ къ Церкви Римской, обѣщая бытъ въ его

власти и воли; и, когда Пана согласился на условія, далъ присягу въ искреннемъ признаніи догматовъ и распросиращеніи оныхъ по мѣрѣ возможности.

Такимъ образомъ положено начало Уніи, — и Пана въ память сего знаменнаго событія повелѣлъ выбить медаль, на которой съ одной стороны изобразились себя во весь ростъ на протѣхъ у ногъ Русскаго съ надписью: *Ruthenis receptis 1596*; а съ другой свой погрудный порицень.

V.

Велика была радость Паны и всего духовенства Римскаго; велики почести Посламъ Духовенства Украинскаго; радовался Сигизмундъ III; лицеславилсь Иезуиты своимъ искусствомъ обращать въ вѣру Капюлическую. А между тѣмъ бродники Польскіе опустошали села и деревни, грабили, и проливали кровь беззащитныхъ. Жиды въ свою очередь не

переселяли разнообразіи свои злодій-ства. Украина бѣдствовала; — но тер-пѣніе должно было наконецъ кончиться, — и волненіе народное развилося пред-возвѣщеніемъ хоругвою скорого воз-станія.

Крестыяне оставляли своихъ помѣ-щиковъ, и бѣжали иные въ лѣса, другіе къ порогамъ Дѣбровскимъ, гдѣ соеди-лись съ друзьями буйныхъ Гайдомакъ. Свободные жили толпами блуждами по Украинѣ, жгли села и деревни, въ коихъ встрѣчали Поляковъ или Уніа-шовъ; Жидовъ предавали живыхъ землѣ или мучительнымъ казнямъ. Дворяне, бывшіе на сторонѣ Правительственна Польскаго, принуждены были бѣжать въ Польшу, или просить защиты у Польскихъ войскъ; не успѣвавшіе скрыться или противостать силой силѣ мщителей, имѣли участь подобную Жидамъ. Тѣ же изъ Дворянъ, кои были про-тивъ Сигизмунда III, спешались въ По-доль подъ знамена Консепацинна Князя

Оспрожскаго Воеводы Кіевского, и
Александра Воеводы Волынскаго. Сін два
Князя, владѣвшіе въ колыбелі благо-
говѣнія къ вѣрѣ Православної, первые
въ сіе время подали знакъ къ возмуще-
нію противъ припѣвнищелей опчианы
и Православія. На сеймѣ 1593 года по-
ложили они составити ополченіе и при-
нудити Поляковъ прекратити гоненія.
Во весь край Украины разосланы были
вѣстповники, возбуждавшіе народъ къ
поднятію оружія, чинавшіе въ церквахъ
и на площадахъ прокламацію Князя Ко-
спіанщина Оспрожскаго, данную 1593
Іюля 24. Воинъ чиню между прочимъ на-
писано было въ сей прокламаціи: — Аще
бо опть начала міра и до днесь врагъ и
супостанъ нашъ дьяволъ не преснаєтъ,
воююще на неспинную кѣру, различными
ковными ополчаша, наче-же, яко глаго-
летъ Господь, приходитъ врагъ, и свѣ-
етъ пласелы межн пшещицею. Но намъ
не преба снмъ прельщашися, но крѣико
сполни, вооружившися, не дающе плещь

реки не имѣла врагу, просяще оны Богъ помощи, яко да сокрушится саману подъ ногаши: вед-бо оїа грѣхъ ради нашихъ понужденіемъ Божіимъ бываюнь, возбуждающе насъ оны снѣ, и въ цѣломудріе приводяще, да снѣмъ будеть и пребудеть; яко да Боголюбцы обличаються, а снѣлюбцы обличени и посрамлени будушь. —

VI.

Князя Осиповскіе собрани войска, грозни Полькамъ и Уніанамъ войной, но оснѣвавшись при однихъ угрозахъ, надвѣясь, върошию, обойдись безъ кровопролитія. Козаки Запорожскіе, приснѣвавши доплатъ къ опридамъ Осиповскимъ, лачаши скучаши бездѣйствительною жнанию, и рѣшились наконецъ образовать собственное свое ополченіе.

Въ концѣ 1595 года на Бугаевской Радѣ Полковнику Лободѣ поручено было предводительствовать, и въ непродолжительномъ времени войско выступило въ по-

ходъ къ Бресту. Сигизмундъ III, про-
вѣдавши о сихъ вооруженіяхъ, выслалъ
войско опразити дружину Лободы. Въ
то самое время, когда въ Кіевѣ Духо-
венство Грекороссійское мечтало о Па-
пѣ и соединеніи церквей, Поляки встрѣ-
нились съ войскомъ Лободы, состояв-
шимъ изъ 5 полковъ, близъ Пипки, той
самой Пипки, гдѣ за два года предъ-
идущемъ войско Косицкаго было разбино.
Поляки почли все на нѣмъ сраже-
нія; Лобода потерялъ болѣе двухъ пре-
стей своихъ дружинъ, однако одержалъ
побѣду, и заснавилъ Поляковъ спаса-
нъ бѣгствомъ.

Онъ разсылалъ тогда свои войска
по Кіевской области, а Хоружаго Са-
ула послалъ въ Липву. Приписанный
Поляками народъ оснавивалъ по всюду
свои жилища, и умножалъ собою дружи-
ны Козацкія.

Одна изъ важнѣйшихъ побѣдъ Лобо-
ды надъ Поляками была въ сіе время у
Ладыкиша.

VII.

Послѣ Пятковской битвы Козаки собрались на Раду въ Чигринь, и по предложенію Лободы избрали Генмапомъ Павла Гвоздича Паливайка, съ условіемъ, что бы Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій и Максимъ Овара Полковникъ Гадяцкій были его помощниками въ дѣлахъ военныхъ. Другими Генмана Паливайка, Полковниковъ: Лободы и Овары, и Хорунжихъ Саула и Шанка, выслунки изъ походы, — и воеводы Самборъ, Луцкъ, Тарнополь, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣпрѣ и многіе другіе города испытали крѣпость меча Козацкаго. Разграбленные, полусожженные, они опустѣли; жилили бѣжали въ лѣса; на дымящихся развалинахъ Козаки пировали свои победы. Часно до Сигизмунда, запертого въ своей божницѣ, доходили спрятанныя вѣсти, но Сигизмундъ былъ слишкомъ бѣденъ войскомъ, еще бѣдѣе деньгами, — и не зналъ что дѣ-

ласть. Наконецъ онъ рѣшился вызвать
Коропнаго Генмана Жолкѣвскаго изъ
Молдавіи, и написалъ къ нему письмо,
прося его быть защитникомъ спокой-
ствія Республики.

Въ Февралѣ 1596 года гонецъ Си-
гизмундовъ прибылъ въ Молдавію, и чрезъ
недѣлю 1000 всадниковъ выступили по
пути къ Брацлаву, около котораго дру-
жины Наливайка въ то время карали
враговъ Православія.

Не ожидая Поляковъ, Наливайко не
принималъ никакихъ предосторожностей,
позволялъ своимъ воинамъ раздѣляться
на малые отряды по нѣскольку сотъ и
менше, и самъ шировавъ въ Новоградъ.

Отрядъ Гаѣдомакъ подъ начальст-
вомъ Грушка занялъ Маѣйовичи, и,
огранивъ по обычаю жишелей, началъ
свой разгульный ширъ. Уже всѣ были
пьяны; шие дремали, шие пѣли пѣсни
побѣды, когда внезапно еще до разсвѣта
звукъ шрубъ и ржаніе коней раздался у
околицы, — и 1000 всадниковъ, предво-

димыхъ самимъ Жолкъвскимъ, ворвались въ мѣстечко. — Славайшесь! — кричать Ляхи. — Вейшесь! — кричать пьяные Козаки. Начинается сѣча. Побѣда не клонится ни на ту ни на другую сторону; Поляки поджигаютъ дома, и, пользуясь смятеніемъ жителей и Козаковъ, схватываютъ послѣднихъ и предають казни.

Паливайко, узнавши о семъ поражении, бѣжалъ за рѣку Собъ и Черныя воды въ сѣнь Гуманскую; а между тѣмъ Лобода ворвался въ Баръ, и, обогатившись добычей, явился подъ Белою Церковью. Здѣсь соединились все главныя опряды дружинъ Козацкихъ. Жолкъвскій подосѣлъ нуда же. Произошла битва, — и Козаки побѣдили; произошла другая битва, — и Козаки принуждены были бѣжать.

Между тѣмъ буйные Гайдонаки пропаводили мѣстечки, бродили изъ города въ городъ, разбивали гарнизоны Польскіе, и наконецъ собрались въ Каневъ. Жол-

кѣвскій пошелъ къ Каневу, разбилъ Гай-
домакъ, разорилъ Каневскія Козацкія по-
селенія, защищаемыя Тенерею и Тене-
ренкомъ; потомъ разбилъ Козаковъ у
Круной могилы, и остановился подож-
даль, пока подойдутъ къ нему опряды,
посланные для умирненія Козаковъ, воз-
ставшихъ на Поляковъ и возмущавшихъ
чернь въ нѣкопрыхъ городахъ Сѣвер-
ной Украины; и когда сѣи опряды яви-
лись, успѣвъ на нѣсколькихъ битвахъ
сразить Козаковъ, Жолѣвскій двинулся
къ Чигрину, гдѣ уже ожидало его вой-
ско Запорожское съ Гешманомъ Нали-
вайкомъ. Оно раздѣлено было на при-
частн: Наливайко принялъ начальство
надъ главнымъ корпусомъ; лѣвое крыло
поручилъ Полковнику Оваръ и Асаулу,
а правое Полковнику Лободѣ и Обозно-
зу. Все войско состояло изъ 20,000,
исключая опряды Гайдомакъ, кои распо-
ложившись наборомъ не подалеку отъ
оконовъ, и прикрыли ряды свои пушками.

Наливайко, не рѣшаясь самъ начать дѣло, ожидать призывной вѣсти къ бѣшкѣ отъ Генерала Жолтѣвскаго, и ожидать не долго. Поляки, желая устранивъ Козаковъ, выставляли близи шанцевъ своихъ при крещеніи, и на нихъ въ виду Запорожскаго снама повѣсили двухъ старшинъ Козацкихъ: Сомна и Богуня; а преній крещеніи оставили пустымъ, утѣшая повѣсницъ на немъ того, кто первый осмѣлился вопрошиваться имъ, и пребыли сдаными. Въ ошѣбнѣ на сей сигналъ, Наливайко выставилъ при бѣлѣи крещанія хоругви, съ надписью: миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и его креститъ. — Не медленно за симъ началось нападеніе Поляковъ на снамъ Козацкій и пальба изъ орудій. Поляки, не смотря на всѣ свои усилія, не могли выдвинуть Козаковъ изъ укрѣпленій. Воиска Жолтѣвскаго отъ мелкихъ нападеній на снамъ Козацкій пришли въ безпорядокъ. Тогда Гандомаки двинулись въ самую средину снама Польска-

го; за ними полкъ Овары, Лободы и наконецъ главная дружина подъ предводительствомъ Наливайка. Битва великая. Боле семи часовъ длилась она, сули побдой по одной по другой сторонѣ, и кончилась пораженіемъ Поляковъ. Козаки ожесточились до того, что и слышавъ по хвѣстамъ о пощады: раненныхъ, упадавшихъ на землю добивали; бросавшихся въ Тясминъ вытаскивали арканами, и зарубивали въ куски. Поляки спасались однимъ бѣгствомъ. Не успѣвши скрыться тамъ на полѣ битвы и по окрестной степи. Наливайко потерялъ 5000, большею частью изъ дружины Овары, разшерзаннаго да сей битвы. Жолтѣвскій потерялъ гораздо болѣе. (5)

Въ это самое время османлыне отряды войска Польскаго грабили Восточную Украину; два раза разбили Полковника Юнинекаго, принудили его бѣжать къ Переяславу, и, сожегши хутора Козацкіе вокругъ Ширанина, въ конюшыхъ оснававшись одеѣ жены и дѣти,

пошли встѣдъ за Юичинскимъ. Наливайко пославъ на помощь сему храброму вождю Лободу съ 5000, а самъ направилъ путь къ рѣкѣ Случи за Жолѣвскимъ, и по дорогѣ до Случка и Могилева нѣсколько разъ жестоко разбилъ Подишковъ. Больше другихъ пострадали сѣмь два города.

Окруживши городъ Могилевъ Наливайко прѣбывалъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Уніановъ, въ немъ находившихся. Требованія сѣмь не были исполнены, — и Наливайко осадилъ городъ. Гайдомаки подошли его со всѣхъ сторонъ, и вступили въ него первые. Гарнизонъ былъ разбитъ; Жиды перерѣзаны; городъ разоренъ и превращенъ въ пепелъ (6).

Между тѣмъ войска Жолѣвскаго, разогнанныя Наливайкомъ въ разные стороны, соединились близъ Кіева, сражались у монастыря Печерскаго съ Гайдомаками, коими предводительствовали Лобода и Аниаманъ Подвысоцкій, и, перешедши черезъ Днѣпръ, двинулись у Пе-

режеславѣ. Паливайко устремился туда-же. Произошла бѣснѣва. Козаки разбиты, и бѣжали къ Дубнамъ.

Около сего города на урочищѣ Солонищѣ разразилась новая бѣснѣва, еще болѣе несчастная для Козаковъ. Они были разбиты. Паливайко и многіе другіе Старшины Козацкіе взяты въ плѣнъ, и въ Варшавѣ преданы мучительной казни (7. 8.) Козаки, находившіеся подъ начальствомъ Подвысоцкаго, въ свою очередь просили у Жолѣвскаго пощады, и предались въ его волю. Многіе изъ нихъ принуждены были принять Унію; въ числѣ другихъ и Федоръ Гещеренко (9. 10).

Ополченныя воины Осипрожеккіе шлы прислали къ Запорожцамъ, шлы разошлись по домамъ, шлы начали промышлять разбоями. Князья Осипрожеккіе ушли прекратить гоненія только въ своихъ владѣніяхъ.

VIII.

Между тѣмъ Епископы Кирилъ и Ипполитъ возвращались изъ Рима, — и оп-

спутники начали снова свои совѣщанія. Но они увидѣли, что должно или совсѣмъ бросить начатое дѣло или дѣйствовать рѣшительно; ибо волненіе народное, поддерживаемое съ одной стороны Князьями Осиповскими, а съ другой Епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, увеличивалось безпрерывно. Приверженцевъ къ Уніи считавшихся время отъ времени меньше: оно заставляло Уніановъ отъказаться на новое дерзкое предпріятіе. Окружаюю грамотой они объявили о предпринимаемомъ ими Соборѣ въ Бреснѣ, и назначили сей Соборъ 1596 Октября 6, говоря, что на немъ должны существовать бывшій примиреніе между пришедшими Унію и не пришедшими одной.

Октябрь мѣсяцъ наступилъ, и Бреснѣ зашумѣлъ отъ необычайнаго снѣгочія непрерывливо идущихъ грозой. Главные изъ приверженцевъ Уніи, туда явившихся, были:

Митрополитъ Михаилъ Рогоза,

Епископъ Владиміръскій Іоаннъ Поцькій,

Епископъ Луцкій Кирилъ Терлецкій,
Епископъ Полоцкій Гермогенъ,
Епископъ Пинскій Іоаннъ Гоголь,
Епископъ Хельмскій Діонисій Збруйскій,

Панскій Пунцій и Послы,
Іезуитъ Петръ Скарга,
Послы Сигизмунда ІІІ,
Нѣсколько Польскихъ Сенаторовъ,
Дворянъ, и пр.

Защитники вѣры Православной были:
Епископъ Львовскій Гедонъ Балабанъ,
какъ представитель,

Епископъ Перемышльскій, Михаилъ
Коньешенскій,

Ректоръ Острожскаго училища, Кирилъ
Лукарій,

Посолъ Папріархій Грекъ Никиторъ,
Князь Острожскій,
Князь Юрій Друцкій-Горскій,
Многіе знатѣйшіе Дворяне, Духовни-
ки и пр.

Первое собраніе было 6 Октября,
и окончилось ничѣмъ.

На второмъ собраніи, 9 Октября, приверженцы вѣры Православной пред-
сказавши прощеніи, въ которой
пробовали разрыва съ Папою и духо-
венствомъ, разсужденія всѣхъ ошесту-
пившихъ отъ Пашіарха, и общаго
ничего не подарившаго касательно
вѣры безъ вѣдома и согласія Пашіарха.
Прощенники отвергли сѣю прощеніи-
цію, пробовали союза съ Папою и по-
корности его волѣ; но, видя, что ни
убѣжденія ни угрозы не будутъ дѣйстви-
тельными, разошлись; явились въ церкви
Св. Николая, всенародно прочли свою гра-
моту, и торжественно провозгласили
Унію. Сія дѣятельность, столь рѣшительная,
столь обдуманная, доказывающая впрочемъ
не столько силу Уніи, сколько ихъ
самонадѣяность, могущество Папъ и
Католицизма, и то послѣднее униже-
ніе, въ какомъ быть тогда Пашіархъ
и все Духовенство Греческое. Вѣра
Православная цвѣла въ то время только
въ одномъ Царствѣ Русскомъ, а полнѣ

ника Двора Московскаго была всегда слишкомъ далека отъ распрей за вѣру.

Слѣдствіемъ разногласія между членами Собора Бреснскаго было, что вмѣстѣ одного собора, явилось ихъ два, и на нихъ вмѣстѣ мирныхъ соглашеній гремѣли проклятія, проливалась кровь невинныхъ жернивъ, взлетѣло сѣмя вражды между двумя народами, — вражды, которую изгонять изъ своего сердца одинъ только тогда, когда исчезнетъ другой.

Наконецъ ревнивыми Православія рѣшились на послѣднее: они правили депутатовъ къ Королю Сигизмунду III съ просьбою, дабы онъ благоволилъ изъ Епархій Грекороссійскихъ выгнать всѣхъ Епископовъ Уніанскихъ, и утвердилъ бы на ихъ мѣстѣ избранныхъ ими. Просьба осмѣлась выпустъ. Король не только не согласился исполнить такую, но сверхъ того употребилъ все мѣры къ защищенію Уніановъ, и къ припѣсненію Грекороссіянъ. Тогда Уніаны снова пріобрѣли силу, снова начали свои буйства:

насилъю присвоивали себѣ знатнѣйшіе
монастыри и приходскія церкви; оста-
льные особенно по городамъ разоряли или
запечатывали; священниковъ ложили и
мучили, и народъ, собиравшійся для мо-
лебный за городомъ въ шалашахъ, раз-
гоняли, а не рѣдко и жестоко умерщвля-
ли (11). . . .

Кровью и слезами приветствовала
Украина XVII вѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ІХ.

Гоненія Поляковъ и Уніатовъ на Православныхъ заснавили многихъ Козаковъ удалиться въ селени Запорожскія и пачасть новыя брани съ другими врагами Православія — Турками и Тапарами, кои, пользуясь отсутствіемъ Козаковъ, разорили нѣкошорыя крѣпости Козацкія по берегамъ Чернаго моря и на островахъ Днѣпровскихъ; увели многіе табуны Запорожскіе въ свои Крымскіе Улусы, и овладѣли большимъ пространствомъ въ селеняхъ Днѣпровскихъ.

Въ сіе самое время Генераломъ войска Запорожскаго озовася Цесръ Колашевичъ Сагайдачный, бывшій дошолъ Генеральнымъ Обознымъ (12).

Устроивши Козаковъ въ прежній порядокъ, онъ началъ воеванъ противъ невѣрныхъ. Каждый годъ онъ отправлялся онъ то въ Крымъ, то въ Турцію, то на южные берега Чернаго моря. Подъ его знаменами Козаки, увѣренные въ побѣдѣ, почти никогда не были побѣждаемы, и всегда возвращались на родину съ богатою добычей. Въ 1606 году они осадили, взяли, и разорили крѣпость Турецкую Варну, и одержали знающую побѣду на морѣ надъ Турецкими галерами. Въ 1607 разбили Ханскія войска близъ Перекопа, и заставили самаго Хана бѣжать въ Турцію. Въ 1608 — 1609 сдѣлали опустошеніе на берегахъ Анаполійскихъ. Въ 1612 взяли присиуномъ городъ Кафу, и освободили въ ней изъ плѣну многихъ Христіанъ; разорили Козловъ; разбили Танаръ Буджацкихъ и Крымскихъ въ снѣси, и помогали Донцамъ противу Танаръ. Въ 1613 воевали съ Танарами на рѣкѣ Донѣ. Въ 1614 — 1615 снова отправившись въ Анаполию,

взяли Сінопъ и Трапезонтъ, и одержали пѣсколько побѣдъ надъ Турками на морѣ. Въ 1616 сразились на морѣ съ Сестеръ-Пашею, и обратили въ пенель его Итальянскіе суда. Въ 1617 снова разбили Тапартъ подъ Перекономъ (13).

Оскорбленные непрерывными нападеніями Козаковъ, Турки сначала просили Правительство Польское умирить ихъ, а потомъ, видя что просьба ихъ не дѣйствуетъ, начали грозить Полякамъ войною, и въ своемъ Диванѣ положили овладѣть Дѣбромъ, Кіевомъ и всей Украиною; Тапартъ переселивъ поближе къ Польшѣ, и даже самую Польшу сдѣлать своей данницею. Поляки хотя и обѣщали Туркамъ не только смирить но даже и истребить Козаковъ; однако, имѣя сами нужду въ Козакахъ, оснавлили свои обѣщанія безъ исполненія, довольствовались угрозами, или вымѣщали на просномъ народѣ Украинскомъ и Козакахъ охочесомыхъ, не преснавали приужданы ихъ къ Уши,

употребляли къ сему всевозможныя средства, и особенно по смерти знаменитаго Копсинашича Князя Оспрожекаго съ 1608 года.

Тогда-то явился между гоимшелями Православія извергъ рода человѣческаго, разорилъ Христіанской истины, Епископъ Полоцкій, Уніанъ Іосафанъ Куццевичъ, низкій родомъ, но высокій коварствомъ, крамолами и злобою къ Православнымъ. Какимъ злодѣйствомъ не употреблялъ онъ дабы увеличить количество Уніановъ въ Украину: онъ сажалъ въ тюрьмы священниковъ, приказывалъ съечь всенародно на площадяхъ несчастныхъ православнодушныхъ; не позволялъ исполнять ни какихъ обрядовъ вѣры, разрушалъ храмы, или обращалъ въ Уніанскіе. Все предпринявшаго Генерала Сагайдачнаго ему самому и даже Правительству Польскому оставалось исполнить. Онъ хонѣлъ, по крайней мѣрѣ, между Козаками уменьшити охрану къ православному, увѣщевалъ ихъ уш-

версалами пребыть вѣрными вѣрѣ предковъ, упопроблять даже и жеспокоеніи. Все было напрасно. Козаки опенуники выбирали себѣ самопронзвольно особенныхъ вождей, и вмѣстѣ съ Поляками руиновали церковь Православную (14).

Между тѣмъ Козаки вѣрные вѣрѣ предковъ опущунали обласни Турецкія, и заснавили наконецъ Турковъ начати войну съ Польшею. Поляки угрожаемые Турками, послали къ Козакамъ Комиссаровъ взяти съ нихъ обещаніе оспавишь Турковъ въ покоѣ, — и Козаки дали письменный обѣтъ за подписею вѣхъ снаришнихъ: Генмана Конашевича, Асауловъ Ивана Манаревича, Лауриши, Богдана, Балька, Харлака и др.; но по опѣздѣ Комиссаровъ возобновили свои павзды. . . . Череміріе, заключенное ладъ рѣкою Днѣспромъ при мѣсечкѣ Яругѣ 26 Сенилѣря 1617 года, по которому Турки попробовали опѣ Поляковъ усмирить Козаковъ, или даже и уничтожить, имѣло слѣдствиємъ новыя нападенія Ко-

заковъ на обласни Турецкія, и новыя
побѣты Тапартъ на Украину. Козаки взя-
ли и ограбили Варну, Тетинь, Козловъ,
Очаковъ, Акерманъ, Осодосію, Сичонъ
и Трансильонъ, а на морскомъ сраженіи
съ Киликійскимъ Пашею допили при
его корабли и его самого предали казни.

На слѣдующій годъ война Польскъ
съ Турками окончилась. Соединенныя
силы Турковъ, Тапартъ и Волоховъ, все-
го до 400 000, встрѣтились съ войскомъ
Польскимъ, бывшимъ подъ предводитель-
ствомъ Коронова Генерала Жолкъвска-
го при мѣстечкѣ Цецоръ. Между вой-
сками Польскими были и Козаки подъ
начальствомъ самаго Генерала Сагайдач-
наго. 1620 года 7 Октября произошло
сраженіе. Сила одержала побѣду надъ
храбросію. Польки жестоко разбины
и обращены въ бѣгство; большая часть
Козаковъ пала на мѣстѣ битвы. Тушъ-
же палъ и Жолкъвскій.

Другая битва Польскъ и Козаковъ
съ Турками была въ слѣдующемъ году,

близъ Хотина. Поляки побѣдили, и принудили Турковъ заключить миръ. Гетманъ Сагайдачный, получивши предъ симъ сраженіемъ моржественный обѣтъ возвращеніи оныхъ всего войска Запорожскаго, и раздѣлившій въ это время славу съ товарищемъ своимъ Михаиломъ Дорошенкомъ, былъ раненъ въ сей битвѣ столь жестоко, что оныя раны, едва успѣвши доѣхать до Кіева, умеръ и погребенъ въ Кіевобранскомъ монастырѣ, имъ же самимъ поспрошеномъ (15).

По смерти Сагайдачнаго, гоненія на Украинцевъ и Козаковъ усилились до невѣроятности. Хотя нещеповой Кудцевичъ и былъ мучительски умерщвленъ Виницами въ 1625 (16); хотя многіе Іезуиты и Уніанцы, возбуждающіе своихъ собраний къ гоненіямъ были переловлены и сожжены, нѣкоторые въ Переяславѣ, нѣкоторые въ Лубнахъ; однако это не только не уменьшило гоненій, а еще болѣе увеличило, осмелѣвши нечестивы-

цель, и возбуди въ нихъ мести до-
смертнкую.

По смерти Геймана Сагайдачнаго,
набранъ Гейманомъ Печай, старецъ. Въ
1622 году на урочищѣ Синаромъ дру-
жина сражалась съ Татарями и имѣвши со своими
сподвижниками Горленкомъ, Синисурой,
Сомою Безроднымъ погибъ оный рукъ
невѣрныхъ (17).

Послѣдникомъ его былъ сынъ его
Печайко. Оный ходилъ (въ 1623 году на
Польскомъ подѣ Бреснѣ, вступилъ съ
ними въ мирныя переговоры, принявъ
Унию; и потомъ, соединивши свои дру-
жины съ оприданн Польскими, ходилъ
на Таширъ Будацкихъ, кои набѣгами
на Подоль. Въ сраженіи подѣ Килей
оный былъ убитъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Х.

Еще до смерти Гетмана Сагайдачнаго многіе Козаки составили между собою тайные заговоры и партии, коихъ предметомъ и целью было уничтоженіе власти Польской, истребленіе Уніатовъ и Жидовъ. Сии партии съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе; однако продолжали скрываться. Правительство Польское видѣло погубель тѣхъ которыхъ знавшихъ дворянъ и сановниковъ духовныхъ, дѣлало свои предположенія, и не знало, кого обвинять. Заговорщики разорили многіе замки, проникли въ глубь Польши, не будучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умерщвленіе и самаго Сигизмунда III, и

наконецъ около 1628 рѣшились дѣйстви-
тельно открыто. Войско Польское всту-
пило въ Украину, раздѣляясь по окрест-
ностямъ Кіева, и начало свои грабежи.
Архимандритомъ Кіевонечерскаго мона-
стыря былъ въ это время знаменитый
Пискифоръ Туръ. Онъ возбудилъ въ на-
родѣ явное возмущеніе: со своихъ опо-
рогъ толпы стекались въ Кіевъ, и съ
его благословеніемъ поднимали оружіе.
Григорій Козакъ, Гейманъ Колацкій,
избранный самимъ Королемъ посильнымъ
въ Кіевъ дабы усмирить народъ, и на-
чать дѣло казнями. Пискифоръ вышелъ
наконецъ изъ шеретни, шлепая на пло-
щади и своею рѣчью такъ преклонилъ
Колаковъ на свою сторону, что они,
провозгласивши его своимъ Гейманомъ,
ринувшись на Григорія Козака и, съ кри-
комъ: гибель зраднику, разсѣли его на
саблихъ. . . .

Подъ начальствомъ Геймана Тара-
са Трисны Боровца Козаки отправи-
лись въ Польшу, силою принудить По-

ляковъ прекратили гоненія на Украинъ. Чѣмъ сдѣлали они, чѣмъ было съ ними, — деизвѣстно.

Коронный Гетманъ Конецпольскій, провѣдавши, что Гетманъ Тарасъ соби-
раетъ свои дружины въ Терехиневровъ
съ намѣреніемъ вновь идти въ Польшу,
послалъ къ нему на встрѣчу съ силь-
нымъ войскомъ. Гетманъ Трясило онѣ-
спушилъ къ Переяславу; Конецпольскій
слѣдовалъ за нимъ. Дошедши до Переясла-
ва, Трясило окончился при урочищѣ Кру-
пной облогѣ между рѣками Трубежемъ и
Альпой. Поляки также окончились не-
вдалекѣ отъ селена Козацкаго. Трясило
далъ перестрѣлку до самой ночи. Ко-
заки съ двухъ сторонъ двинулись на
Поляковъ, ворвались въ ихъ станъ, за-
жгли обозъ, овладѣли пушками. Много
Поляковъ лягло въ сей битвѣ: однихъ
дворили до 300 человекъ; много взято
въ плѣнъ: самъ Конецпольскій едва не
попался въ руки осперевѣвшихся Ко-

заковъ. Всѣ плѣнные были перевязаны или убиты.

За сѣй битвой, извѣстной подъ именемъ *Тарасовой ночи*, слѣдовали другія битвы, ممکنъ быть, не менѣе славныя для Козаковъ. Слѣдствіемъ оныхъ было то, что большая часть Украины освободилась отъ Полковъ и Жидовъ: первые были изгнаны; а послѣдніе въ числѣ многихъ тысячъ лишены жизни.

Константинопольскій возвратился, осадилъ опять Переяславль, и снова былъ нѣсколько разъ побѣжденъ Козаками. . . .

Тогда счастье обратилось на землю Украинскую, и она узнала радость . . . но та радость, но счастье были предвѣстниками грозной бури.

Генералъ Трясило, вѣроятно, былъ казненъ.

Мѣсто его занялъ Иванъ Павлюкъ. Онъ сразился съ Поляками близъ Слущка, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Варшаву и преданъ казни.

Такой-же участи подверглись и нѣкоторыя другіе предводители Козацкіе, кои рѣшились возставать противъ Польшковъ.

Гешмагъ Семень Перевязка преданъ на сторону Польши, содѣйствовалъ Уніапамъ водворяться въ городахъ Украинскихъ, ввелъ повсюду войска Польскія. Козаки взбунтовались, заключили Перевязку въ плѣнъ; но Перевязко нашелъ случай уйдти въ Польшу. . . .

XI.

1632 года Апрѣля 30 Сигизмундъ III умеръ.

Ночью въ то-же самое время въ Переяславѣ возгорѣлся бунтъ. Чернь, будучи не въ силѣ долѣе терпѣть жестокостей отъ Уніановъ и Жидовъ, вооружилась, ночью 20 Марта подняла тревогу, и зажгла костѣль Уніанскій. Главныя Уніанскіе духовные сановники были удушены; Жиды захвачены и умерщ-

влены; гарнизоны весь погибъ. Съ того времени Переяславль названъ мятежнымъ городомъ. За Переяславскимъ бунтомъ слѣдовали иныя другіе; но они ни мало не помогли Украинцамъ противъ Поляковъ.

Ужасно было въ ту годину состояніе Украинцевъ. Права ихъ были нарушены; вѣра попрапа; Церкви и монастыри издавна сооруженные, иныя занесены, иныя запечатаны, иныя обращены въ гостиницы и иныя дворы, иныя разграблены и превращены въ развалины. Священниковъ мучили пытками, и казнили. Простолюдниковъ грабили, сажали въ тюрьмы и морили голодомъ. Дѣти умирали безъ крещенія и омыщенія отъ грѣховъ; взрослые жили безбрачно, не зная ни повѣдїи, ни причащенїи Св. Тѣла. Мертвые погребались безъ обрядовъ. Привидѣній, коими дарилъ Украинцевъ Сигизмундъ III, оставались безъ исполненїя (18).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ХІІ.

Наслѣдникъ и сынъ Сигизмунда ІІІ, Владиславъ ІV, былъ великъ желаніемъ прославишься и искусствомъ давань обѣщаній.

На Сеймѣ во время его избранія на престолъ Польскій, Грекороссіане подали прошеніе о пресѣченіи гоненій. Не разъ подобныя просьбы были подаваемы Сигизмунду ІІІ, но все онѣ оспаивались безъ всякаго вниманія, и дѣла о Неунитахъ были оплаганы на будущее время. Можно было-бы предпологать, что и съ сей просьбой поступлено будетъ также; однако не такъ случилось: просьба, къ крайшему изумленію Украинцевъ,

была услышана. Тогдашъ парядили депу-
тацію, въ которой председапельсво-
валъ самъ Владиславъ; разсмотрѣли дѣла
Неушнповъ, и постановили спашыи при-
мирения ихъ съ Уніаиами. Грекороссія-
намъ возвращены были тѣкопорыи пра-
ва, позволено исповѣдовать вѣру свою
открыто, исполнять все обряды; Уніа-
шамъ позволено имѣть своего отдѣльна-
го Митрополита и Епископовъ. Влади-
славъ своеручно подписалъ сии спашыи;
пѣпомъ при избраніи его Королемъ
Польскимъ, обѣщавъ исполнять ихъ во
всей силѣ, и наконецъ во время корона-
ціи подтвердилъ свой обѣтъ присягою.
Но гоненія спихли на мигъ, и снова раз-
разились надъ главами Украинцевъ. Чертъ
и Козаки возобновили мятежи и бушны.
Шились войска для усмирения мятежни-
ковъ. Произшло тѣсколько бивствъ, —
Козаки почини вездѣ разбѣсны; народныя
ополченія, набранныя тѣкопорыи изъ
спаринныхъ войска Запорожскаго были

разсѣяны. Настала година прежнихъ
бѣдсвѣтѣй.

XIII.

Псудачи заславили Козаковъ бѣ-
жанъ въ Запорожье, оспавивъ въ Укра-
инѣ свои сѣмейства и богачества, и на-
чавъ перезывають изъ оной всѣхъ, могу-
щихъ носить оружіе. Приглашеніе бы-
ло, конечно, услышало; полны ополчен-
ныхъ безпрерывно уходили въ степи; —
Украина пугала. Желая основаніе
своѣ побѣги, Поляки посстроили на Дѣл-
прѣ выше пороховъ крѣпость Койдакъ,
или Днѣвскую заставу; однако напрасно:
Козаки, подъ начальствомъ Генерала
Павла Павлюка и Конскаго Апамана
Сулмы, осадили сию крѣпость, взяли,
вырѣзали весь гарнизонъ, въ ней нахо-
дившійся, и самую крѣпость разрушили
до основанія, въ 1655 году. Оттуда они
оправились къ Чигрину, коимъ завла-
дѣли было Поляки, и, одержавши новую
побѣду надъ ними пошли къ Черкасамъ.

Поляки снова разбѣгли. Козаки разсѣялись по всей Западной Украинѣ, возобновивъ прежнія чвары противъ Поляковъ, Уніановъ и Жидовъ. Войска Польскія индѣ были разбиваемы, индѣ бѣжали безъ бинивы. Павлюкъ и Сулима производили свои нападены и опустошенія, удаляясь отъ большихъ сраженій до 1656 года.

Конечнопольскій послать противъ Козаковъ Ианольнаго Гешмана Николая Попоцкаго. Павлюкъ окончился близъ Корсуни подъ Кумейками, 16 Декабря произонца бинива. Козаки разбиты, вышѣлены изъ оконовъ и принуждены были обранныи въ бѣгство. Новая бинива произонца подъ Боровицей. Побѣда оглянулася на Козаковъ. Тогда Попоцкій предложилъ Павлюку мирныя условія, обязывался именемъ Короля возвращеніи все права Козакамъ и народу Украинскому. Козаки согласились на миръ и вышли изъ стана: старшины подписали условія. Но лишь только въ войскахъ Козацкихъ былъ разрушенъ

порядокъ военный, Поляки напали на нихъ; многихъ изъ нихъ перерубили и пересѣкли; а у прочихъ отграбили имущество и военные запасы, обрѣзали усы и чуприны; Генерала Павлюка и многихъ спариницъ взяли въ плѣнъ и отпирани въ Варшаву: все они были казнены (19).

XIV.

Въ 1638 году Правительство Польское рѣшилось положить конецъ смутеніямъ въ Украинѣ, и обнародовало прокламацію, по которой лишило Козаковъ всехъ правъ, между прочимъ и права имѣть Генераловъ, а въ слѣдствіе оной повелѣло хвастать Козаковъ, и опредѣлять въ Польскіе полки. Съ другой стороны Татары, пользуясь смутеніями Украины, часто вѣпоргались въ нее, грабили селенія, уводили съ собою многихъ плѣнниковъ. Битвы ихъ съ Козаками и на сушѣ и на морѣ не преснавали. Напрасны были все старанія Козаковъ сми-

ринъ Тапартъ. Хотя Козаки почти ежегодно ходили въ Крымъ, разоряли города и села, освобождали пленныхъ Христианъ, уводили шабуны, но Крымцы всомоществуемые Турками продолжали набѣги. Козаки менили Туркамъ, ходили подъ самый Кеменашинонецъ; и это было напрасно. Ослабшее онъ непрерывныхъ войнъ съ Поляками Войско Запорожское перестало уже справлять дѣлѣрыхъ, какъ справляло прежде.

Тогда явились между Козаками предводители: Стефанъ Осиповичъ, Леонъ Гуля, Чурай, Малко, Ефремъ Скурай и другіе, кои начали менишь Полякамъ и Тапартъ сначала сами съ небольшими дружинами своими, потомъ съ помощію Донскихъ Козаковъ. Моподкій явился, — и выпереть нѣсколько небольшихъ поражений. Войска Польскія, бывшія въ Придѣйрскихъ городахъ, разбиты и разогнаны. Наконецъ произошла битва на рѣкѣ Спарницѣ, битва справляла, ончаяшая. Козаки, не смощри на

свою малочисленность въ сравненіи съ Поляками, одержавъ побѣду, принудили ихъ обратиться въ бѣгство, и гнали до мѣстечка Молошаго, чино въ Волынской Губерніи. Здѣсь произошла новая бѣснва. Попоцкій принужденъ былъ предложить Козакамъ мирныя условія; но, получивши подкрѣпленіе, напасть на Козаковъ, разбить ихъ, иномъ взять въ плѣнъ Генмана Остришцу, Чуралъ и другихъ старшинъ Козацкихъ. Все они по обычаю были казнены въ Варшавѣ (20 — 21).

XV.

Новое ополченіе Козацкое, имѣвшее вождемъ Генмана Карна Полтора-Кожуха, не имѣло никакого успѣха. Поляки, подъ предводительствомъ Іереміи Вишневицкаго, гнали его до рѣки Мерлы, и, здѣсь поразишии, заставили бѣжать къ Дону. Генманъ Полтора Кожухъ и послѣ дѣлать набѣги на Польшу, но безъ всякаго успѣха. Полтора Ко-

жухъ умеръ въ Каменномъ Запощѣ, — и гробомъ ему была пущая горьлочная бочка (22 — 23).

XVI.

Съ тѣхъ поръ Козаки пали. Польки завладѣли Украиною, и дали полную волю Уніанамъ и Жидамъ. Православіе угнѣблялось съ каждымъ годомъ болѣе: Церкви отдавали Жидамъ на аренду, а священники въ рабону; должно было платить болыиіе деньги за позволеніе служить Литургію; а кто хотѣлъ погребать, крестить или вѣнчаться, тотъ долженъ былъ приготовиться къ рѣшительной битвѣ. Все казни и козни, выдуманныя Іезуитами и Инквизиторами, были приводимы въ дѣйство. Снаранія благочестиваго Минирономъ Кіевскаго Петра Могилы воспрепятствованію гоненіямъ оснавались битвами.

Одна только часть Козаковъ, оснававшаяся въ Запорожьѣ, сохранила свою не-

зависимость. Съ Атаманомъ Савалшовичемъ Запорожцы напали на Азовъ въ 1636 году на прибрежные города Анаполійскіе въ 1638 и пр. (24). Они обогащались добычей, жили въ привольѣ, въ довольствѣ.

Дабы побѣги изъ Украины въ Запорожье не возобновились, Конецпольскій повелѣлъ вновь высмотрѣть и укрѣпить крѣпость Койдакъ, снабдить ее гарнизономъ, расположить сильныя гарнизоны по городамъ Украинскимъ, самовольно казнилъ всѣхъ священниковъ, снѣсенъ сколько было возможно сѣмейства Козацкія, и оснавилъ несчастную Украину спенать подъ игомъ губнителей Православія, доколь не возмужаетъ Богданъ Хмельницкій, котораго Провидѣніе благословило мечемъ для освобожденія опчиизны изъ подъ ига Польши.

З А М Ъ Ч А Н І Я.

1.

Первые мятежи Козаковъ противъ Польши

произошли, кажутся, по случаю убійства Ивана Подковы во Львовѣ; впрочемъ Львовляне говорятъ о нихъ довольно темно и кратко.

Далѣе: — Г. Г. Г. Шахъ утрачивалъ поварами освободить землю Подольскую и другіе отъ ига Ляховъ, и на что Козаки согласны были, — многія селенія пожгли. А Король за сіе много имъ бѣдствій причинилъ, и даже въ вѣру свою обратилъ хвѣль. — С. Г. З. § 8. Ангель упоминаетъ объ Іоаннѣ Оришевскомъ, коему Канторій повелѣлъ усми-

рипъ Иззов. Козаковъ. (G. U. 26.) Въ
II. II. У. Ск. IV. упоминается о мяше-
жахъ 1580 года въ слѣдъ выраженіяхъ :
— Пришла Королю дума, же его умер-
твиши хочунъ, и мечъ прошиъ его
подъяиъ, озлобился сильно, и приказалъ
всѣхъ Козаковъ перебиши, кои на служ-
бѣ были. Прочіи по Украинѣ розсели-
лись и миромъ въ сѣмьяхъ хуторами жи-
ли. Съ того времени Козаки Короля
возненавидѣли, и помышляли объ онду-
ченіи себѣ оны Польши спами. Егда
сарана въ року 1580 въ лѣто набѣжала,
и живы извѣла, и егда Жиды вино до-
рогою цѣною въ продажу давали промы-
сла своего ради, тогда Козаки озлобив-
шись въ Черкасахъ и въ Кіевѣ и въ Пе-
реяславѣ всѣхъ Жидовъ до единого по-
били, вино забрали, и мяжежъ учинили.
Король просьбою просилъ Козаковъ въ
пихомірѣ спати, обаче Шляхешество
Польское и Спароспы городовые Коза-
ковъ неволей брань зачали, и въ лмы
сажали: кино живъ остался. Егда-бъ Ко-

миссары онъ Короля со знаменіемъ по
прійшли, великому мѣшежу быши-бъ бы-
ло; да Комисары многое обѣщавали — — —

Въ Л. Р. III. упоминается о мѣшежѣ
Вольнскомъ подъ симъ же годомъ.

Въ З. III. (Свѣденія о Козакахъ за
Башоріа Короля) — описывается въ 3 —
4-хъ спирокахъ мѣшежъ Кіевскій подъ
1583.

Вонъ и все, — если не считаны мѣше-
жами неважныхъ мѣсечныхъ бунтовъ.

2.

*Свѣденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіянамъ Королями Польскими.*

Казимиръ Великій, овладѣвъ Льво-
вомъ, Черемышлемъ, Галичемъ и други-
ми городами, уравнилъ шамошнихъ Гре-
короссіянъ съ Каполиками во всѣхъ

правахъ и преимуществвахъ (Спириков-
скій XII. 5. Другойъ годъ 1310. Кро-
меръ. XII. Герберинъ. X. 3). Сію при-
вилегію подтвердилъ Ягелло въ 1386 го-
ду, и дѣвши его, Короли Польскіе Влади-
славъ II въ 1434 и Казимиръ IV (Кро-
меръ XXI. Спириковскій VI. 1. Гер-
беринъ XV. 2). Александръ Князь Ли-
товскій въ 1499 далъ Духовенству Гре-
короссійскому привилегію подтвержда-
ющую всѣ старинныя права церкви
Православной, а бранъ его Король Поль-
скій Сигизмундъ I подтвердилъ сію при-
вилегію въ 1511. На Сеймахъ 1563 и
1568 Сигизмундъ II Августъ съ согла-
сіемъ всѣхъ членовъ Речи Посполитой
далъ Украинцамъ двѣ привилегіи, коими,
уравнивая ихъ во всемъ съ Поляками по-
зволилъ имъ достиганіе достоинства
Сенаторскаго и другихъ важныхъ са-
новъ, и на Люблинскомъ Сеймѣ 1569
года, присоединя къ Польшѣ на вѣчныя
времена Польше и Украину, далъ имъ,
и въ особенності провинціямъ Кіевской,

Вольпеской и Полтвсю еще новую привилегію о томъ-же. — Всѣ сии привилегіи подтвердилъ присягою Генрихъ Вауа въ 1575, Сигизмунтъ Бапторій въ 1576 и Сигизмундъ III въ 1587. Кромѣ сего Сигизмунтъ Бапторій двумя привилегіями позволилъ Греко-россійцамъ безпрепятственно отправлять праздники по старому календарю, свободно создавать церкви и Гимназии и пользоваться всеми прежними правами по силѣ старыхъ привилегій; а всѣмъ свѣтскимъ чиновникамъ указомъ запрещенъ вступать въ дѣла и суды Духовные церкви Грекороссійской. На Коронаціонномъ Сеймѣ 1588 состоялась Консенсуція, по которой запрещено отнимать имѣнія церковныя отъ Епископій и монастырей Грекороссійскихъ и Католическихъ. Въ Липовскомъ Стану на сомнѣніе котораго дана Княжескому Липовскому привилегія на семъ же Сеймѣ, права Грекороссійцевъ уравнены съ правами Католиковъ, какъ то: Духовен-

ство Грекорос: и Каппол: одинаковымъ порядкомъ должно раздѣляванъся со свѣтскими въ дѣлахъ судебныхъ (Сп. III. 32); положено одинаковое наказаніе за насиліе церковей Грекор: иколы и священническихъ домовъ равно и ксеніевоу Римскихъ и поповскихъ домовъ (II 5); назначена одинаковая пѣня за убійство и безчестіе духовныхъ обывихъ церковей, женъ и дѣтей ихъ (II- 27). Въ 1589 Сигизмундъ III на Варшавскомъ Сеймѣ дать привилегію Грекор: духовенству сохраняишь все ихъ чины, власны, чести и достоинство въ совершенной силѣ наравнѣ съ духовенствомъ Римскимъ (II. У. 60 — 65).

3.

Подвиги Косинскаго.

Косинскій въ II. Р. подъ 1596 годомъ пишетъ, что Косинскій природный

Шляхичи Польскій Генеральный Асаулъ Войска Запорожскаго избрали Генманомъ въ 1593 году на мѣсто Генмана Демьяна Скалозуба, умореннаго голодомъ въ Консважиницѣ; чино онъ, будучи призванъ на соборъ Бреснскій, арестованъ, преданъ суду, осужденъ, замурованъ въ каменный снопѣ, и умеръ въ пещи онъ голоду. . . !

Другой Лѣтописецъ (З. Ш. о древностихъ Мал. и Укр.) говоритъ, что Косицкій не былъ Генманъ, а мясешникъ Польскій, собравшій наѣмку въ Украинѣ, и опустошавшій Подоль, Волынь и Полтве, и въ 1593 году схваченъ сыщиками Польскими и преданъ казни.

По сказанію М. Г. З. Н. Косицкій преданъ мученической казни въ Варшавѣ, а Лобода собралъ войско, пошелъ къ Варшавѣ, но былъ разбитъ подъ Бреснѣ, и умеръ онъ скорби (!). По С. Г. З. § 11. Косицкій убитъ подъ Млиной, — и шло его на позоръ аки пре-

спулилка выспавили, а четьрехъ спар-
шнихъ Запорожскихъ живыми въ землю
законано. —

Башкиръ Камешкій описываетъ
подвиги Косицкого, следуя, болышею
частью, Гендешинцеву. Онъ повѣствуетъ,
что Косицкій прежде всего вѣнор-
гнулся въ области Князя Осиповскаго,
пономъ долго просидѣть подъ Тарнопо-
лемъ, и наконецъ ятъ на сраженіи подъ
Пляскою. въ 1593. И. М. Р. I. 161—162.

Лубенскій, котораго сказанію при-
держивается Пѣцетовъ (D. Z. I. X II.
259 — 261.), пишетъ, что Косицкій
вѣноргнулся во владѣнія Князя Осипов-
скаго съ 5000 воиновъ, и началъ оуспѣ-
шать въ нихъ все огнемъ и мечемъ;
Князь набралъ изъ своихъ подвластныхъ
и приверженцевъ войско, и съ помощію
600 конницей приведенныхъ сыномъ
его изъ Польши проишувалъ Коси-
цкому, который между тѣмъ осадилъ
Пляску. Произшло сраженіе: Козаки раз-
биты; 3000 пало въ битвѣ; Косицкій,

убѣжавъ изъ Плянки, выпросилъ у Кнзя прощеніе, и вновь прозвель мишежъ; наконецъ, вошедши въ Черкасы, гдѣ Сна-росною былъ Виницѣвцкій, и, напившись пива на ширѣ у приверженцевъ сего Кнзя, былъ ими убитъ. Дубенскій прибавляетъ, что это случилось въ Мар-тѣ 1595 года. О. Л. 2—3. Въ своей Лѣтописи я держался сказаній Роголевскаго и Л. К.

4.

Мятежи въ Кіевѣ, Переяславѣ и Луѣнахъ. 1594.

Мятежъ Кіевскій, бывший по сви-дѣтельству Л. Р. IV. въ Мартѣ 1594 года, былъ возбужденъ Леоніемъ Пел-тицкимъ, Епископомъ Пшескимъ. Около 800 Жидовъ погибли отъ рукъ мятеж-

ной черни въ волнахъ Днѣпра, а многіе
 Уніансы перерѣзаны въ монастырѣ Ка-
 нюлическомъ: изъ нихъ Гостѣвъ Брамъ
 расперзанъ. З. Ш. — Мясоежъ Черя-
 славскій былъ еще важнѣе. Предводите-
 лями мясоежниковъ были; знаменитый
 Иванъ Лобода и Григорій Трубочевскій.
 Мясоежъ Дубенскій былъ вовсе не за-
 нятелемъ. Польки устѣми перекрѣпленны
 вѣхъ Бушновичковъ, и казнѣн. З. Ш.
 Д. Р. IV.

5.

Дума о битвѣ Чигринской въ пе- реводѣ.

— Въ славной паней Украинѣ бывали
 когда-то дни бѣдснвй, години злоцасп-
 нил; бывали и моровыя повѣтрія и мя-
 шежи войсковые. И пѣкому было сна-
 сать Украинцевъ, пѣкому было за нихъ

молился Богу; но Господь Богъ не забываетъ Украинцевъ: Онъ хотѣлъ, чтобы они великими сираданіями искупили свое грядущее благоденствіе. Онъ одишь вѣдать свои думы, свои помыслы, насылая бѣденія на землю Украинскую. И вотъ — прошло время бѣденій; и вѣсть уже никого, кто могъ-бы сразить насъ. Богъ одишь вѣдать свои думы, свои помыслы. . . .

Но день, по два грабили Украину Поляки, не зная ондыха, держа наготовѣ коней своихъ, и днемъ и ночью....

Они шли къ Генману Маливайку. А Генманъ Маливайко, что думаетъ онъ, о чемъ задумывается? Что придумать онъ для благоденствія своихъ товарищей Козаковъ? Одишь Богъ по вѣдаетъ, и награждаетъ его своей помощью.

Изъ за горы выходитъ гроза, гремитъ громомъ, идучи къ городу Чигрину, и блестящій молніей надъ землею Украинскою. То Поляки переходили чрезъ

при рѣки, а перешедши чрезъ прѣплю
спали станомъ, пустиши на насильбу
своихъ коней, и опдыхали при *годинѣ*.

Что-же думаетъ Генманъ Пали-
вайко? О чемъ задумывается? Что при-
думалъ онъ на погибель Поляковъ? Одишь
Богъ о помъ вѣдаетъ, и награждаетъ
его своей помощью.

То не гроза гремитъ по небу гро-
момъ, провожая свинныхъ къ Господу
Богу, — но Поляки быють въ бубны,
собирають войско свое въ громаду слу-
шанъ рѣчи Генмана Жолкъвскаго. Со-
шлись они, выспрошлись; и, выспрошв-
шись, смолкли и начали слушанъ рѣчи
Генмана. И опсудушавши сѣдали ко-
ней своихъ, и переходили чрезъ *Бѣлую*
рѣку: мостили мосты, клали плотины,
вбивали колы, крыли ихъ дражно и хво-
рономъ, и совершали великій переходъ
чрезъ Бѣлую рѣку. А перешедши спро-
или шанцы и наисады, уснащавшавши
пушки, и предъ пушками вконали въ зем-
лю при кресна. На первомъ креснѣ

Сомнино висипть, висипть и громко кри-
чипть. На другомъ кресить Богунъ ви-
сипть, висипть и саблей брядипть. Тре-
тий кресить — душой спонипть: онъ
ждетъ къ себѣ другихъ Козаковъ и огля-
диваетъ ихъ. Кію первый подойдетъ,
того ядро убьетъ; кію второй подбѣ-
житъ, того дуля пронесетъ; кію тре-
тий подскочитъ — шоптъ кресипипсь
будетъ и молнией сипаетъ, — его доб-
рое — ошкочивый кресить. Козаки глядѣли,
разглядывали, и шумѣли, и посипавши
предъ глаза Поляковъ шрое знаменъ, и
на знаменахъ писали шакія рѣчи:

— Миръ всѣмъ вѣрнымъ Православ-
нымъ Христіянамъ, а врагамъ Полякамъ
веселье въ аду. Кресить сразипть того,
кію водрузитъ его. —

И поипли Поляки чептырьми полями,
чептырьми полями а пятымъ Подольемъ.
Козаки по всюду, на всѣхъ спычкахъ
побѣждали Поляковъ. Поляки просили
мира, — и получили ошказъ. Не шаковы
Козаки — не имъ забыиъ напасень. Не

таковы и Поляки, — не имъ забыть мщен-
ше.

Было горе и панимъ, какъ вѣщала
кукушка. Что вѣщала она, тому такъ
и бысть. Когда черни начнутъ ми-
рить правыхъ съ неправыми, уносятъ
души въ адъ, и въ кучи валятъ.
Богъ поможетъ намъ онъ бѣды: Онъ
однѣмъ вѣдаетъ свои думы, свои помыслы,
даруя помощь Павлу Наливайку. Не намъ
о томъ размышлять. Панимъ долгъ мо-
лился Богу, крестился Спасителемъ.

Иисусъ Христовъ Сыне Божій, по-
милуй насъ! Дажь миръ всему Христи-
анству, и всѣмъ намъ здравіе іѣла и
спасеніе души. Аминь. —

— Дума о Бывшѣмъ Чигринской, помѣ-
щенная въ Кн. I. Зап. Снар. есть от-
рывокъ изъ Думы о подвигахъ Наливайка
и Лободы. Списокъ сей Думы существу-
етъ у одного собиранеля Малороссій-
скихъ пѣсень и когда нибудь будетъ на-
печатанъ. Въ отрывкѣ напечатанномъ

въ Зап. Спар. на спираницѣ 89 вмѣсто
осики должно чинанъ *осики*; на спир.
90 вмѣсто: *буде ѿ насъ лихъ — бу-*
де ѿ насъ лихъ. Окончаніе на спир.
91 должно чинанъ такъ: — *Миромъ миръ*
міру Христіанскому и намъ усѣмъ шѣ-
ла здравіе и души спасеніе. Аминь. (Со-
общено).

Съ неперифніемъ будуждать выхода
въ свѣтъ полной думы; а покаместъ пе-
ревожу опривки, какіе только могъ я
доснать, означая мѣсна пропусковъ
почками.

Бѣлою рѣкою Запорожцы называли
рѣку Тясминъ; Черною — рѣку Бугъ;
Красною или Червоною — рѣку Рось.

Что значить слово *година*, упо-
требленное въ сей думѣ? Значенія она-
го, признаюсь, не понимаю. Максимовичъ
перевелъ словомъ: *часъ*.

Кукушка почитаютъ Украинцы за птицу священную, за предвозвѣстительницу будущаго; этому вѣрятъ и Русскіе (Абелега Рус. суев. 228); и Сербы, и Словаки. Сербы рассказываютъ, что кукушка была прежде женщиной. Пошерявъ браня, она до нѣхъ поръ плакала и горевала по умершемъ, пока сама не превратилась въ птицу. Нѣкоторые прибавляютъ, что плачь ея и рыданія нескерпимо падали покойнику, и онъ проклиналъ ее, отъ чего и превратилась она въ кукушку. Другіе утверждаютъ, что и Богъ прогнѣвался на плачущую. Въ Сербіи всякая женщина пошерявшая браня, если услышитъ голосъ кукушки, начинаетъ плакать (Вуко Стефановичъ). Есть что-то подобное въ преданіяхъ Молдавскихъ, если вѣрны А. де Хиждеу, и. е. его слышавъ: Румыскій народ. пѣсни (Гелеск. 1853. No 8. стр. 502 — 503). Сравни Молву. 1853. No 100.

На Украинѣ есть пословица: — Пч.

ная кукутика дешую перекуе. — Что
это за *аллегорія*?

Рассказывая въ Гибнонен о бывшѣ
Чигринской, и придерживался болѣе все-
го сказаній думы, выше сего переведен-
ной.

6.

Пѣснь о сожженіи Могилева въ пе- реводѣ.

Мнѣ говорить, что сія пѣснь, по-
мѣщенная подпунктовъ въ Кн. I. Зап.
Снар. 56 — 58., сочинена гораздо позд-
нѣе, можетъ быть, въ концѣ XVIII вѣ-
ка, и что имя Пашвайка попалось въ
нее случайно. Очень хорошо, но гдѣ же
доказательства? Пока не буду имѣть
объ нихъ свѣдѣній, не могу и оцѣнить
онѣ прежняго мнѣнія своего, которое

припомъ утверждается хоть на небольш-
михъ доказательствѣхъ. Я не смѣю слѣ-
довать пословицѣ , которая для многихъ
сдѣлалась правиломъ: — хочъ бы гѣрше,
абы шше.

— Дымомъ облекся городъ Могилевъ,
когда шо Войско Запорожское грянуло
изъ пушекъ.

Онуспѣлъ городъ Могилевъ, когда
Козаки густо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ остались толь-
ко орлы да змѣи. Они пожирають Лип-
скіе трупы; они радуются Липскимъ
трупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ остались толь-
ко шны да колоды. Вѣрно, бѣда постигла
племя Липское!

Не столько бѣда сколько беззавье:
оно блуждаетъ уже по бѣлому свѣту
ошъ двора ко двору.

Не шакъ велико беззавье какъ ве-
лика радость Козаковъ: алая судьбина

чититъ Запорожцевъ, и дасть знать
себя племени Липскому.

Злая судьбина дала себя знать По-
лякамъ съ ранняго ушра чрезъ нашего
славнаго Пала Генмана Паливайка.

Злая судьба *чититъ Запорожцевъ* —
въ подлинникъ: *Кравчину мануюхи*.
Кравчина — Кошъ въ мирное время и. е.
Войско Запорожское. И думалъ, что
это слово произошло отъ слова *Укра-*
ина, и мѣсто сіе положили въ Упрел.
Звѣздъ Ч. II X. 1833. Максимовичъ за-
мѣнилъ мнѣ, что, можетъ быть, это
слово произошло отъ слова *кравецъ*.
Кажется, что съ этимъ целью не со-
гласился; ибо слово *кравецъ* употре-
бляется иногда Липовицами, въ значеніи
слова воинъ. — И кравци собралися на
Раду, положиши набѣгъ сопротиву Ага-
риу Буджакъ — (З. III. О войнахъ съ
Татарами выписки изъ Липовицъ). И

Наливайко былъ также кравцемъ, какъ говоритъ Макенювичъ. Если произведе-
нiе слова Кравчина оиъ слова кравецъ
и не имѣеть дослѣпечныхъ доказа-
тельствъ, то по крайней мѣрѣ не столь
важно, какъ мое прѣжее.

7.

*Письмъ объ убiенiи Наливайка въ
переводѣ.*

Конисскiй, не упоминая о битвѣ на
Солоницѣ, говоритъ, что на рѣкѣ Случ-
чи по повеленiю Короля послѣдовало
примиренiе между Поляками и Козаками;
что въ 1597 году, когда Козаки отпра-
вляху въ Варшаву депутатовъ, съ ними
поѣхалъ и Наливайко; что всѣ они при-
ѣхавши въ Варшаву были взяты и по-
сажены въ тюрьму, и чрезъ два дни сож-
жены въ мѣдномъ быкѣ.

Яичинскій, въ жизни Жолкъвскаго, говорилъ, что Наливайко былъ неоднократно разбитъ Поляками, и взятъ въ плѣнъ; что въ Варшавѣ содержали его по Козацки: не давали заснуть и будили обухомъ съкиры, и пономъ посадили на раскаленного коня въ раскаленномъ вѣдѣ. (Г. У. 105). Сравни Пѣмцевича D. Z. X. III. R. V. Пѣмцевичъ, думаю, не выдумывалъ, но такъ умѣлъ скрывать правду, что и она казалася ложью.

— Славны спали Запорожцы, когда начали воевать противъ Польши, и изъ мѣсяца передали *оборонили* *Католикамъ* свою злую судьбу.

Та злая судьба, та злая судьба въ башнѣ пноремной насмѣхалась надъ Наливайкомъ будно надъ бѣдной вдовой.

Вдовинъ сынъ, вдовинъ сынъ! У тебя есть еще бранья, и шѣ бранья твои Козаки богаты удачью.

Всѣ Козаки сходились на Раду, и на Раду рѣшили выслунуть въ походъ противъ Поляковъ.

Расходились Козаки, распуская Раду, и выкапывали изъ подъ камней свои богатые клады.

Они продавали свои клады, и покупали ружья, и накупивши ружей, выслунули въ походъ.

Предъ ними Голый летаетъ легкимъ соколомъ, богатырски гарцуетъ онъ на ворономъ конѣ.

Раннимъ утромъ Козаки приближились къ Случи, и начали жужжать изъ кушекъ, призывая Капюшниковъ.

И Поляки услышали, и загремѣли въ ошейя. Да будешь-же имъ тяжко, тяжко, что они гремѣли.

Что они гремѣли, то предвѣщали они Козакамъ бѣдствія. И Козаки Гайдомаки думали и гадали.

Они думали и гадали; они думали и гадали; и тяжко, тяжко горевали о своемъ Гешманѣ.

А въ Варшавѣ на Радѣ судили суды,
и осудили Паливайка сжечь въ мѣдномъ
быкѣ.

Поляки осудили Паливайка на сож-
женіе;

Козаки присудили опоменишь По-
лякамъ.

Оборотни — Волкулаки. Это лю-
ди, превращенные въ волковъ. Повѣрье
о нихъ распространилось между всеми
племенами Славянскими. Русскіе называ-
ютъ ихъ *оборотнями* или *умирами*
(Абелева Рос. Сув. 263); Морлаки *Ва-*
коулаками, и вмѣстѣ съ Трансильванца-
ми вѣряютъ, что сіи чудища любятъ
высасывать кровь у дѣтей. Когда умира-
етъ у нихъ поить человекъ, коего
они почитаютъ оборотнемъ, то ему под-
рѣзываютъ жилы подъ когтями и иска-
лываютъ все пѣло для того, что-бы
онъ не могъ возвратиться къ живымъ.
Часто Морлакъ умирающій, чувствуя

въ себѣ жажду къ крови дѣтской, приказывають съ собою поспунашь по смер-
ти какъ съ оборонцемъ (Portis, Voyage
en Dalm. L. II.). Такое ночно повѣрье
находится и между Поляками (Войнич-
кій, o Wilkodlakach. Dz. Warszawy
1823. N 55. 176 — 180. Pamiętnik Warsz.
1820. XVI). Душчевскій въ своемъ Ка-
лендарѣ на 1759 годъ говоритъ: Lubo
czarownicy nie mogą istoty odmieniac w
wola, w konia albo insze bydle lub zwierze,
mogą jednak powierzechownie odmieniac
w jaka ciecą bestyia i przydac jej akcyą
takiego zwierzecia. Tacy bywali na Zamud-
zi, Polesiu i w inszych Prow. Pol. Wil-
kolacy (Kalend. pol. i rus. na r. 1759).
Богемцы и Словаки имѣють также по-
добное преданіе, и сообщили его Вен-
грамъ, у коихъ есть нѣсколько пѣсень,
повѣстующихъ о жизни обороншей.
Сербы также вѣрятъ существованію
волколаковъ. — Починаю не безполез-
нымъ замѣтить, что подобное повѣрье
существовало и у Скандинавовъ, чему

доказаніємъ своимъ можетъ служить рас-
сказъ о Біорно Ринговичъ, Царь Ун-
ландскомъ, превращившемся въ мѣдвѣди, —
рассказъ помѣщенный въ Сагъ о Рольвъ-
Кракѣ. — Геродотъ пишетъ о Певрахъ,
что они, зная науку чаромагій, въ извѣст-
ные дни года, могли измѣняться въ вол-
ковъ, и снова обращаться въ людей.
Карамзинъ изъясняетъ это очень легко:
„но сечь зимою покрывавшея волчьими
кожами.“

—————

Вдовинъ сынъ. Изъ сказаній Личин-
скаго и нашихъ Лытошесцевъ, хотя они
довольно подробно говорятъ о Шалвай-
кѣ, не видно что-бы онъ былъ сыномъ
вдовы. Можетъ быть Бацдурисъ подъ
именемъ вдовы манери Шалвайка разу-
мѣетъ Украину?

Почти всѣ Лытошесцы единогласно
говорятъ, что Гетманы Запорожскіе,
попадавшіеся въ руки Ляховъ, были со-
жигаемы въ мѣдныхъ бѣльяхъ, или на

мѣдномъ волѣ. До тѣхъ поръ пока я не
зналъ пѣсни объ убіеніи Наливайка, я
всегда вѣрилъ вмѣстѣ съ Пѣмцевичемъ,
что подобныя казни изобрѣнены какимъ
нибудь шокомъ для своей дѣлописи, и
мало по малу разошлись по другимъ дѣ-
лописямъ; но свидѣтельство пѣсни, пре-
дачій народныхъ, и Поляка Яническаго
(о раскаленной лошади) въ дѣлоописаніи
Жолтѣвскаго, заснавливаютъ меня пере-
мѣнныи мнѣніе; и я не внесъ сей казни
въ свою дѣлописи только потому, что
Дѣлописи смѣняють ее иногда какою
нибудь другою, и часомъ прошивурѣчаютъ
другъ другу. Спомниъ прочесни одну
Исторію Руссовъ, что бы увидѣни сколь
хипры были Поляки на выдумку казней
или въ самомъ дѣлѣ или въ фантазій
Дѣлописца.

Въ Дѣлописи моей, повѣстнул о под-
вигахъ Наливайка, я придерживался пре-
имущественно сказаній Вуйковича (Вы-

нски изъ его Synops. De bel. Cos), который умѣлъ очень искусно свести различныя показанія Липовицесей Укр. Ему же слѣдовать, хотя не всегда, и Нѣмцевичъ. D. Z. X. III. R. IV i V.

8.

Пѣснь о подвигахъ Лободы въ переводѣ.

— Зазвенѣли колокола въ городѣ Батуринѣ: по Козаки Гайдомаки разсуждали на Радѣ. Они разсуждали на Радѣ, какъ прошивусианъ Польшѣ, и рѣшили соединиться съ Украинцами.

И выступили Гайдомаки въ походъ. Хотя ихъ всѣхъ на все только 1200, за то богаты они опшавой.

Предъ ними ѣдетъ Панъ Сулима Кошевой Ашаманъ. Чего же бояться, что онъ чернобровый? Панъ Сулима, Панъ Сулима собираетъ Козаковъ, и всѣмъ

Гайдомакамъ такъ говорить: — Товари-
щи Гайдомаки, — исполнише волю мою.
Намъ должно опомениши за бѣдствія
Украины. Хопи насъ, Папы Гайдомаки,
всѣхъ на все только 1200, но много опива-
ги у насъ. Много опиваги у насъ, ког-
да вадумаемъ сразинься съ Поляками по
доброй волѣ. — Тогда обозвался Чура
Лободы; кланяенся Козакамъ и гово-
ришь такія рѣчи. — Папы Гайдомаки будь-
те добры, опменише Ляхамъ за моего
Папа Ивана. О мой Папъ Иванъ! гдѣ до-
былъ ты столько храбросни, чино пер-
вый рѣзникъ прошивоснаиъ Ляхамъ, —
и прошивоснаиъ ни о чемъ не думай! О
мой Папъ Иванъ, другъ Наливайка, ты
сразилъ Поляковъ, сразилъ, — и думашъ
забытъ. О, мой Папъ Иванъ, куда дѣ-
вался ты, когда понадобилъ Полякамъ
въ шемницѣ каменной? Вспомнише, Папы
Гайдомаки, моего Папа Ивана, и за моего
Папа Ивана, и за моего Папа Ивана оп-
менише Полякамъ. Если вы хопише со-
единишися съ Украинцами, то вамъ долж-

по моего Папа Ивана воспоминашь добрымъ дѣломъ. Когда Поляки хотѣли покорить Украину власни своей, но наши Козаки выступали въ походъ съ Папомъ Иваномъ; когда Поляки покоряли Украину власни своей, но наши Козаки съ Папомъ Иваномъ разбивали Поляковъ. Сразили они Поляковъ, когда вступились съ ними на Бугъ, и два раза пригнали Генмана Потоцкаго спасаться бѣгствомъ. Сразили они Поляковъ, когда вступились съ ними на Пруть: но было, что они порядкомъ опустошили Цецору. Было добро, было счастье, — настала и бѣда. Раннимъ утромъ въ день воскресный казнили Папа Ивана...

Бандурисень, говоря о побѣдахъ Лободы надъ Поляками у Буга разумѣешь, конечно, битвы Шанковскую и Ладжишскую; но что такой Потоцкій, котораго по словамъ Бандурисена, Лобода обратилъ два раза въ бѣгство? Ни одинъ

нѣзъ Попоцкихъ не былъ въ то время
Генманомъ. Можеть бытъ, здѣсь долж-
но разумѣть Яна Попоцкаго, Спаросиу
Каменецкаго. D. Z. I. Rr. III i V.

Лобода былъ, кажется, первый ге-
рой Запорожскій осылавшійся противо-
станъ Полякамъ. И въ возстаніи Коза-
ковъ съ Косицкимъ, и въ ополченіяхъ
Острожескихъ Князей, и самъ лично, и
съ Наливайкомъ, — вездѣ и всегда, сколь-
ко было возможно, — онъ принималъ са-
мое дѣятельное участіе. Невольно подо-
садуешь на невѣжество Лѣвоненцевъ
нашихъ: въ памяти народной все каса-
тельно сего далекаго времени покрыто
непрошцаемымъ туманомъ, а на письмѣ
одни намеки. . . . Можеть бытъ, Лобода
былъ человекъ великій, человекъ, кошо-
рому Украина обязана первою мыслию
объ опшорженіи оной власни Польской.
Можеть бытъ, оя въ Исторіи Укра-
ны былъ шже въ опшощеніи къ Хмель-

лицкому, что Иоаннъ III въ отношеніи къ Пешру. . . . Въ повѣствованіи о Лободѣ я придерживался сказаній Вуйковича.

О Сулимѣ см. выше стр. 58 — 60.

9.

Тетеренко.

Дѣя пѣсни о немъ въ переводѣ.

Федоръ Тетеренко былъ Асаулъ Каневского куреня, и защищалъ Каневскія Козачьи поселенія, когда предъ Чигринскимъ сраженіемъ началъ ихъ Коронный Гетманъ Синаиславъ Жолкъвскій (см. выше стр. 52) Въ семь дѣлъ помогать ему, вѣроятно, опецъ его, Тетеря Кошевой Ашаманъ (И. П. У. Л. Р. и пр.). Опецъ съ сыномъ, какъ говоритъ пѣнь (см. Зап. Снар. I. 1. стр. 42 — 46), взятые въ плѣнъ, опхвезены въ

Варшаву и посажены въ тюрьму; однако имѣли случай уйдти и разбить Поляковъ у города Бендеръ, и Ташаръ у Аккермана. Незвѣстно, какой случай заставилъ Темеренка перейти на сторону Поляковъ, принявъ Чиню, сдѣлавшись описушникомъ оиъ вѣры предковъ. Можеть быть, оиъ былъ однимъ изъ первыхъ описушниковъ между Козаками. Прочтемъ дѣсно въ конторѣ говоривша о нихъ общенаселенцахъ.

— По горѣ вѣснѣ вѣснѣ, вѣснѣ и завываеиъ; а въ долину храброе войско выступаетъ въ походъ. Оно выступаетъ въ походъ противу невѣрныхъ. Оно снаряжаетъ коней и проситъ своего Ашамана. — Нашъ Ашаманъ, храбрый Темеря! Веди-же насъ противу невѣрныхъ. — Сираиусъ пораженія — Чиню намъ до пораженія, лишь бы намъ сразились. Не вѣчно-же намъ оснаваться здѣсь подъ Каневымъ. — По горѣ вѣ-

есть въперъ. Въ долини жнутъ жноцы;
а по дорогѣ Серпихской везунтъ Тешерю.
Его везунтъ, а онъ хопъ бы чпо.
Или онъ боленъ, или онъ пьянъ, спарый
Тешеря? Его везунтъ, а онъ хопъ бы
чпо. Съ Тешерею везунтъ его молодого
сына. — Спарый опецъ мой, чпо-по
буденъ съ нами? — Не чпо — — По-
лики везунтъ насъ въ Варшаву. А въ
Варшавѣ на Радѣ разсуждаюнть суды.
Насъ привезунтъ въ Варшаву, и за-
прунтъ въ шеминцу. Запрунтъ въ шеминцу,
и не дадутъ намъ хлѣба, не да-
дутъ и воды; не дадутъ и вина. Намъ
дадутъ только сырую землю. Бать, хопъ
даишь. Но гляди, не гляди не увидишь ше-
бъ свѣну Божьего. — Но горѣ вѣснъ въ-
перъ, а по полю раздаеися звонъ цѣней:
Тешерю съ сыномъ везунтъ въ Варшаву.
А на рѣчкѣ на Вислѣ судантъ, разсуж-
даюнть суды: казнишь-ли Тешерю или
заклочишь его въ шеминцу. Заклочиши
Тешерю съ сыномъ въ шеминцу, и при-

судили продать его невѣрнымъ. По горѣ
вѣетъ вѣтеръ, а надъ Бендерами дымъ.
Тамъ Тешеря съ сыномъ чудесно пора-
жася Поляковъ. По горѣ вѣетъ вѣ-
теръ; вѣетъ онъ къ Акерману. Тамъ
Тешеря съ сыномъ поражася уже и
невѣрныхъ. По горѣ вѣетъ вѣтеръ, а
но полно раздастся гулъ ширшесива:
по Тешеря съ сыномъ угощася Поля-
ковъ. Угощася, прощася, но не мо-
жешъ угосиши. Тешеря уже одинъ
безъ сына, ходишь и крушишя. Онъ
крушишя, горюешъ, и не пересмашешъ
горевашъ: — Прощай, сынъ мой, сердце
мое, мое милое сердце! — Рыболовъ по бе-
регу вѣетъ словно ласпочка. Ноешъ,
жестко ноешъ о сынъ сердце опцов-
ское. Плачь, плачь, Тешеря, о миломъ
сынъ своемъ. — Уже не воронишя ты,
мой сынъ, изъ Польши, изъ Варшавы. О,
лишь бы только Богъ сподобилъ тебя
не умерѣть въ Польшѣ. Тамъ никто не
взгрустнешъ по тебѣ. Развѣ только
ворогъ, одинъ воронъ прилещишь къ

тебѣ, и сядеть, насидеть на прути
пшвой, и снаснетъ клеванъ его. И покле-
вавши переснаснетъ. Тогда прилетитъ
кукушка, и начнетъ плаканъ надъ пру-
томъ пшвоимъ. И шолько воронъ да ку-
кушка будутъ знати, гдѣ пш лежалъ; и
шолько одна кукушка будетъ гореванъ
о тебѣ. Жалъ мнѣ тебѣ сынъ мой, мой
милый воишъ, чшо промѣнать пш свою
вѣру на вѣру чужую. —

Долго-ли Темперенко жить между
Поляками и Уніаіаами,—объ этомъ нѣтъ
никакихъ свѣденій ни въ Лѣтописяхъ
ни въ преданіяхъ народныхъ; не извѣ-
стно даже ни одиъ изъ его подвиговъ.
Можно впрочемъ догадываться, чшо Те-
перенко за прежніи дѣла свои заслужилъ
уваженіе между Козаками; а, сдѣлавшись
опиешушикомъ, вредилъ Украинѣ и Вой-
ску какъ человекъ сильный. Наконецъ
Гайдомака Случай поймалъ его, — и ли-
шилъ жизни: о семъ обстоятельстве

говорить пѣсил (Зап. Спар. № I. стр. 49 — 53). Вотъ Русскій переводъ сей пѣсни:

— Славна стала, славна стала Рада
Чигринская: она унѣвила всю Украину.
Славна стала, славна стала Чигринская
бипва: на ней пали Капоники изъ По-
долья и Полѣсья. Славна стала, славна
стала Чигринская гроза: молодцы За-
порожцы онопни вѣхъ Капоницковъ.
Не сколько они онопни Капоницковъ,
сколько принесли себѣ радости; не
сколько себѣ радости сколько Под-
камъ, даровавши имъ миръ. Одно толь-
ко горе: Тетеренко подружился съ Ля-
хами, и, забывъ стыдъ, началъ разорятъ
вѣру Православную. — Раздался ропотъ;
начались споры: то Козаки сходились на
вольную Радѣ. И положили на Радѣ и-
скасть Тетеренка, и захвативши его въ
плѣнь опрубили ему голову. Тогда
обозвался храбрый Случай, и шакъ го-

ворилъ: — я его поймаю; я опрублию ему голову. Но прошу у васъ, Гайдомакъ, одной милости — подарите мнѣ, Случай, душу нечестивца. — И пошелъ Случай бродить, искалъ Теперенка. И вотъ, онъ приближался уже на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ. И когда онъ приближался на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ, Теперенко съ Поляками спалъ въѣзжани изъ леса. — Здравствуй, здравствуй, Теперенко! Какъ живешься твоей милости? . . . Гайдомаки приказали тебѣ поймать. — Тогда Поляки начали на Случай; а Случай началъ Гайдомакъ бить и рубить. И когда всѣхъ побилъ, всѣхъ порубилъ, тогда связать Теперенка, привязать къ коню, и поленить на немъ во всю прыть. Случай, Случай неспелся, а Теперенко бьется, и просить онъ, и молить Случай; но Случай отвѣчаетъ ему: — Бѣда мнѣ. — И минула бѣда, когда минули они сѣни, и быстро приехали къ Великой Свчѣ.

*Повѣсть Конисскаго о сльдствіяхъ
смерти Наливайка.*

— По истребленіи варварскимъ образомъ Гетмана Наливайка вынелъ опъ Сейма и вельможъ, имъ управлявшихъ, такой-же варварскій приговоръ на весь народъ Русскій, въ копоромъ объявленъ опъ вѣроломнымъ и буинливымъ, и осужденъ на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ его было оплученіе децупановъ Русскихъ опъ сейма національнаго и всего рыцарства опъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, опборъ Спаросивъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній опъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо холопами; а народъ, отвергавшій Уцію, схизматиска-

ми. . . . Города заняты гарнизонами и чинами Польскими, а селенія войсками; имъ-же всѣмъ дана была полная воля; и они грабили, насиловали женщинъ, а дѣтей мучили, убивали; обращали храмы Православныя на Унію. Духовенство Уніанское ѣздило въ колесняхъ, запряженныхъ 12 — 15 человекъ изъ Православныхъ; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду. . . Войско Козацкое примѣнно уменьшилось. . . .

11.

Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ Брестскаго Собора.

— Соборъ Брестскій возбудилъ въ народѣ всеобщее смятеніе. Для удержація онаго въ мирѣ войска Польскія вошли въ Малороссію подъ начальствомъ Корошнаго Генмана, и помогали Уніа-

пamъ увеличавать число своихъ приверженцевъ. Уніанцы дабы лучше дѣйствовать на народъ издали посланіе къ Православнымъ и небольшимъ воззванію, кои прибывали у церквей, убѣждая Малоросіянъ слушаться властей, кои дѣйствуютъ по воли Божіей на пользу ихъ тѣлесную и душевную, и грозя ослушникамъ проклинаніемъ и оплученіемъ отъ церкви. Кромѣ того снѣ *ходатаи* объ *исправленіи* *впрѣ* (выраженіе др. *Іѣтшониси*) перемѣняли антимиссы и преблники, и выдумывали обряды для чествованія и прославленія Папы. Воины Польки, бывъ разслаблены привсѣхъ значительнѣйшихъ церквахъ особенно въ важныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ кѣчипься въ церкви и бить себя въ грудь по-Римски, а при чтеніи Символа Вѣры прибавляли извѣстное рѣченіе о св. Духѣ, при чемъ возносимы были сабли на главы народа съ угрозами рубить непокорившихся. —

Помянутое Послание Уніановъ помѣщено въ М. Р. цѣликомъ, и цѣликомъ также внесено въ И. М. Р. 171 — 173. *Нѣкоторые* думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою Фанпазіей въ послѣдующее время, что буди-бы даже есть и подлинное, — гдѣ-то, въ какой-то иностранной книгѣ. — Какъ-бы ни было И. Р. любопытна какъ Собранію подобныхъ документовъ.

12.

Пѣснь о Сагайдачномъ въ переводѣ.

Башинскій-Каменскій полагаетъ, что Сагайдачный началъ гетманствованіе въ 1606 году, — и, кажется, ошибочно. Гораздо правѣе, или хотя правдоподобѣе сказаніе Конисскаго, который говоритъ что онъ избранъ Гетманомъ въ 1598 году. Гетманы: Головченко и Го-

любь, о коихъ говорятъ Оспровскій и Снебельскій, были, вѣроятно, вольно-избранные чашею Козаковъ, преданныхъ Шолыгъ, подобные Косикъ и Бородавкѣ. Банпынгъ-Каменскій пишесть (Срав. G. U. 112 — 120), что Сагайдачный, былъ низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, бодрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, права жестокаго, нещедраго, проливавшій кровь за малѣйшее пресупленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, И. М. Р. I. 162). Измцевичъ пишесть о немъ не такъ (D. Z. III. 522—533). И. У. называетъ его первѣйшимъ защитникомъ благочестія (сир. 74) Опрывокъ изъ пѣснй о подвигахъ Сагайдачнаго (Зан. Спар. No 58 — 60) можетъ опясати показаніе мнѣніе объ немъ Козаковъ и опношеніе, въ какомъ находился онъ къ нимъ. Вотъ переводъ этого опривка.

— По горѣ жнецы жнутъ, а подъ горою, подъ зеленой горою, Козаки идутъ.

Впередѣ идетъ Дорошенко, и стройно
ведетъ свое войско, свое Запорожское
войско. А въ средѣ идетъ Навъ Хо-
рунжій: силецъ и крѣпокъ его конь, его
конь вороной. За нимъ идетъ Сагайдач-
ный: онъ промѣняетъ жену свою на ша-
бакъ и шрубку. — Воронись Сагайдач-
ный! Возьми свою жену, брось шрубку
свою! — Недосутъ мнѣ вознѣся съ же-
ной, а шрубка шабаку пригодится въ
пути Козаку. Гей, капо шамъ въ лѣсу,
озовись! Не горюй! Мы выкрешемъ огня.
Мы закуримъ шрубки! —

Дорошенко, о которомъ упоминает-
ся въ сей пѣснѣ, есть Михаилъ Доро-
шенко, бывшій въ 1625 году Апаманомъ
Кошевымъ. Въ то время къ которому
относится пѣсня, онъ былъ вѣроятно
еще Бунчуковымъ, который, по обычаю
Козацкому, съ бунчукомъ Гемманскимъ
всегда шелъ предъ войскомъ, сопровож-
даемый главной дружиной Козаковъ ре-

естровыхъ. Припомнимъ опривокъ изъ
пѣснѣ, помѣщенный на 115 стр. Запир.
Спар. № I: — Въ первомъ наборѣ были
всѣ реесировые; во второмъ наборѣ
всѣ Хорунжіи; а въ третьемъ наборѣ
всѣ Куренные (въроизно, охочекомон-
ные).

Максимовичъ иначе думаетъ о сей
пѣснѣ, утверждая, что она относится
не къ Генману Сагайдачному, а какому-
то забубенному спутнику Дорошенка.
(Телескопъ. 1854. № 6. 92. и Мал.
Пѣсп. Москва. 1827. 214). Можетъ
быть и правда; но доказательствъ? И
почему же о спутникѣ Дорошенка на-
родъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ
ничего; какъ между тѣмъ Генманъ Са-
гайдачный, упоминается и въ сказкахъ,
хотя жилъ и прежде Дорошенка? Помни
Дорошенка. народъ, конечно, помнить бы
и его спутника, если сложить о немъ
пѣсню.

Копляревскій говоритъ, что прозваніе Сагайдачный происходитъ отъ слова Сагайдакъ = нуль, впадина, спрыль. Иные думаютъ, что прозваніе Сагайдачного Копаневичъ получить отъ того, что имѣлъ земли по шляху Сагайдачному, или Сагайдаку, т. е. дорогѣ продолженной между солончаками. О шляхѣ Сагайдакъ есть пѣсня чумацкая. Вошъ опрывокъ изъ нея, мнѣ извѣстный:

— Ой ѣхавъ на чумакъ изъ волаши,

Та по сѣль, на по сѣль изъ волаши.

Та ѣхавъ чумакъ, на ѣхавъ чумакъ шѣмъ
довгимъ шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагайдакомъ.

Ой и зуспрѣлансь ёму Горбунѣви:

— Де буши, де блукали, напониці?

— Ой блукали, чумаче, шѣмъ довгимъ
шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагайдакомъ ;

Та й блукали не одни, зъ Гешманьскимъ
рапомъ

По надъ сагою, по надъ байракомъ;
Та й привериули до Панського рога,
А у Панському розі, при бишій дорозі,
Папа Гордія слухали до ночи...

— Другая пѣсня доспавлена мнѣ П.
В. Росковищенковымъ, которому обязанъ
искренней признательностью за богатый
вкладъ въ мою Украинскую сѣрнию. —
Еще одна чумацкая пѣсня о Сагайдакѣ,
доспавленная мнѣ П. Лисавицкимъ, начи-
нается такъ:

— Браше, браше чумаче, а де зано-
чуемо?

— Ой заночуемо бѣля Рябій могилы. —

Шляхомъ Сагайдакомъ чумака водили,

Та й у могилы похоронили.

Поховали его, покинули его.

Тя-жъ Ряба могила зъ вѣтромъ гово-
рила:

Та про Козака Сагайдака говорила...

— Близъ мыса Кичкаса на лѣвой спо-
рохъ Днѣпра у самого берега есть лѣсъ
или роща называемая Сагайдакомъ! — Не
подалеку отъ рѣки Самари въ Изюм-

скомъ уѣздѣ Хар. Губ. есть могила называемая также Сагайдакомъ и мѣловая гора съ пещерою того-же имени.

15.

*Походы Козаковъ противъ Татаръ
и Турокъ.*

Время Сагайдачнаго есть время во-
енной славы Запорожцевъ. Не прошло
года, что бы они не отправились или въ
Крымъ или въ Анаполию. Современникъ
сихъ событий Мубенскій говоритъ: —
hoc genus hominum parvis cymbis quarum
singulae non plures quadraginta milites ca-
piunt, per ostia Borysthenis egressum, Asiae
minoris Thraciaeque littora pervagos esse
ac excursione factâ urbes et oppida expilasse,
ipsi Regiae urbi Constantinopolitani non
semel terrorem incussisse, quod et hisce
annis aliquoties factum fuisse scimus; —
еще: — saepe terrâ sed frequentius mari

rem gerere, furtivis excursionibus, potissimum iis in quorum confiniis versantur Christiani nominis hostibus graves molestosque esse...

Подробно о сихъ походахъ и набѣгахъ говоритъ Бонлицъ.

— Козаки—говоритъ опъ—почти ежегодно на ладьяхъ своихъ разгуливаютъ по Черному морю для нанесенія ударовъ Туркамъ; неоднократно грабили они владѣнія Крымскаго Хана, опустошали Иашолю, разоряли Трензюнитъ, доплывали до Босфора и даже въ прехъ миляхъ опъ Конешанинополи предавали все огню и мечу. Число Козаковъ, предпринимающихъ такіе набѣги, не превышаетъ — 10,000 воиновъ. Задумавъ погулять на морѣ Козаки испрашиваютъ дозволеніе не у Короля, но у Гетмана. —

— Иногда не у Гетмана, а у Ашамана; иногда выступали въ походъ и сами по своей прихоти, какъ то часто, дѣлавали Гайдомаки. =

— Попомъ соснавлиють Раду, и выбираютъ на время походаго Апамана.—

== Очень часно Козаки ходили въ походы подъ начальствомъ самихъ Гейсмановъ или Кошевыхъ Апамановъ. ==

— После сего они хорошо вооруженные отправляючися въ числѣ 5 или 6000 въ Войсковую Скарбину со снарядами и запасами, необходимыми для похода и для поспройки ладій; и, поспроивши оныя, обыкновенно послѣ Иванова дня отправляючися въ походы, возвращаясь не позже первыхъ чиселъ Августа мѣсяца.

== Морскіе походы Изюмовыхъ Козаковъ—говоритъ Шатонскій,—начинались съ ранней весны и оканчивались поздней осенью во время новой прибыли воды на Днѣпръ. ==

— Ладьи Козацкія спускаются по Днѣпру, и плывутъ такъ тихо, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами.—

== Не правда. Обыкновенная форма расположенія ладій у Козаковъ была—

гусемъ вестни, — или журавлемъ шягши: гусемъ или гуськомъ ш. е. одна за другою рядомъ; журавлемъ ш. е. угломъ, такъ что главная ладья соснавляла средину и передъ, и была обыкновенно снабжена пушками. =

— Аппаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранее узнають о предпріятіи Козаковъ, и чинобы удержаніе ихъ, разсѣиваютъ галеры свои на успѣѣ Дѣйровскомъ. —

= Откуда могутъ Турки узнать о предпріятіяхъ Козацкихъ? Лубецскій именно говоритъ, что Козаки ходили на невярныхъ *furtivis excursionibus* (Cens. Jul. Bel. 225). — Турки не одними галерами, нарочно для сего посылаемыми — по словамъ Боцлана — удерживали Козаковъ отъ выхода въ Черное море, но имѣли на успѣѣ Дѣйра нѣсколько крѣпостей, снабженныхъ пушками, о чемъ упоминають многіе Лѣтописцы. =

— Хитрые Козаки для выхода въ море избирають ночь самую темную,

предъ поволуіємъ, а до того времени скрываются въ 3 или 4 миляхъ отъ устья Дибра, въ камышахъ, куда галеры Турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ сберегаютъ Козаковъ только на устье, и всегда безъ устѣха. Впрочемъ прѣздъ Козаковъ чрезъ Диманъ не можетъ совершено укрыться онѣ спрѣжн; вѣсь о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцевъ по берегамъ Маполіи, Бугаріи и Румеліи для предостереженій жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Козаки, пользуясь и временемъ и обстоятельствомъ, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Дибры причаливаютъ къ берегамъ Маполіи, и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пикалами дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опусто-

шаютъ Наполею, не рѣдко на цѣлую мѣлю
отъ морскаго берега; пономъ немедленно
возвращаются къ судамъ, нагружаютъ
ихъ добычею, и плывутъ далѣе на новыя
поиски.!

= Очень хорошо; но что же такое
былъ Султанъ? Онъ галерами удержи-
валъ Козаковъ отъ выхода въ море, а не
посылалъ галеръ къ Козацкимъ судамъ,
когда онѣ осмѣивались подъ надзоромъ и
охраненіемъ шотскаго караула; онъ увѣ-
домлялъ своихъ подданныхъ о нападені-
яхъ Козаковъ, слѣдственно зналъ и родъ
сихъ нападеній, и слѣдствія оныхъ, слѣд-
ственно жалѣлъ своихъ подданныхъ, а
не думать объ опираженіи Козаковъ вой-
сками, и предоснавлилъ имъ свободу гра-
бить города. . . Онъ, Султанъ, сирани-
ный Польскъ и Германіи! — Чшо шибудъ
да не такъ! =

— Если еснѣ надежда на успѣхъ, то
вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ, воз-
вращаются съ добычею на родину. Если
понадушея имъ на вострѣчу на морѣ Ту-

роцкія галеры или купеческіе кораблі, они бросаючися на нихъ въ абордажъ. Замѣчаютъ-же они корабль непріятельскій или галеру прежде, нежели Турки замѣчатъ ихъ ладьи, возвышающіяся надъ морскою поверхностью не болѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, Козаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра, и спускаются такимъ образомъ, что-бы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захода солнца они плывутъ на вѣхъ веслахъ къ кораблю и останавливаются на мѣсто отъ него, что-бы не упустили непріятеля изъ виду. На конецъ въ полночь по данному знаку уснащаются на врага: половина удаловъ, гошовыхъ къ бою, съ переплывомъ ждентъ абордажа; и, сѣвшившись съ Турецкимъ судномъ, въ одинъ мигъ всходятъ на оное. Турки уснащаются; а Козаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которыми не вредитъ подмочка, пушки и все что, что можетъ быть для нихъ

полезно, пускають корабль на дно со
всѣмъ его экипажемъ. —

== Иногда и сожигали: подобныхъ слу-
чаевъ Лыпонисцы рассказываютъ много. ==

— Козаки иногда только прешертивва-
ють поражение, когда сойдутся съ Ту-
рецкими галерами среди бѣлаго дня;
иногда пушечные выстрѣлы губятъ ихъ
ладьи въ морской безднѣ, и Козаки и-
щутъ спасенія въ бѣгствѣ. Если же
рѣшаются на битву, то, привязавши
весла по мѣстамъ, одни изъ нихъ, не
прогавъ съ лавокъ, стрѣляютъ непре-
рывно изъ самопаловъ, а другіе заряжа-
ють ихъ и подають новаринцамъ; и та-
кимъ образомъ мѣлкіе выстрѣлы ихъ
не допускають Турокъ до ручной схват-
ки. —

== Но развѣ Козаки боялись ручной
схватки съ Турками? Кажется, для нихъ
были страшнѣе ихъ пушки. Козаки бы-
ли лихіе борцы, и мѣлко стрѣляли изъ
пищалей, и ловко рубились на сабляхъ. ==

— Впрочемъ урокъ соспороши Козаковъ бываеиъ всегда великъ: рѣдко уцѣлѣеиъ изъ ихъ дружины и половина. —

— Сказаніе чрезвычайно важное. Если пакъ великъ былъ ихъ урокъ всегда, и. о. по иѣсколку разъ ежегодно, ииѣмъ пополнялась убыль дружины? Вся Украина со всѣмъ народонаселеніемъ своимъ могла-бы скоро превратиться въ пусыишу; если-же Украина не только не пусыѣла, но заселялась все болѣе, ииѣ, вѣроятно, были побѣги изъ сыранъ чуждыхъ въ Коиъ Запорожскій, и побѣги огромными полнами. Но было-ли это? Вліяіе чужеземцевъ ииѣвѣрцевъ на нравы и обычаи Козаковъ было-бы въ ииѣкомъ случаѣ пакъ сильно, что въ продолженіе ииѣрехъ вѣковъ Козаки совершенно потеряли-бы свою народносиъ; и между ииѣмъ Козаки XVIII вѣка не разиились почти ииѣмъ оиѣ своихъ предковъ вѣка XVI. Даже самый языкъ — не говоря уже о вѣрѣ — ииѣмѣнился очень мало. — Спало быиъ:—

— Наконецъ наступаетъ время возвра-
та на родину. Турки между иѣмъ уси-
ливаютъ стражу на устьѣ Днѣпров-
скомъ; но Козаки смѣются надъ этимъ
даже и тогда когда бывши съ цѣлымъ
лемъ уменьшили число ихъ, или воина
морскія погонщики иѣкоторые изъ уни-
лыхъ ихъ ладій. Они причаливаютъ въ
заливъ въ 3 или 4 миляхъ отъ Очакова
на восшокъ. Отъ сего залива къ Днѣ-
пру идетъ низкая лощина длиною около
3 миль, которую море иногда заливаетъ
на $\frac{1}{4}$ мили, покрывая ее водою не болѣе
какъ на $\frac{1}{2}$ фуна (луга). Чрезъ сію ло-
щину Козаки перенаскиваютъ свои су-
да: надъ каждымъ челомъ спрудилося
200 — 300 человекъ (! ?), и чрезъ 2 — 3
дня весь флотъ, обремененный добычею,
является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ
Козаки избѣгаютъ сраженія съ Турец-
кими галерами, спояющимися на устьѣ
Днѣпровскомъ близъ Очакова, возвраща-
ющиеся въ Войсковую Скарбину, и дѣ-
лятъ тамъ добычу. — Если и другая до-

рога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, разделяющій Тамань отъ Керчи, по Донскому Диману и рѣкѣ Мису. Проплывши по сей рѣкѣ дверхъ проливу итеченія покуда можно, Козаки переходящъ волокомъ на Товча-воду, и плывущъ по ней въ рѣку Самарь, и пономъ Самарью, вливающуюся въ Дибирь, выше Кайдака; впрочемъ Козаки рѣдко избираютъ путь сей по отдаленности его отъ Запорожья. Иногда они избираютъ его и для прохода въ Черное море на устьѣ Дибиревскомъ. —

— Сухимъ путемъ Козаки ходили по такъ называемому снгарому Крымскому шляху, Серияжскому шляху, Сагайдаку, шляху Вершводу и пр. Снгарый Крымскій шляхъ или Моравская дорога по различнымъ мѣстамъ имѣла различныя названія; часть его отъ рѣки Самари къ Осокоровкѣ называлась Серияжскимъ шляхомъ; другая часть проходившая въ Молдавію называлась Сагайдакомъ; доро-

га по берегу Дибъра около пороговъ называлась шляхомъ Вершводомъ: ано-же имя посуль и водный пулъ по Дибъру ошь Монастырика (острова) до Кичкаса. Сими дорогами они доходили до Крымскихъ и Будацкихъ Танаръ. Въ Турцію они проходили иногда чрезъ Будацкія земли, иногда и чрезъ горы Кавказскія если вѣрнѣе Кошисскому. — Въ подобныхъ походахъ они всегда располагались таборами. — (*Извѣщеніе изъ Укр. Восп.*)

14.

Пѣснь о Савѣ Чаломѣ въ переводѣ.

Сава Чалый — одинъ изъ любимцевъ памяти народной; бандуристы поютъ о немъ много пѣсень — очень любованныхъ; въ нихъ описана вся жизнь его довольно подробно. Важнѣйшая изъ сихъ пѣсень есть та которая помѣщена въ

Но I. Зап. Снар. 60 — 83. Въ другой, изъ коей у меня находится только отрывокъ, упоминается, что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. Надѣюсь получить сѣю писмо въ полномъ спискѣ, и тогда напечатано въ Дополненіяхъ къ I часни Зап. Снар.

Но вѣкъ върожденіемъ суда, Савла Чалый былъ предводителемъ пѣкаторой часни Козаковъ, передавшихся на сторону Польши, и имѣвшихъ своихъ соопшвенныхъ Генмановъ, каковы были: Головченко, Голубь, Кушка и Вородавка. Изъ сихъ послѣднихъ говорить Конисскій, и, судя по сравненію его сказаній съ другими лѣтописцами, довольно вѣрно. Воить его слова: — Польки въ опроверженію Генмановъ Сагайдачнаго, а болышо чинъ бы сваны вражду и междоусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ, выбрали съ присеракошными къ динъ полками Генманомъ изъ Сошилкоа Демьяна Кушку, а онъ издумалъ прославишеся военными подвигами, и заслуживъ общее

пѣмъ уваженіе отправился съ войсками въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ Христіанъ, шаманскими Татарами на границахъ Подоліи забранныхъ, но приближась къ городу Акерману былъ атакованъ Турками и Татарами и взятъ въ плѣнъ и истребленъ. Намѣсто Кушки Поляки выбрали Геншаномъ Снарпину Козацкаго Бородавку; но Сагайдачный поймавъ его разтѣвжающаго по Малороссіи для возмущеній, предать его суду, конерый осудивъ его яко самозванца и возмущителя народнаго на смернь, велѣлъ распирать предъ войскомъ; такъ и сдѣлали. — Въроянню сему Бородавкѣ наследовалъ Сава Чалый, ибо въ С. 3. XII. сказано, что въ шое время возсталъ еще лѣкій Сава Голованъ съ войскомъ Малороссійскимъ и Польскимъ супротивъ Сагайдачнаго. Чалый могъ называться по какому нибудь случаю и Голованомъ. Припомъ легко можетъ быть, что Сава Чалый есть поже самое лице, конорое Снебельскій

называется Головченкомъ. Между тѣмъ
вонъ что говорить гдѣсь о Савѣ Ча-
ломъ:

Жилъ былъ въ Сѣвѣ старикъ Ко-
закъ и назывался Чалымъ. Онъ воспи-
талъ сына Саву на славу Козакамъ. Но
Нашъ Сава не захотѣлъ служить Коза-
камъ, а пошелъ къ Полякамъ межъ ними
добывать себѣ славы. Пошелъ онъ слу-
жить въ службѣ Польской и разорялъ
вмѣстѣ съ ними церковь Православную.
И былъ себѣ Сава и вѣлъ польско
сало да палицы (булки); и не любилъ
онъ юныхъ дѣвцъ, любилъ однихъ мо-
лодцъ; не любилъ онъ и Нашевъ Ко-
законъ, любилъ однихъ Капонишковъ. Са-
ва погубилъ, Сава продать на всегда
свою вѣру. — Тогда собрались Запорож-
цы, сходились на Раду, разсуждали о по-
ходахъ. Они все пришли, все пришли;
одного только дѣлать. — За чѣмъ-же не
пришелъ ны на Раду отецъ Чалымъ? —

Зачѣмъ-же идѣти мнѣ, Папы Козаки, на Раду; если вы хотѣли погубить на вѣки моего сына Саву! Хотѣли онъ и приспалъ къ Капюликамъ, — но для чего вы возгордились предъ нами? — Возгордились ли Сава или нѣтъ — говорить Козаки: но слава его стала недоброй, горькая была: Панъ Сава не только разоряетъ церковь Православную, онъ сдружился съ черными и сталъ колдуномъ. — Тогда обзвался Голый, и говоритъ: — я хорошо знаю Пала Саву; я захвачу его. — И разошлись Козаки съ Рады, и свѣдали кѣней, и выступали въ походъ. А между тѣмъ Сава пьетъ на пиру у Поляковъ въ городѣ Немировѣ, и не думаетъ и не знаетъ о горькой бѣдѣ своей. И пьетъ Сава, и веселится, и корчитъ себя Полякомъ; а къ нему къ Савѣ прѣзжаетъ гонецъ. — За чѣмъ ты, Ома? ... Все ли благополучно у насъ? — Промешнали, Панъ, дорожку, ко двору повсему; но все хорошо, все благополучно: только Гайдомаки часто выглядываютъ изъ-за го-

ры. — Вошь бѣда! Выглядываюць! По-
миѣ ихъ боишься! Развѣ пѣть у меня
войска. И не опоздаю. Подведи-же миѣ,
молодецъ Ома, своего вороного коня; а
самъ осѣдай, самъ пригонишь для себя
гнѣдаго снарики. — И поѣхалъ Сава изъ
Немирова на ворономъ конѣ; а прѣхав-
ши, началъ думать о судьбѣ своей. —
Доля ны моя, доля — говорили Сава —
щербаная доля! — И спрашивають отъ
слугу своего: — Все ли благополучно у
насъ? — Все хорошо, все хорошо, Панъ
Сава; еще лучше съ шобою, когда уви-
димъ шебя на ворономъ конѣ. Все хо-
рошо, все хорошо, Панъ Сава; только
часно Козаки выглядываюць изъ за го-
ры. — И сѣлъ Сава въ конѣ снота, и
пищеть письма; а его молодая жена ва-
чаетъ дитя. Сава пишеть письма; Сава
думають думу, — и вошь отъ Сава, Панъ
Сава замышляють дѣло. — Сходи ны, мо-
лодецъ, въ подвалъ, и принеси вина: вы-
пьемъ чару за здравье жены. Сходи ны,
молодецъ, въ подвалъ, и принеси шива:

выпьемъ чару за здравье сына. Сходи ты, молодецъ, въ подвалъ, и принеси меду... Мнѣ у грустно и тошно, .. головы не сдержу. — Сидишь Сава въ концѣ снола, и читаешь письма, а молодая жена его думаетъ и задумывается. Сидишь Сава въ концѣ снола и зовешь къ себѣ молодца; а молодая жена его плачетъ и рыдаетъ. Не уснуть молодцу спать ключей со снѣны; Испанъ Голый спалъ съ дружиной вороны дома. Панъ Сава выглянулъ въ окно, а Гайдоманъ бродитъ уже по снѣмъ. — Здравствуй, здравствуй Панъ Сава! Какъ поживаешь; издалека къ тебѣ гости пришли, чѣмъ-то угостишь ли ихъ: медомъ-ли пивомъ-ли или виномъ. И прощайся ты съ сыномъ, съ женой! — Чѣмъ же угостишь мнѣ васъ? .. Даровать мнѣ Господь Богъ сына, — окрестите его. — Не за нѣмъ мы пришли къ тебѣ чинобы крестить у тебя; мы пришли разцѣпаться съ тобой. Веди-же васъ, Панъ Сава, въ новый амбаръ; и отдай намъ,

Пань Сава Козацкую сбрую; ошдай намъ сукна и шелковыя ткани, копорыя мы нажили, вражий сытъ, по милосини Козаковъ. Не за нѣмъ мы пришли къ тебѣ, чинобъ крестинишь у тебѣ; мы пришли спяшь голову съ тебѣ. Если мы хотѣли выбирани себѣ кумовьевъ изъ Запорожцовъ, то не долженъ былъ-бы разоряти церквей. — И кнаулся Пань Сава къ лсной сбруѣ своей; но Гайдомакн подняли его вверхъ на шрехъ коньлахъ. И Сава верипишся, уверпывасишся, и прощасишся съ женою своею. — Позвольте мнѣ, Гайдомакн, съ женою проспипишся, козвольте мнѣ съ силою обратишся. И не уснѣвъ Пань Сава вспрывнуиш на коня, его заковали въ оковы и спали класиш на шелегу. — Паны Запорожкны, ужели вамъ слава, чино у васъ лежишъ Сава заминый въ оковы? Если-бъ вы освободили меня изъ оковъ, то пріобрѣли бы себѣ болѣе славы. Вы пріобрѣли-бы себѣ болѣе славы, если-бъ по воли приняли меня въ дружину свою. И Сава верипиш-

ся, уверивается, и прощается съ же-
ною своею; и кланяется Панамъ Коза-
камъ на всѣ чешыре стороны. И дали
Савъ свободу, и выступили въ походъ, —
и благодарили богатыря Саву. Не успѣлъ
Пашъ Сава вспрягнуть коня своего, и
началъ Поляковъ, и началъ Поляковъ
класъ какъ снопы. Не успѣлъ Пашъ
Сава сѣсть на коня, — было Поляковъ
сорокъ тысячъ — оспалось двѣсти. И
какъ глинеи Пашъ Сава на правую ру-
ку: — Выноси-жъ меня, конь мой, изъ
подъ Польскихъ ируновъ. — И какъ
глинеи Пашъ Сава на правое плечо: —
Передъ нимъ и за нимъ текутъ рѣки
крови. —

15.

Сказаніа о смерти Сагайдачнаго.

Большая часть лѣтовисцевъ гово-
рятъ, что Сагайдачный раненъ въ бии.

въ Хонинской, и умеръ оны рапы. Одиъ только Рогачевскій заснавленъ его умеръ на поляхъ Хонинскихъ. Шкопоре, въ числѣ конхъ и Конескій, не говоритъ и о рапахъ. Конескій прибавленъ, что Сагайдачій при концѣ жизни своей, перучилъ дѣла военныя Наказному Генману своему Петру Жинькому, — и, проживши въ полной славѣ великаго и важнаго Генмана Малороссійскаго болѣе 23 лѣтъ, скончался въ 1622 году. . . Шные унверидируютъ, что онъ предъ смерію поспиритъ въ шокы.

О свдой бородѣ Сагайдачнаго еснѣ преданіе народное; но оно здѣсь не въ дѣлу.

16.

Сказанія о Кунцевичѣ.

Іосафатъ Кунцевичъ, Архіепископъ Полоцкій, Letbi Roza (K. P. 1. 92.) при-

крывалъ свой свирѣлый правъ видимымъ смиреніемъ и святошью, носилъ грубую власяницу а во время литургіи излещенный желѣзный поясъ, и каждый день бичевался (С. У. 123.). Онъ родился во Владиміръ и былъ сынъ сапожника, а потомъ добылъ себѣ званіе Шляхшича; какъ сказано въ рѣчи Давреннійя Древницкаго Депутата и Чашника земли Вольнской, на Сеймѣ 1620 года, въ присутствіи Сигизмунда III (II. У. 72.). Характеръ и поступки Кушцевича превосходно представлены въ письмѣ къ нему Канцлера Липовскаго Льва Саньги. Переводъ сего письма см. въ Рос. Магаз. III. 474 и пр. а сокращенно въ II. У. 75 и слѣд. — Архіепископъ Меленій Смолицкій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Православія, будучи избранъ Патриархомъ Θεοφαναємъ на Епархію Полоцкую, пріѣхалъ въ Вишнебскъ, и, скаясь надъ жителями его, коихъ угнеталъ Иосафантъ, подать имъ совѣтъ умеривши его. Совѣтъ принявъ, и Иоса-

дани въ 1623 году были умерщвлены; а Униавы, починяя его за мученика, причислили къ лику Святыхъ Римской церкви, вмѣсто мощей сжали показывать его восковую снаниую, и еще сильнѣе начали угнѣблять Православныхъ (И. У. 84. 85). Зачинщики заговора проишь Кушневича были преданы казни.

Сравни Д. З. VIII. 312.

17.

Дума о Безродномъ въ переводѣ.

— Съ Мечасмъ погибши и многіе сподвижники его: Горленко, Синосура, Оома Безродный. . . . С. 3.

Сей Безродный, коего переписчики по ошибкѣ переименовали Оомою, еснѣ, конечно, Оедоръ Безродный, о коемъ говоришь Дума, помѣщенная въ Зап. Снар. Но I. снпр. 91—94; покрайней мѣрѣ ни одного Ашамана такого прозванія, кромѣ сего

Федора или Оомы, — сколько мѣвъ навѣ-
сипно, — не было у Запорожцевъ до сама-
го раззоренія Сѣчи.

— По надѣ Сагой Дибровекой моло-
дой Козакъ обѣдаешъ, и недумаешъ оиъ,
и не гадаешъ, чино на него молодого, и
на его юнаго Чуру, наснигаешъ бѣда.

То не дуговыя вербы зашумѣли, шо
наелнѣли безбожыя Танары Ункалы,
и саблями и выстрѣлами ранили Федора
Безроднаго, Ашамана Куревнаго; не пой-
мали только юнаго Чуры. Тогда Чура
идешъ къ Козаку, промываешъ глубокія
раны его; и Козакъ говоритъ ему: —
Чура мой Чура, мой вѣрный слуга! Иди
ты снечью по надѣ Дибромъ; и при-
слунайся: гуся-ль шо кричанъ, или шо
лебеди ячанъ, или шо Ункалы гудящъ,
или шо Козаки Дибромъ идущъ? Если
шо гуся кричанъ или лебеди ячанъ, раз-
гони ихъ; если-жь Ункалы гудящъ, укрой
меня; если-жь шо Козаки идущъ, скажи

имъ: пусть они причаляютъ челны свои
къ берегу, и шавѣняютъ меня Козака
Федора Безроднаго. — Тогда Чура по-
несъ бродни въ берегу, и увидалъ Ко-
законъ, и манитъ ихъ шанкой своей, и
молвитъ имъ: — Наны молодцы, будьте
добры, причальте къ берегу челны свои,
посылавшие къ Куренному Ашаману. —
И услышали Козаки рѣчи снѣ, и прича-
лили къ берегу, и пришли къ Ашаману.
Тогда Козакъ звалитъ Чуру, говоритъ
такія слова:—Чура мой, Чура, вѣрный
мой слуга! Будь вѣрнѣе чести, и бу-
дущъ тебѣ Козаки уважать. — Такъ го-
воритъ онъ, и проситъ у всѣхъ проще-
ніе, и отдаетъ душу милосердному Богу.
Тогда Козаки конами саблями мотну,
шанками и приколами выбрасываютъ зем-
лю, хоронятъ Федора Безроднаго, и свѣ-
дятъ изъ семнадцати лѣтъ, и жа-
лобно играютъ въ трубы. И твердо вѣ-
риша душа Козацкая, что не умретъ
безъ Войска Козацкаго. —

Чура — молодой слуга, какихъ нѣтъ при себѣ великій Козакъ иногда по два и болѣе. О нѣкопорохъ изъ Чуръ упоминается и въ Лѣтописяхъ. Пясецкій (р. 477) упоминаетъ о Цюрахъ, коихъ количество при войскахъ часною въ плоть превышало разъ самое войско.

Называли *Ункалами* Запорожцы опрасель Буджаковъ, славившихся храбростью. — Буджацкіе Ункалы или Гункалы. — Венгерскіе Гункалы. —

— Не сходны-ль они съ *ушкунниками* нашими, получившими названіе отъ легкаго судна, на коемъ плавали? И. Сп.

18.

*Привиллегіи, данныя Сигизмундомъ
III Грекороссіянамъ.*

Въ 1589 на Сеймѣ Варшавскомъ Сигизмундъ III далъ привиллегію духовен-

снву Грекороссійскому сохраняя въ
нихъ чины въ снѣхъ, власни, чести и до-
стоинствѣхъ на равнѣ съ духовенствомъ
Католическимъ.

Въ 1687 года Консинуція: — успо-
коивая вѣру Греческую, предостерега-
емъ, чино чиновъ и мѣстностей духов-
ныхъ иначе раздавать не будемъ, какъ
только сообразуясь учрежденію оныхъ и
древнему обычаю предковъ нашихъ, оны
коихъ оны имъ даны ш. е. людямъ Шля-
хетскимъ народа Русскаго и прямо вѣ-
ры Греческой, и не дѣлаемъ предосуж-
денія въ совѣсти ихъ по законамъ, и
свободнаго управленія службы ихъ, по
древнимъ ихъ обрядамъ. —

Въ 1600 году издана Консинуція, гро-
зившая судомъ и тѣмъ наказыванъ оби-
дѣнныхъ, и обѣщавшая окованелью
успокоить все ссоры между Уніатами
и Неуніатами на будущемъ вскорѣ Сеймѣ.

Въ 1618 году подтверждена свобода
Богослуженія Грекороссіянамъ, а совер-

шешное успокоеніе вѣры Греческой о-
существлено онымъ до слѣдующаго Сейма.

На Сеймѣ 1620 подтверждена Кон-
сигинація 1607 года относительно Ду-
ховенства Грекороссійскаго.

Въ 1625 году выдана Консигинація
въ удостовѣреніе спокойствія Уніановъ
и Неунинцовъ; а рѣшеніе дѣла относи-
тельно Уніановъ и Неунинцовъ снова
отложено до будущаго Сейма.

Въ 1627 году вынута Консигинація
съ подобнымъ обѣщаніемъ.

Также сдѣлано и на Сеймѣ 1631 го-
да (И. У. 65 — 88).

19.

Сказаніе Боплана о Койдакѣ.

— На Койдакѣ въ Іюль 1635 года —
говоритъ Бопланъ — былъ заложенъ мною
замокъ; но послѣ моего отъѣзда въ Ав-

гусей мѣсяцъ пѣкипо Сулима (Soliman), предводившемъ мятежныхъ Козаковъ, возвращался съ моря и видя, что замокъ преграждаетъ ему путь, нанять на оный врасплохъ, и изрубить 200-иный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ Полковника Маріона, родомъ Француза. —

— Въ С. Г. З. сказано, будто Койдакомъ въ то время начальствовать какой-то Тмишскій. —

— Взявъ и разграбивъ сію крѣпость, Сулима возвратился въ Банорожье; но Козаки не долго владѣли тогда Койдакомъ: по распоряженію великаго Конецпольскаго, они были осаждены вѣрными Козаками и взяты въ плѣнъ. Сулима со всѣми единомышленниками пойманъ былъ уже въ послѣдствіи и четверикованъ въ Варшавѣ. —

— Конискій говоритъ, что всѣмъ синаришамъ отрублены головы, и отосланы въ города Малороссійскіе. —

— Впрочемъ Поляки осаждали безъ вниманія Койдацкую крѣпость, и нѣмъ развязали руки дерзкимъ Козакамъ, кои взбунтовались въ 1637 году. 16 Декабря около полудня, мы встрѣтили 18,000 войско ихъ, появившееся въ набѣорѣ при Кумейкамъ. Хотя опрѣдѣлить намъ ихъ не болѣе 4000, однако-жъ мы не замедлили напасть на Козаковъ и разбили ихъ. Сраженіе продолжалось до полуночи: около 6000 Козаковъ легло на мѣстѣ, а прочіе, осаживъ насъ 5 пушекъ и поле бившы, спаслись подъ защитною мрачною ночью. Мы потеряли 100 ч. убитыхъ и 1000 раненыхъ, въ числѣ убитыхъ находились: Подполковникъ Морвилъ, его Прапорщикъ, Капитанъ Юскескій, Поручикъ Лакромпадъ и многіе другіе иностранцы. Война продолжалась до Октября слѣдующаго года. По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4000 воиновъ отправился на Койдакъ, и осаждалъ насъ до того времени, пока крѣпость не была приве-

дена въ оборонительное положеніе, и. с.
около мѣсяца.

20.

*Повѣсть Кошисскаго объ убіеніи
Острицы и его товарищей.*

— Поляки свѣдавши чрезъ шкѣпцовъ
своихъ Жидовъ о побѣдѣ Геймана
Острицы съ шпаномъ своимъ безъ
наличной справки въ Каневъ, шунтъ въ
монастырь его окружили многочисленною
мною войскою своихъ, принадлежавшихъ по
почамъ и байраками до самаго монасты-
ря, который стоялъ въ города. Гей-
манъ узнавъ о семъ предательствѣ, ко-
гда городъ и монастырь войскомъ Поль-
скимъ были уже окружены, и поному
сдѣлся имъ безъ сопротивленія, и они
перевязавъ весь панашъ Гейманскій и
его самого, а всего 57 человекъ положи-
ли ихъ на просныя постыли, а монастырь

и церкви шамоніи разграбивъ до послѣда, зажали ихъ со всѣхъ сноровъ и сами съ узниками скоропоспѣшно убрались, и пришли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и наваденія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ поспроили узниковъ своихъ въ два ряда lying связанныхъ по два и каждому изъ нихъ накунули веревку на шею съ петлею, за которую ведены были они конницею по городу съ шумомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя, что сіи ехизманики пойманы на сраженіи надъ ними одержанномъ; а потомъ оказаны и заверены въ подземныя тюрьмы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ забравши съ собою малолѣтнихъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность шамоніею проташельнымъ представителемъ дѣтей за нихъ ошцевъ. Но они сими нишу кровожадныхъ пирановъ умножили, и ошководичего не помогли. — Чишовики сіи по

тѣсколькихъ дѣлахъ своего започенія по-
влечены наказъ. Зрѣлище сіе открыва-
ла процессія Римская со множествомъ
Кеселзовъ ихъ, кои уговаривали Малорос-
сіянъ, чпобы они приняли законъ ихъ;
но сіи ничего не отвѣчая, молились по
своей вѣрѣ. Гешмагъ Осиряница, Обоз-
ный Сурмилъ и Полковники: Недригай-
ло, Бюокъ (Павлюкъ) и Рыцарь были
колесованы. Полковники: Гейдаровскій,
Супримъ, Заналий, и Полковые Обозные:
Кизимъ и Сучевскій пробиты железны-
ми пашквозъ и подбиты живые на сваи.
Асаулы Полковые: Песнылицъ, Гарушъ,
Супыга, Подобаи, Харкевичъ, Чуданъ и
Чурай, — и Сошники: Чуприна, Окуло-
вичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворож-
банъ пробиты гвоздями сподіе къ до-
скамъ обшитымъ смолою и сожжены
недлешнымъ огнемъ. Хорунжіе: Могилы-
скій, Загребъ, Скребило, Ахшырка, По-
пурай, Бурлий, и Загмбидъ расшербаны
железными когциями похожими на мед-
вѣжью лапу. Спаршныи: Мецельи и Ту-

гай чешверпованы. Жены и дѣти спра-
дальцевъ вошли. Женамъ обрѣзавши гру-
ди перерубили ихъ до одной, а сосцами
ихъ были мужей ихъ, бывшихъ еще жи-
выми, по лицамъ ихъ; оснавившихся по
манеряхъ дѣтей пережгли всѣхъ въ ви-
ду ошцевъ на железныхъ рѣшеникахъ,
подъ кои подкладываемы были уголья и
раздуваемы шанками. Главные члены че-
ловѣческіе, опрубоченные у чиновниковъ
развезены по всей Малороссіи и развѣ-
шены на еваяхъ. Развѣзавшія при этомъ
Польскія войска дѣлали все что хотѣли,
безчисленна, насилія, грабежи и истреб-
ленія, нѣсколько разъ повнорали Вар-
шавскій шуръ. Иакожецъ ограбивъ всѣ
церкви ондавалъ на аренду Жидамъ, а
ушварь церковную распродалъ, и прои-
ли Жидамъ, кои подѣляли себѣ изъ се-
ребра Св. ушварей посуду и убранства,
а ризы и сѣнахи перешли на платье
своимъ женамъ и дочерямъ. —

— ! ? ! ? —

Подобныя описанія занимають большую часть сказаній И. Р. споль любезной многимъ изъ нашихъ Критиковъ. И какъ не вѣрить имъ? ... Отъ никакъ занимательны! —

21.

Надгробная пѣснь Чураю въ переводѣ.

Асаулъ Чурай по словамъ Конисскаго прибилъ гвоздями къ доскѣ облитой смолою, и сожжешь медленнымъ огнемъ, или, что всего справедливѣе, казней. Подлинную пѣснь на смерть Чурая см. Зап. Стар. No I. 74 — 76. Вотъ переводъ оной.

— Орелъ, сизый орелъ, молодой Чурай! Тебя умертвили Поляки въ своей
Часть I. (145) 13

земль. Тебя умертвили Поляки съ твоимъ Генманомъ, съ твоимъ Генманомъ Паномъ Сине-фаномъ (Оспиравицей). Орелъ, сизый орелъ! У тебя есть еще братья орлы! И старые и молодые, — ты знаешь ихъ — и старые и молодые все они въ тебѣ, и все поклялись опомститься за тебѣ! И старые и молодые, все удалые; ихъ вороные кони быстры, проворны; они быстры, проворны, и летаютъ какъ орлы, и какъ шуми нападаютъ на города Польскіе. Ихъ буланнныя коня съ длинныи наконечниками, и все остры какъ иглы, и во всехъ долги кюги. У нихъ и сабли буланнныя о двухъ лезвияхъ; и тѣ сабли вѣчно осыпаютъ Дяховъ злою судьбиной.

Ключи. Я не понимаю значенія этого слова и оставляю безъ перевода.

*Дума о Полтора-Кожухъ въ пе-
редѣ.*

— Козаки вышли на чепыре поля, на чепыре поля а на нѣдѣе на Подолье. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мункенъ, а за Шаномъ Хоружимъ мало-мало не при иысяти, все храбрые Козаки Запорожцы. Они гарцюють на коняхъ, блестятъ саблями, бують въ бубны, моляцца и крестяцца Богу. Не гарцюють на конѣ своемъ одинъ Самко Мункенъ; онъ придерживаетъ коня своего, — и думаетъ и гадаетъ; и чмо-бы сню черней разбѣли бѣдой его думу, его гадаше! Самко Мункенъ думаетъ, и говоритъ такіа рѣчи: — Чмо будетъ, когда Поляки какъ въ аду сожгутъ наше Козачество, и сварятъ себѣ на похмѣлье аснвы изъ нашихъ Козацкихъ молодецкихъ коешей! Чмо будетъ, когда наши

молодецкія Козацкія головы лягунъ на
полъ снѣгомъ, и обограня кровью
родной, и покроются щенами сабель
своихъ. Какъ порохъ изъ дула пронадесть
тогда слава Козацкая; а не наша-ль слава,
по всему свѣту дыбомъ спала, по всему
свѣту снѣною лягла, по всему свѣту
луговымъ шумомъ зашумѣла, и Туркамъ
и Ташарамъ дала себя знанъ и добромъ
и зломъ, а врагамъ Ляхамъ ошдалась на
конѣ.

Тени поспѣши, загряеши воронъ;
скача по снѣгу замлаеши кукушка; за-
каркаеши сильный кречень; головою пошк-
иши быстрый орелъ; — вѣй о бранныхъ
своихъ, о буйныхъ погарницахъ своихъ
Козакахъ.

Ни замела ихъ манель; ни попо-
нули они въ Пекать, ни повиднѣ холмовъ
ни въ снѣгахъ, ни въ лугахъ, ни въ Та-
шарскихъ земляхъ, ни въ Турецкихъ го-
рахъ, ни на Черныхъ моряхъ, ни на Ля-
нскихъ поляхъ. Загруеши воронъ, за-
груеши, зашумиши, — и подешиши въ чу-

жую землю. И чтожь? Лежашъ косишъ, шорчашъ сабли: хрускашъ косишъ, звезишъ щены сабелыны; а черно-сѣрая со-рока вричитъ и прыгаетъ. Головы Козацкія, — шо будишъ сапожаникъ Семей кожу пошеришъ (?); а ихъ дохлы — слов-но черниъ изъ нихъ журыны нащель: шакъ зашеклася кровь на нихъ. — Вошъ какой славы они добыли себѣ! —

Пошли Козаки на чешыре пушя, на чешыре пушя а пиньшъ Подольемъ. Однимъ полемъ пошолъ Самко Мушкентъ, а другимъ полемъ пошолъ Стефанъ Ку-кураза: онъ пошкнушъ своей буйшой го-ловой словно голубиъ. За ширъ идуть по-много не крѣи шисели храбрыхъ шова-рищей Запорожцевъ. Они гарцюють на-коцяхъ, блещишъ саблями, играють въ бубны, и моляшъ и краснишъ Госпо-ду Богу, и шакъ моляшъ Стефану Ку-курузѣ:

— Живѣ-ли, здоровѣ-ли, Шанъ Сте-фанъ? Или шм умеръ, што швоя голова къ долу пошкля, словно дубомъ приши-

бло ее? Не въ память дума швея. При-
дентъ-же время, что и по насъ будущъ
шворить напачды: за нами будущъ
старыя бабы въ ноть свистѣны; а за
тобою снѣдутъ слезы лишь юныя дѣ-
вцы. Но то все едино, что хлѣбъ, что
мякина. Воишь какъ приспанешъ къ нѣпо-
му яру, то загудитъ, зашумитъ хощь и
середь лѣсна по-дай-Богъ-буря. Вѣда бу-
дентъ и намъ, какъ вѣщала кукушка, ска-
ча по степи, лѣсна лугомъ. Что ковала
она, то говорила правду. И палешатъ
быстрые орлы, и снѣдутъ москочау;
и палешатъ вороны, снѣдутъ жданъ себѣ
добычи. И какъ палешатъ кукушки — то
насъ не забудутъ. Иное Жидъ, иное
чертъ, иное Запорожскій Козакъ. — И по-
шли Козаки чепырьми пущами, чепырьми
пущами, а пѣшымъ Подольемъ. Однимъ по-
лемъ пошелъ Самко Мункентъ, а другимъ
полемъ пошелъ Снефанъ Кукуруза, а
третьимъ полемъ пошелъ Карпъ Пол-
тора-Кожухъ. Онь гарцуютъ на конѣ
своемъ, онь пѣсню поютъ. И за нимъ

идущъ не много не три тысячи, все храбрые повараши Запорожцы, и гарцують на коняхъ, и блещутъ саблями и бьютъ въ бубны, и молятся Богу. Генштамъ Карна Полтора-Кожухъ гарцуетъ на конѣ и пѣсно поетъ:

— Проклятая шеска; она изсушила меня; она съ ногъ свалила меня, молодого Козака; но я не поддамся шескѣ: пойду къ шинкарь, и пашьюсь виномъ. Кинь хочешь шинь вина? Пойдемъ къ Жидовкѣ; а у Жидовки черныя брови и юбка цвѣтная, и сама молодая; и ужъ какъ хороша, какъ мила! Шинкарочка, шалей-же мнѣ меду и вина, авось будушь легче голодѣ мой. — Если ты женатъ воротишься домой! Если-жъ не женатъ, перекочуй со мной. — Охъ, если у меня и жена и двое дѣтей, да чинѣе-же, — не льзущъ ко мнѣ, сердце мое!

О подвигахъ Генштама Карна Полтора-Кожуха. Лыбонисцы говорятъ отецъ

кратко, не упоминая ни слова о его сподвижникахъ. Воистъ почему я долженъ оставишь одну думу безъ дальнихъ объясненій, сколько ни замѣчательна она по обрисовкѣ характеровъ оригинальной и необыкновенно выразительной: это — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ Старины Запорожской.

25.

*Сказаніа Конисскаго о Гетманѣ
Гулакѣ.*

— На мѣсто Гетмана Полнора-Кожуха въ 1642 году избранъ Козаками въ Гетманы Обозный Полковой Максимъ Гулакъ, но и сей одинакую съ Полнора-Кожухомъ имѣли участь, и покушенія его на умноженіе войскъ и освобожденіе Малороссіи отъ ига были тщетны, и когда вышелъ было съ войскомъ къ

рѣку Тасмизъ для поиска надъ Поляками, но множествомъ подъ командою Чингисскаго Спаросны Чернецкаго были разбиты и разбиты, и обоимъ съ запасомъ и артиллерію потерялъ, и такъ пребывая онъ въ нѣхъ-же пограничныхъ мѣстахъ гдѣ и Полтора-Кожухъ держался, имѣвъ при себѣ реорганизованнаго войска только 7000 и съ нѣмъ ходилъ къ соседнимъ народамъ на показу и. о. помогать между ими слабѣйшимъ, и когда Крымцы его вызывали, то воевалъ онъ на ихъ коннѣхъ на Черкасовѣ, на Волжанскихъ Хановѣ и на Камильковѣ, и много нѣмъ одолжалъ Крымцевъ ко взаимности; а когда звалъ онъ царей Московскихъ, то воевалъ онъ съ ними на Заволжцевѣ и Донцевѣ; и наконецъ запрошенъ былъ онъ Султаномъ Турецкимъ прошивъ Персовъ, тогда съ Турками войну имѣвшихъ; и ходилъ на коннѣхъ Турецкомъ съ войскомъ своимъ за Кубань въ Анаполию, гдѣ соединился съ Нашею Турецкимъ Джераромъ проходилъ

оъ нимъ до Эривана, побѣждать всегда
удачно .встрѣчавшіеся съ ними Перед-
скіе корпуса. А при Эривани получить
Султанскій фирманъ съ объявленіемъ
мира, и Гулакъ возвратился счастливо,
и одаренъ Султаномъ весьма, и дано
ему Клейзоды: бунчукъ и перчатку, осы-
панные каменными и жемчугомъ. А чрезъ
5 лѣтъ Гейманъ скончался, въ мирѣ и
и доспокоившъ. —

Эпгелъ и нѣкоторые Лѣтописцы
починають преемникомъ Полтора-Ку-
жуха — Булюка или Павлюка (G. U. 153).

24.

*Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ
изъ Азова въ переводѣ.*

См. Зап. Сипар. No I. 94 — 102. На-
чала сей думы я доспавъ не могъ; по-
спышалъ, и увѣренъ, что она оплошн-

ся ко времени Савастюмича. Доказатель-
ства на это будуть помещены въ одной
изъ книжекъ Дополненій къ Зап. Снар.
выснѣ съ началомъ думы, которое на-
дѣюсь получить въ скоромъ времени.

— Тогда не голубые туманы поднима-
лись, но уходили изъ города Азова изъ
пляжкой неволи при браня родные.
Снарніе два уходили на коняхъ, а мень-
шій пѣшкомъ; и говнился онъ за конскими
браньями своими, колесъ Козацкія ноги
свои о сырые коренья, о бѣлые камни,
и заливаешь слѣды свои кровью, и дого-
няешь снарныхъ браньевъ, и хващаешь
за ширемена, обливаешь ихъ дробными
слезами, и молвишь такіа слова:

— Снарніе родимые бранья мои!
хоть не много подождиши меня, понаси-
те своихъ Козацкихъ коней, и примиши
меня къ себѣ на коня, и хопъ не много
подвезиши къ городу Христіанскому,
что-бы я зналъ, какъ идти мнѣ въ го-

рода Христіанскіе къ опцу, къ маетори. Прощу васъ, или примите меня къ себѣ на коня, или опрубите мнѣ голову, похорошите мое тѣло Козацкое въ чистомъ полѣ, лишь не опдайте меня на поправу хищной птицею и звѣрю. — И услышавъ это синарий брань, и такъ опавша на младаму брану:

— Брань наша младшій, родной. Не поднимется рука наша, не осмѣлится сердце, не пренесетъ сабли прошивъ тебя. Лучше мы будемъ идти торжовниками и байраками, искать тебѣ приспанища, осматривать тебѣ признаки по пути.

И бѣжали браня по дню, по два по три, по четыре, и осматривали младаго брана на Азовской степи; и когда начали выѣзжать изъ черновиковъ и байраковъ, слыли бросать знаменье по пути своему. Тогда средній брань говорить синариему брану такія рѣчи:

— Синарий, родимый брань! Прощу я тебя — здѣсь и пища свѣжа, и вода

числа, и очередь придетъ. Отдохнемъ; понаедемъ своихъ коней, хоть не много подождемъ нашего пѣнаго брата, примемъ его къ себѣ на коня, подвеземъ хоть не много къ городамъ Хрисніадскимъ, чинно-бы зналъ онъ, нашъ младшій родной братъ, куда нушь его къ опцу, къ маперу. —

Спарій братъ отвѣчалъ среднему такимъ словомъ:

— Родимый братъ мой средній! Если будемъ ожидать своего пѣнаго брата, то за нами Азовская погоня пойдетъ, и достиженіе насъ, и на три куска разрубимъ; или опведемъ насъ еще въ худшую неволю, а младшаго брата минувемъ во время его отдыха въ шерновникѣхъ или байракахъ; не поможемъ мы брату, не избавимся и онъ рабства Турецкаго. —

Тогда средній братъ придумалъ доброе дѣло. На немъ одинъ катшанъ, охъ не жалѣемъ и его, опрываетъ онъ всего желтые и черные суракъ, и броса-

есть ихъ на купчи въ знаменье младшему
бранцу своему. И бѣжалъ младшій бранецъ
не день, не два, не три, не чемыре, —
и выбѣгалъ изъ перновинковъ и байра-
ковъ, и находилъ желтые и черные шкур-
ки изъ кафшана. — Онъ беретъ ихъ въ
руки, и обливаетъ слезами, и говоритъ: —

— Не даромъ шкурки моихъ бранцевъ
валяются по дорогѣ. Вѣрно, ихъ иѣтъ
уже на свѣтъ. Вѣрно, за ними гналась
погоня изъ города Азова, и побила ихъ,
моихъ кожныхъ бранцевъ, и рубила на
три куска; или еще въ худшую нево-
лю живыхъ оповодила а мени младшаго
брата миновала въ перновинкахъ и бай-
ракахъ. О, еслибъ мнѣ Богъ помогъ най-
ти ихъ ируны въ сепени, — я бы по-
гребъ ихъ; я не опдалъ-бы ихъ на по-
праву зѣврямъ и шинцамъ. Пора уже
мнѣ пересиланъ гнѣться за кожными
браньями; пора мнѣ дань опдыхъ мо-
имъ Козацкимъ погамъ.

И жажда, и голодъ, и вѣтеръ на
него нападаетъ, подѣвкаетъ ноги бѣд-

ному Козаку. И начал тогда младшій брань склонять свою голову. Тогда сикали, налетавъ сизокрылые орлы, и садившя на черныя кудри его, и выкле-вывавъ его сѣнныя очи. И Козакъ го-ворить орламъ сизокрылымъ такія слова:

— Сизокрылые орлы, не шныте, не любите госпни мои! Подождите хоть не много, пока будетъ душа разлучаться съ тѣломъ. Тогда налетайте на пруть, и выклевайте очи мои. —

Слетавшя тогда и мелкія птички, и прилихъ ошрывать тѣло оныя жел-тыхъ косней. Слетавшя и кукушки, и садившя въ головы у бѣднаго Козака, и ковали — горевали будно родныя се-стеры. Сбѣгавшя и сѣрые волки, и раз-носили женныя косны не оврагамъ и шерновикамъ, и жалобно выли, завыва-ли. То они все ошправляли похороны Козаку молодцу.

Межъ тѣмъ старшіе братья при-ближали къ городамъ Христіанскимъ, —

и налегала на нихъ тяжелая грусть.
И средній братъ говорить старшему:

— Братецъ мой старшій родимый!
Не даромъ тяжелая грусть налегала
на сердца наши: вѣрно, уже шить на
шивъ нашего младшаго брата. И когда
мы дойдемъ до отца и матери, и когда
они будутъ насъ спрашивать, что мы
спанемъ изъ ошивчанъ, родимый братъ?
Старшій братъ ошечивать ему:

— Мы скажемъ, что мы не у одного
Господина были въ неволѣ, и бѣжали
изъ неволи ночью порой, когда онъ
спалъ, и недобудившись его оснавили въ
неволѣ.

Средній братъ выслушать и сказать:

— Если мы не скажемъ правды отцу
и матери, то насъ покарають молнияз
ошцовская и материнская.

И захвали старшіе братья въ дѣла
Самарскіе, и ошдыхали на берегу Сама-
ри, и пустили коней своихъ пасшихся.
Тогда захвали неврные, и схватили
двухъ братьевъ, заковали въ оковы, во-

точили ихъ по степи; и потомъ четвер-
товали туши ихъ, и бросили въ чисномъ
полѣ, а головы вышари на сабли, и ру-
гались надъ ними.

И вонь — хонь и дегни головы
прохъ браньевъ; но ихъ слава не у-
мреть мекъ Царей, и мекъ вельможъ,
и всѣхъ православныхъ Христіанъ.

Дай, Господи, міру Царскому, міру
Христіанскому, всѣмъ здравіе на многія
лѣта! Аминь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе 7

Львопись :

СКАЗАНИЯ о возснаніяхъ Украин-
цевъ и Козаковъ прощивъ Польши 11

ЗАМѢЧАНИЯ:

1. Первые мншежи Козаковъ про-
щивъ Польши 5 65

2. Свиденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіянамъ Королями Польски-
ми 67

3. Подвиги Косинскаго 70

4. Мншежи въ Кіевъ, Переяславль
и Лубнахъ. 1594 73

5. Дума о бинивъ Чигринской въ
переводъ 74

6. Письмъ о сожженіи Могилева въ
переводъ 81

7. Письмъ объ убіеніи Падивайки въ
переводъ 84

8. Пѣснь о подвигахъ Лободы въ пе- реводѣ	91
9. Тешеренко	95
10. Повѣснь Конисскаго о слѣдствіяхъ смерти Чаливайка	102
11. Повѣснь Конисскаго о слѣдствіяхъ Бреснскаго собора	103
12. Пѣснь о Сагайдачномъ въ пере- водѣ	105
13. Походы Козаковъ прошивъ Та- шаръ и Турокъ	111
14. Пѣснь о Саѣ Чаломъ въ пе- реводѣ	122
15. Сказанія о смерти Сагайдач- наго	130
16. Сказанія о Кунцѣвичѣ	131
17. Дума о Безродномъ въ переводѣ	133
18. Привилегіи данныя Сигизмун- домъ III Грекороссіянамъ	136
19. Сказаніе Боплана о Койдакѣ	138
20. Повѣснь Конисскаго объ убіе- ніи Осипяницы и его товари- щей	141

21. Надіробная піснь Чураю въ	
переводъ	145
22. Дума о Полтора-Кожухъ въ	
переводъ	147
23. Сказаніе Кошисскаго о Геймашъ	
Тулакѣ	152
24. Дума о побѣдѣ прехъ брань-	
евъ изъ Азова въ переводъ .	154

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части

Запорожской Старины.

Кн: I.

Пѣсни и Думы о лицахъ и событіяхъ до
Богдана Хмельницкаго.

— Предисловіе: — 5 — 25. Пѣсни и Думы:
— 27 — 109. — Замѣтки: — 110 — 129.

Кн: II.

Сказанія Лытописцевъ и Преданія о ли-
цахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запо-
рожьѣ до смерти Баторія.

— Предисловіе: — 5 — 13. — Лытопись: —
15 — 33. — Замѣчанія къ Лытописи,
Пѣснямъ, помѣщеннымъ въ Кн: I, подъ
№ 1, 2, 3 и 4, и Думамъ, подъ № 1
и 2, съ переводомъ оныхъ: — 35 — 130. —

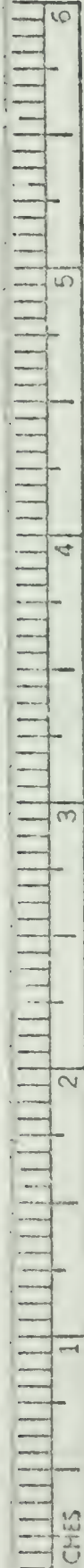
Сказаніе о Гетманахъ Запорожскихъ:
— 131 — 138.

Кн: III.

Сказанія Лѣтописцевъ и Преданія о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ отъ смерти Баторія до Богдана Хмельницкаго.

— Предисловіе: — 7 — 9. Лѣтописи: — 11 — 64. — Замѣчанія къ Лѣтописи, Писаніямъ, помѣщеннымъ въ Кн: I, подъ No 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, и Думахъ; No 3, 4, 5 и 6, съ переводомъ оныхъ: — 65 — 159.

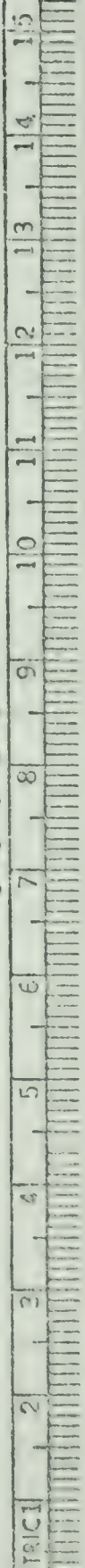

CHES

CAT. NO. 73035 STUDENTS RULE

CENCO

CENTRAL SCIENTIFIC COMPANY

TRICI

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK	Sreznevskii, Izmail Ivanovich
508	Zaporozhskaia starina
.55	
S65	
1834a	
ch.1	

